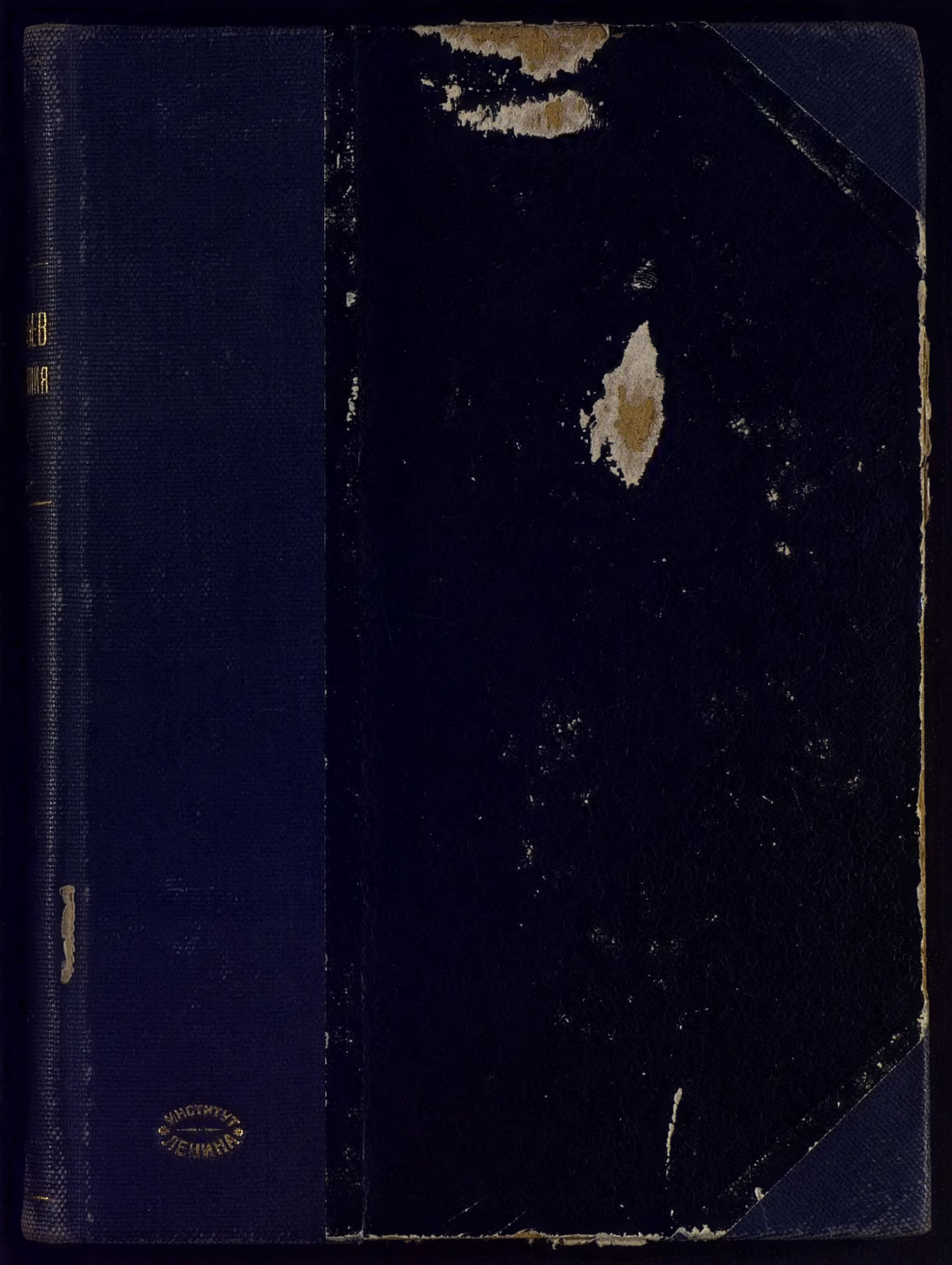
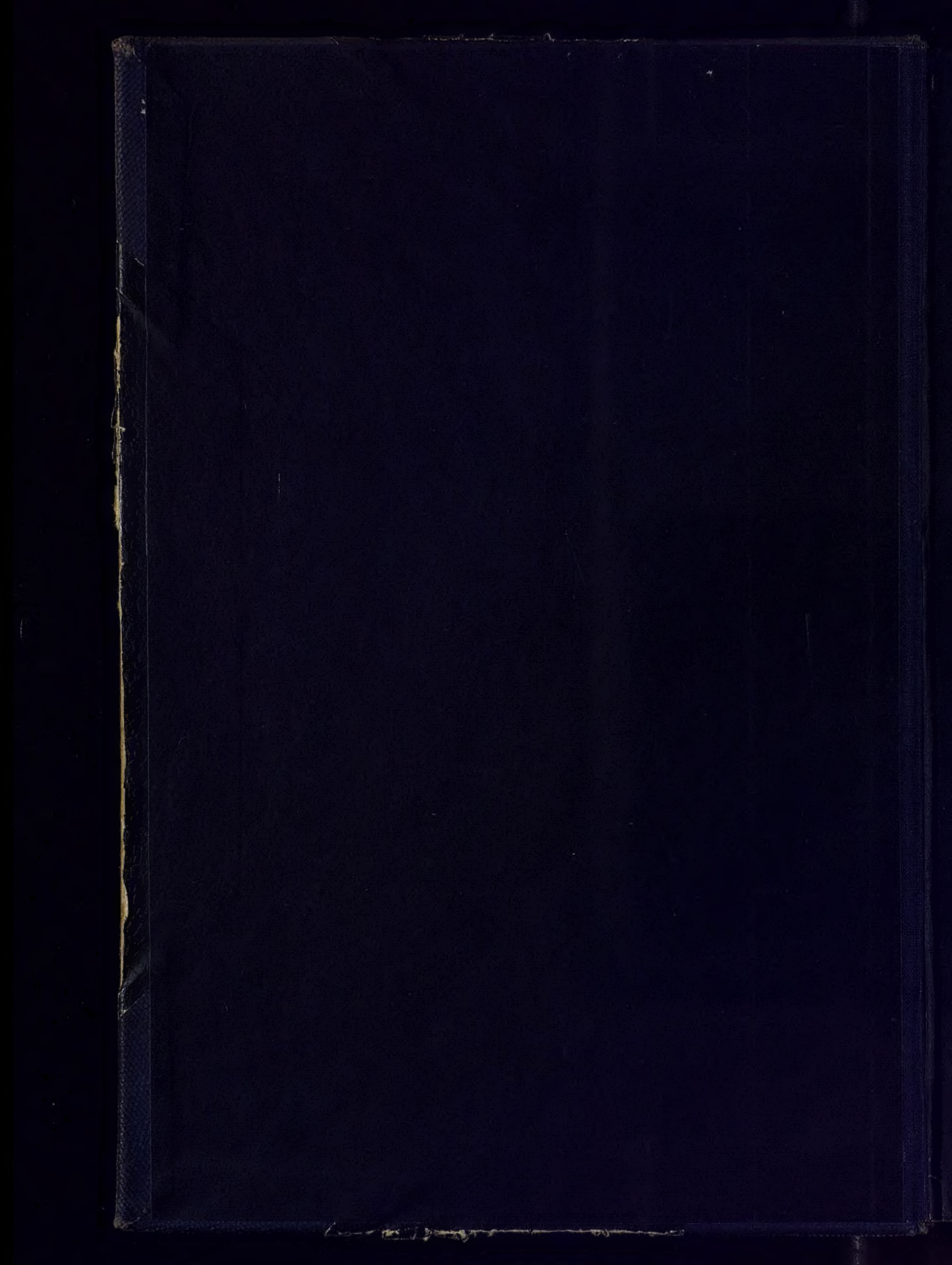
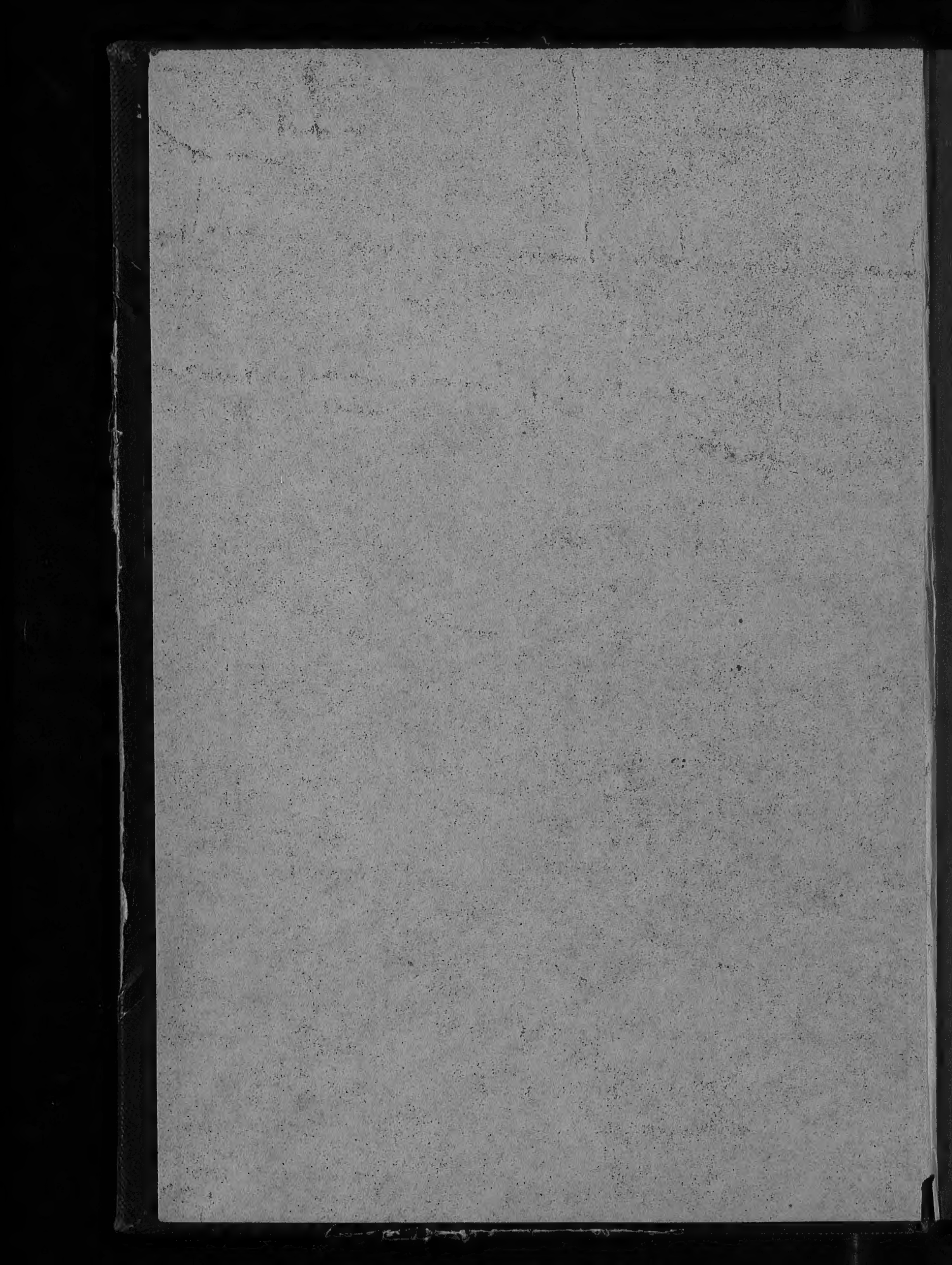

ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

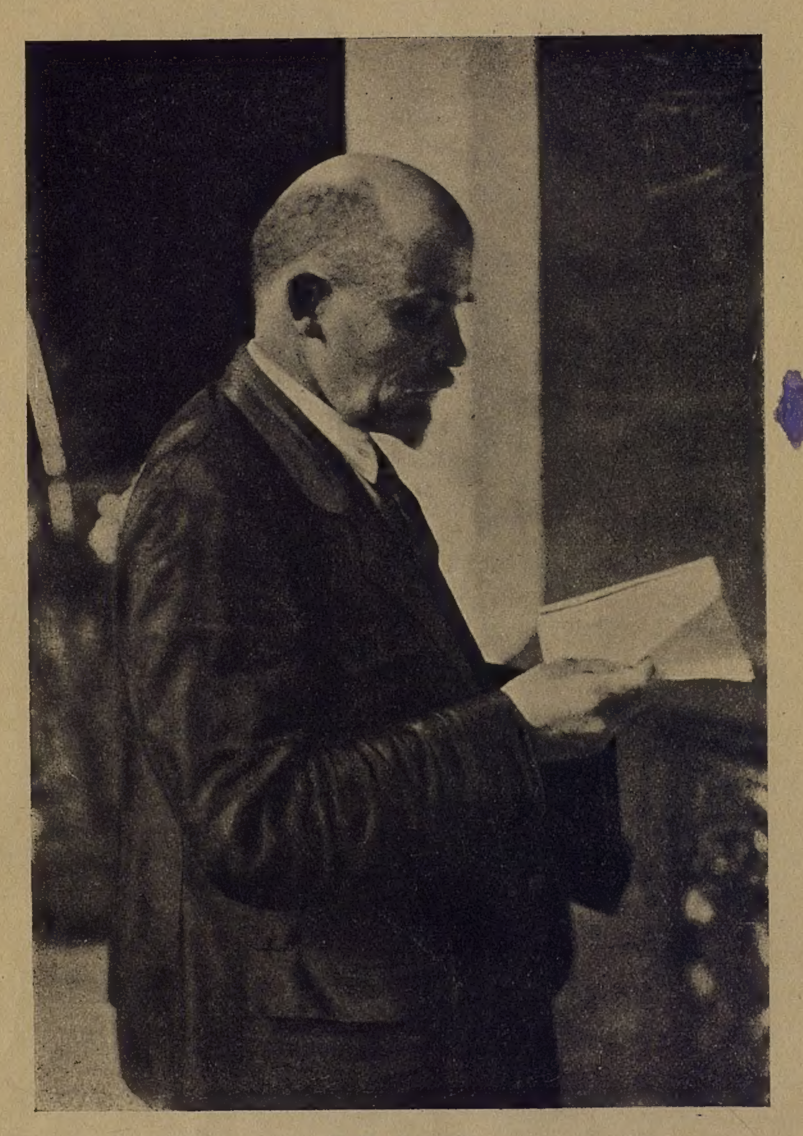
Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН

ТОМ
XV

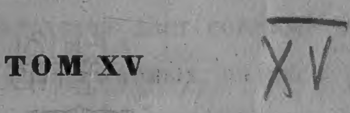
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТ-ВО
ЛЕНИНГРАД—1924

В. И. ЛЕНИН.

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ XV

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

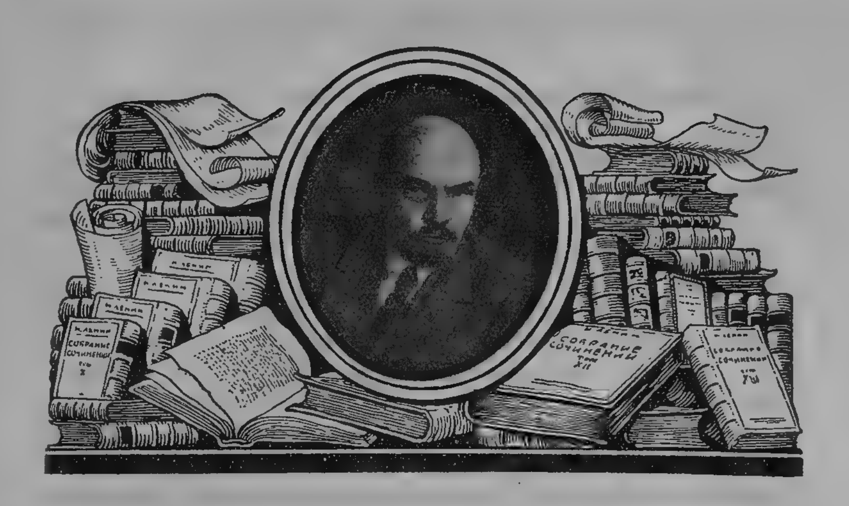
Гиз. № 6814. Ленинградский Гублит 1537. Отп. 20.000 экз.

ОТ АВТОРА.

Автор с крайней неохотой дает согласие на издание отдельным томом предлагаемых очерков и материалов. Многое здесь было написано на-спех и сказано на-лету. Издание оправдывается только той необычайной жаждой узнать подробнее о жизни и деятельности Владимира Ильича, которая охватила громадные массы народа.

Автор работает над книгой о В. И. Ленине, которая потребует не один год труда.

Автор мечтает, как о величайшем счастьи, действительно написать эту книгу о Ленине и ленинизме.

Н. ЛЕНИН (ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ) [1].

Очерки жизни и деятельности.

Товарищи! Последнюю неделю можно назвать неделей о Ленине. Я думаю, что я нисколько не преувеличу, если скажу, что каждый честный рабочий Петрограда, всей России да и всего мира, поскольку до него дошла весть о покушении на товарища Ленина, в течение этих тревожных дней не имел другой мысли, как мысль о том: выздоровеет ли раненый вождь международной Коммуны? И я, товарищи, счастлив поделиться с вами хорошим известием: сегодня мы можем — наконец! — считать выздоровление товарища Ленина вполне обеспеченным.

Товарищи! В моих руках телеграмма, писанная уже самим тов. Лениным. Телеграмма эта подана сегодня в 1 ч. 10 м. дня из Кремля. Это, повидимому, первая телеграмма тов. Ленина после начала его выздоровления. Тов. Ленин дает нам некоторые деловые указания и заканчивает телеграмму следующими словами: «Дела на фронте идут хорошо; не сомневаюсь, что пойдут еще лучше». Таким образом, товарищи, ясно одно, что тов. Ленин будет жить на страх врагам коммунизма и на радость пролетариям-коммунистам.

Товарищи! Само собою понятно, что в этом зале нет ни одного человека, который не знал бы в общем и в целом, кто такой Ленин. Каждый рабочий слышал о Ленине и знает, что

это — исполинская фигура в истории всего мирового рабочего движения. Каждый настолько привык к слову «Ленин», что не задумывается, что же именно, в конце концов, сделал товарищ Ленин для международного и русского рабочего движения. Каждый пролетарий знает, что Ленин — это вождь, что Ленин — это апостол мирового коммунизма. Но я думаю, товарищи, что мы не можем воздать большей чести нашему учителю и вождю сегодня, как если я, знающий биографию тов. Ленина достаточно подробно — мне посчастливилось больше чем десяток лет работать рука об руку с товарищем Лениным в самом тесном сотрудничестве, — если я воспользуюсь сегодняшним случаем для того, чтобы с более молодыми друзьями и товарищами более старыми, но не имевшими возможности так близко наблюдать деятельность тов. Ленина, поделиться хотя бы вкратце подлинной, фактической его биографией.

Владимиру Ильичу Ленину-Ульянову теперь 48 лет. Он родился в 1870 году, 10 апреля, в г. Симбирске. И из 48 лет его жизни тов. Ленин почти целых 30 лет посвятил работе на пользу освободительного движения.

Отец тов. Ленина работал на Волге директором народных училищ и пользовался большой любовью среди учителей городских и сельских школ своего округа.

Мать т. Ленина я знавал и лично. Она умерла в 1913 году. Александр III казнил ее старшего сына Александра Ульянова. С тех пор всю свою материнскую нежность она перенесла на Владимира Ильича. И т. Ленин, в свою очередь, нежно любил свою согбенную горем матушку.

Живя в эмиграции, гонимый царским правительством, т. Ленин отрывался от самой неотложной работы, чтобы специально съездить в Швецию повидать там свою мать и скрасить ей последние дни ее жизни.

После окончания гимназии Владимир Ильич поступил на юридический факультет Казанского университета. Столичные университеты были закрыты для него, как для брата казненного террориста. Студентом В. И. пробыл, однако, недолго. Через месяц его исключили из университета за участие в студенческом революционном движении. Только через четыре года В. И. получил возможность сдать экзамен.

Юридическая карьера, однако, не прельстила товарища Ленина. В. И. всегда в очень юмористических тонах рассказывал о немногих днях своей адвокатской «практики». Товарища Ленина тянуло совсем в другую сторону. Он рвался к революционной деятельности.

* * *

Товарищ Ленин стоит как бы на рубеже между старым поколением революционеров-народников и новым поколением революционеров-марксистов. Тов. Ленин сам участвовал в студенческих народнических кружках, но уже в то время одной ногой он стоял в марксистском лагере.

Владимир Ильич, однако, спаян кровью с первым поколением революционеров-террористов, тех славных деятелей, имена которых сейчас еще сияют, как ослепительные звезды, — потому что они убивали не друзей народа, как делают теперь несчастные кретины право-эс-эровства, а убивали тиранов и палачей народа. Владимир Ильич кровно связан с этим поколением борцов. Он связан с этим поколением через своего брата Александра Ильича Ульянова, который был видным деятелем Народной Воли и который был повешен за это царским правительством в 1887 году.

Сам товарищ Ленин никогда не был народовольцем. Но он всегда учил нас самому горячему уважению к этой плеяде блестящих революционных деятелей, к первому поколению революционеров-народников. Ленин, с тех пор как он зажил сознательной политической жизнью, никогда не разделял народнических теорий. Он выдвинулся тогда, когда начал бороться против революционного народничества. Он был резким антиподом Михайловского. Первую славу на арене социалистической деятельности он приобрел себе именно в борьбе против народничества. Но никто так не уважал, никто так не учил рабочих уважению к этим первым борцам против царизма, как Владимир Ильич.

Для товарища Ленина недосягаемо высоко стоят такие деятели, как Желябов и Софья Перовская — люди, которые поднимали знамя восстания и шли с бомбой и револьвером против царя в конце 70-х и начале 80-х годов, когда Россия была тюрьмой народов, когда так тяжело дышалось всем друзьям свободы, когда рабочие в России только еще начинали складываться в класс... Владимир Ильич хорошо понимал, как поистине велика и необъятна заслуга первых глашатаев русской революции.

И т. Ленин не отказывался от этого наследства. Он говорил: это наследство принадлежит именно нам. Наша задача повести дальше то дело, которое начал Желябов. Желябов, связавший себя с рабочим классом и поставивший на очередь социалистическую революцию, — это и есть большевик, это и есть коммунист. Чтобы при новых общественных условиях делать дело Желябова, — для этого мы должны стать революционными марксистами, мы должны дышать одною грудью с рабочим классом, единственным революционным классом наших дней, тем классом, который не может освободить себя, не освободивши весь мир.

Владимир Ильич особенно любит и гордится фигурой первого крупного рабочего вождя, столяра Степана Халтурина. Ленин не знал его лично, он знал его из рассказов и книг, как знаем его и мы. Вы знаете биографию этого гениального пролетария, который не только взорвал Зимний дворец, но который совершил нечто большее: первый выкинул знамя политической борьбы против царизма от имени рабочего класса. Т. Ленин говорил: когда у нас будут сотни таких пролетариев, как Халтурин, когда они не будут больше одиночками, которые идут с бомбой или револьвером против того или другого отдельного министра, когда они встанут во главе миллионного рабочего класса, — тогда мы будем непобедимы, тогда придет конец царизму. а вслед затем и владычеству буржуазии.

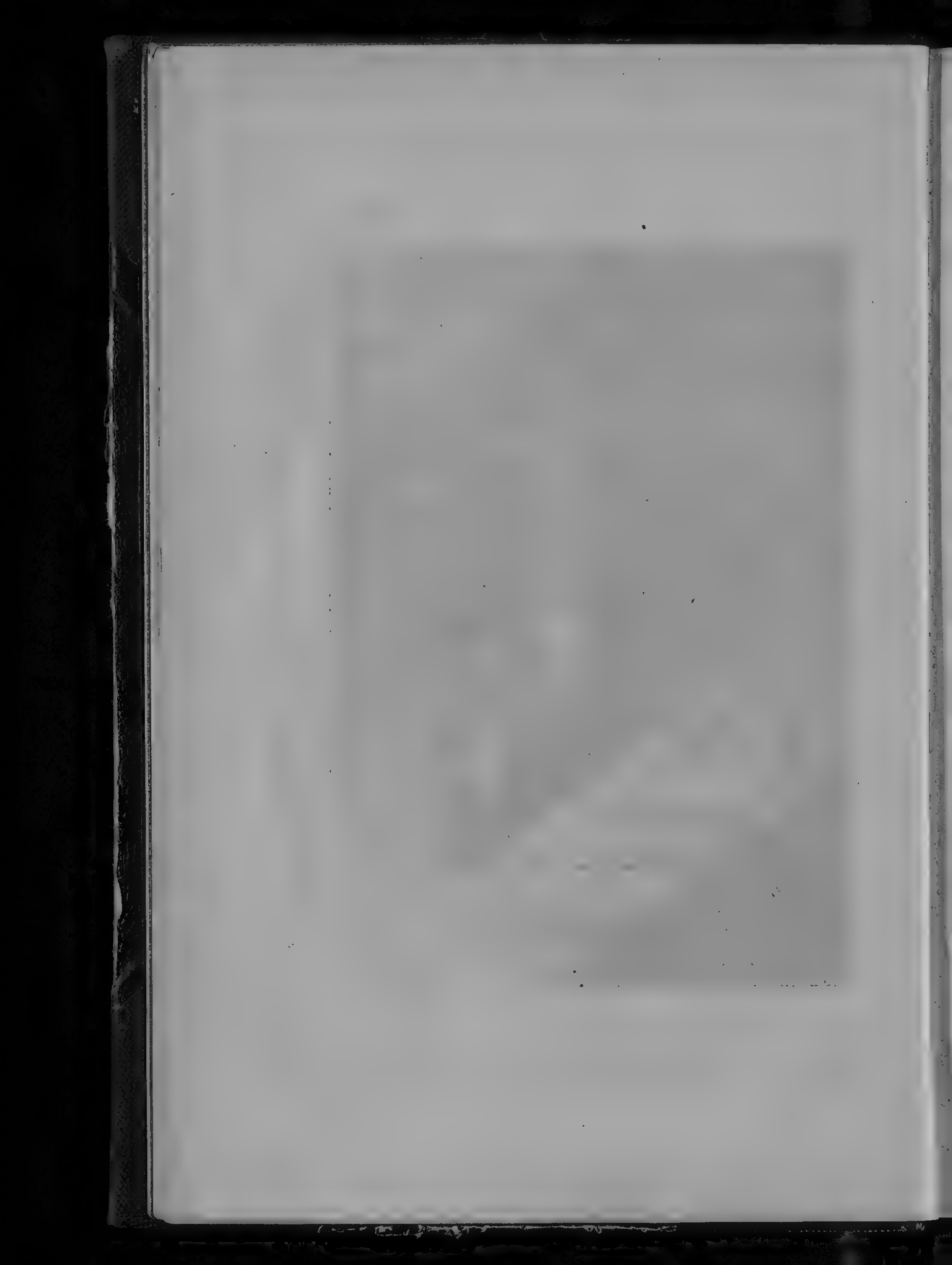
Любовное отношение товарища Ленина к пролетариям, сколько-нибудь выделявшимся из общей среды. особенно бросается в глаза. Одним из деятелей, которого тов. Ленин более всего ценил и любил, был рабочий Иван Васильевич Бабушкин, с которым товарищ Ленин здесь в Петрограде начал свою работу в 90-х годах, с которым вместе закладывал первые рабочие кружки, вместе проводил первые рабочие стачки, вместе участвовал в организации «Искры». Товарищ этот сыграл выдающуюся роль в революции 1905 года, и только случайно в 1907 году Владимир Ильич узнал от друзей-сибиряков, что Бабушкин был расстрелян генералом Ренненкампфом в Сибири.

И. В. Бабушкина и Шелгунова, который еще жив и которого знают питерские пролетарии (он теперь ослеп) — этих выдающихся борцов, вышедших из среды рабочих, тов. Ленин любил, как братьев, ставил их нам в пример, видел в них настоящих предтеч, настоящих вождей зарождающейся рабочей революции.

* * *

Внутренний вид шалаша (близ ст. Разлив), в котором т. Ленин проживал после июльских дней 1917 года до Октябрской революции.

Первая полоса в деятельности тов. Ленина, как и многих из революционеров, вышедших из среды интеллигенции, прошла в студенческих кружках. Когда тов. Ленин был исключен из Казанского университета, он явился в Петроград. И он рассказывал нам, как, слегка заразившись уже в Самаре марксистскими идеями, он ходил по Петрограду и разыскивал марксиста. Жив человек, отзовись! — звал тов. Ленин. Но «порода» марксистов была тогда крайне редка. Марксиста не было в Питере, его надо было искать днем с огнем. Народники владели умами всей интеллигенции, а рабочий класс только еще просыпался к политической жизни.

И вот молодой товарищ Ленин через 1—2 года создает в Петрограде первые рабочие кружки и сплачивает вокруг себя первую группу интеллигентов-марксистов. А еще через короткое время Ленин уже на литературной арене скрещивает шпагу со старым вождем народников Н. К. Михайловским. Ленин (под псевдонимом Ильина) выступает с рядом блестящих экономических статей, которые сразу завоевывают ему имя. И сразу в народнических интеллигентских кружках замечается некая тревога. Кто-то властный и сильный потревожил мелко-буржуазное болото. Начинается движение воды. На горизонте показалась новая фигура. Кто-то будирует. Повеяло чем-то новым. свежим.

В Петрограде тов. Ленин вместе с другими деятелями-марксистами и вместе с первыми рабочими, о которых я говорил, создает «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». По поручению этой организации, он проводит первые рабочие стачки, пишет первые простые и скромные гектографированные листки, в которых формулирует экономические требования петербургских рабочих. В эту пору Ленин издает свою первую нелегальную брошюру «О штрафах» — брошюру, которая теперь уже позабыта, но которая по ясности и популярности изложения является классическим образцом популяризации марксизма.

В тот момент именно в этом был гвоздь: в агитации на почве штрафов, в разжигании экономических конфликтов, в поднятии каждой экономической стачки до уровня политического события. И Владимир Ильич со всей присущей ему страстностью отдается этому делу. Он днюет и ночует в рабочих кварталах. Его преследует полиция. Он имеет только маленький кружок друзей. Почти вся так называемая революционная интеллигенция того вре-

мени встречает его недружелюбно. Это была пора, не слишком далекая от той, когда народники сжигали первые марксистские сочинения Плеханова, на которых учился и Ленин.

И товарищ Ленин прокладывал здесь новую стезю. Вообще во всей деятельности тов. Ленина вы можете отметить, что он является именно новатором, он идет *против течения*, он прокладывает новую борозду в общественно-политической жизни. И в 90-х годах в Петрограде на его долю выпало проложить новую стезю, создать, сплотить первые отряды подлинной рабочей интеллигенции, из которых выдвинулся не один вождь нынешней рабочей революции.

Очень часто теперь в Совет Народных Комиссаров, на Всероссийский Съезд Советов откуда-нибудь из далекой Сибири, с Урала являются рабочие, которые сейчас состоят председателями Советов, вожаками местного движения. Они приходят к тов. Ленину и начинают вспоминать: а помните, в начале 90-х годов мы с вами там-то и там-то по поводу кипятка издавали какой-то нелегальный листочек или проводили такую-то стачку. Товарищ Ленин не всегда их помнит: слишком много людей прошло на его пути. Но они-то все его помнят. Они знают, что он был их учителем, что он первый заронил в них искру коммунизма. Они знают, что он был их подлинным другом и вождем.

К концу 90-х годов товарищ Ленин после продолжительного тюремного заключения должен был отправиться в ссылку. И там он развивает громадную научно-литературную деятельность. Там он написал несколько работ, из которых я остановлюсь только на двух. Первая работа, это—небольшая брошюра: «Задачи русских социал-демократов». Брошюра эта теперь мало кем читается. Но она остается шедевром марксистской постановки вопроса о судьбах социалистического движения в экономически отсталой стране. Тогда еще не был окончательно решен вопрос: в какой связи должна находиться политическая борьба рабочих против царизма и борьба пролетариата против буржуазии за экономические требования и за социализм.

Теперь, товарищи, все это кажется нам азбукой. Но тогда вопрос этот был далеко не так ясен. Пресловутые «экономисты», предшественники наших меньшевиков, ставили дело так, что политическую борьбу надо предоставить либеральной буржуазии, а задача рабочего только — борьба за копейку на рубль. Товарищ Ленин вслед за покойным Плехановым (тут нужно сказать,

что он взял от Плеханова очень много) дал великолепный анализ социальных сил, борющихся в России.

— Мы не должны ждать с созданием рабочей партии в России до тех пор, пока мы завоюем политические свободы. Нет,— говорил товарищ Ленин, — мы отстали от Европы на сто лет не для того, чтобы теперь непременно дожидаться с организацией рабочей партии, пока наша буржуазия встанет у власти. Нет, именно сейчас, под спудом и под гнетом царизма, в этих отчаянно трудных условиях мы должны и мы будем создавать самостоятельную классовую социалистическую партию рабочих, борющуюся уже сейчас *и* против царизма *и* против буржуазии.

Рукопись названной брошюры была доставлена за границу группе «Освобождение труда». В Швейцарии действовал в это время кружок, состоявший из Плеханова, Аксельрода и Засулич — первых основателей социал-демократии в России. Они жили тогда в эмиграции уже около 15 лет. И когда к ним пришла рукопись Ленина, то для них это была первая весточка зарождающейся весны. И не кто иной как Павел Аксельрод, который когда-то был социалистом и умел отмечать истинных вождей рабочего класса, — Аксельрод, когда он получил эту рукопись, был в восторге. Он говорил тогда в кругу друзей, что появилась величайшая сила в рядах нашей социал-демократии, что это восходит новая звезда первой величины. Аксельрод написал к брошюре Ленина предисловие, в котором не находил достаточно хвалебных слов, чтобы осыпать ими товарища Ленина. Он говорил, что впервые после Плеханова появляется вождь, практик рабочего движения, что Ленин — сила, которой обеспечено громадное будущее...

И Аксельрод в данном случае, надо отдать ему справедливость, не ошибся.

В той же ссылке товарищ Ленин написал подлинно-научную работу «Развитие капитализма в России» — книга, которая должна стать, и в значительной мере стала настольной книгой каждого рабочего. В этой книге т. Ленин свел счеты с народниками, с тогдашними властителями дум целого поколения нашей интеллигенции. Он блестяще доказал в этой работе, что прав был Плеханов, который утверждал, что Россия тоже не минует стадии капитализма. Он с целым рядом цифр в руках показал, что наша страна уже вошла в 90-х годах в фазу капитализма. Он

дал глубокий и тонкий анализ развития земледелия в России и внедрения в него капитализма. При помощи могучего ученого аппарата т. Ленин анализировал все хозяйство страны, как городское, так и сельское. И из этого спокойного, объективного анализа сами собой напрашивались революционные выводы насчет задач рабочего класса.

Эта книга т. Ленина признана даже буржуазными профессорами, как большое научное произведение. Мне самому в 1902 г., тогда еще студенту в Париже в школе социальных наук, организованной проф. Ковалевским и другими, пришлось слышать от проф. Максима Ковалевского величайшую, на его взгляд, похвалу Владимиру Ильичу. Он сказал: какой хороший профессор мог бы выйти из Ленина! В устах профессора Ковалевского это была самая высшая похвала. Да, из товарища Ленина мог бы выйти хороший профессор, но из него вышел вождь рабочей Коммуны, а это, я думаю, побольше, чем самый гениальный из гениальных профессоров.

В той же ссылке и накануне того, как ему пришлось быть отправленным в ссылку, т. Ленин начал борьбу и на другом фланге. Сражаясь одной рукой против народников в лице Михайловского и других, он тут же начал теоретическую борьбу против так называемого легального марксизма. Я не могу здесь подробно останавливаться на этом. Но многие из вас знают, что в 90-х г.г. в России сложилось целое, довольно широкое, направление, известное под именем легального марксизма. Во главе его стояли П. Струве, Туган-Барановский и другие нынешние вожди контрреволюционной буржуазии. Это течение имело глубокую социальную основу. Тогдашние либералы искали социальной среды, на которую они могли бы опереться в борьбе против царизма за буржуазные свободы. И они видели, что другого класса кроме рабочего класса—нет. Они видели, что народники с их стародедовской «теорией», утверждавшей, что у нас не будет капитализма, явно неправы. И они стали примазываться к марксизму, выхолащивая из него революционную душу и превращая его в «легальный» ручной «марксизм».

В борьбе против народников легальные марксисты временно были нашими союзниками. Они так же, как и мы, боролись с Михайловским. И одно время мы были с ними связаны определенным блоком. Но чуткое ухо т. Ленина открыло фальшивые ноты уже в первых сочинениях Петра Струве и К°. Ленин сразу

сказал, что это — союзники только на час, что они нас в конце концов предадут.

Замечательна та критика, которой подверг Ленин известную книгу П. Струве «Критические заметки». Струве долгое время числился социал-демократом. Он издал очень нашумевшую книгу «Критические заметки», направленную против Михайловского. Эту книгу критиковали Плеханов и Ленин. Плеханов критиковал ее со свойственным ему блеском литературного академика; Ленин критиковал ее по-иному. Я чувствую и знаю, — говорил Ленин, — что через год, через два Струве уйдет от рабочего класса и предаст нас буржуазии. Книга Струве кончалась словами: «признаем свою некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Над этими словами надо призадуматься, — говорил Ленин. — Как бы не кончилось тем, что сей Струве пойдет на выучку не к капитализму, а к капиталистам. И хотя Струве был товарищем Ленина и оказывал неоценимые услуги как товарищу Ленину, так и тогдашней социал-демократии, но Владимир Ильич со свойственной ему твердостью и последовательностью. как только подслушал фальшивую нотку в словах Струве, забил тревогу. Он стал бороться против Струве и под псевдонимом Тулина выступил со статьей в сожженном цензурой сборнике, где пространно разъяснил г-ну Струве, разбирая каждую фразу и каждое его положение, что вы, мол, г. Петр Струве, быть может, сами того не сознавая, сами себя считаете искренним сторонником рабочего движения, но в вашей новизне мне слышится буржуазная старина.

— Вы — буржуазный идеолог, — говорил ему тов. Ленин, — вы неминуемо отойдете в стан буржуазии и порвете с рабочим классом. Вы сами виноваты в том, потому что вы смотрите на рабочий класс как на средство, а не как на цель. Он для вас важен, как сила против царя. И вы его хотите использовать. не дав ему ничего. Позвольте вам этого не позволить. Мы до сих пор боролись против царя и буржуазии, но мы провозглашаем еще один фронт — мы будем бороться против «легального» марксизма. Мы стоим за подлинный, революционный марксизм и мы отвергаем ваш урезанный «легальный» марксизм.

Так говорил товарищ Ленин.

* * *

Так завершается деятельность товарища Ленина перед сибирской ссылкой и в самой ссылке. В начале 90-х годов В. И. попадает в свою первую эмиграцию.

В эмиграции Ленин был дважды. Он провел в ней несколько лет. Вторую эмиграцию мне и другим товарищам пришлось разделить с ним. И когда нам бывало тяжело и тоскливо, особенно в последнее время, во время войны, когда мы падали духом (те товарищи, которые были в эмиграции, знают, что́ это значит. когда годами не слышишь русской речи, когда истоскуешься по родному русскому слову), товарищ Ленин говаривал: Что вы жалуетесь, разве это эмиграция? Эмиграция была у Плеханова, у Аксельрода, которые в течение 25 лет все глаза проглядели. пока увидели первого рабочего-революционера.

На самом деле сам Владимир Ильич томился в эмиграции буквально как лев в клетке. Ему некуда было приложить свою громадную, неиссякаемую энергию, и он спасался только тем, что вел образ жизни ученого. Он делал то, что делал в своей эмиграции Маркс. Он проводил по 15 часов в день в библиотеке и за книгами и не даром является теперь одним из самых образованных марксистов и вообще самых образованных людей нашего времени.

Но вернемся к первой эмиграции.

В 1901 году Ленин совместно с группой близких ему тогда лиц (Мартов, Потресов) приступает к изданию газеты «Искра». Сейчас немногим говорит что-либо название «Искра». Но газета «Искра» — это историческая газета, которая тесно переплеталась с именем товарища Ленина. И враги и друзья говорили: «ленинская» Искра. Это часто бывало так. Везде, когда и где бы Ленин ни работал, в кружках ли, в редакциях, в Центральном ли Комитете или, наконец, теперь в Совете Народных Комиссаров, — к данной организации неизбежно приклеивался ярлык: ленинский. Да, «Искра» была ленинская, и она не проиграла, она от этого только выиграла. Первая из важнейших статей Ленина в «Искре» называлась «С чего начать». В этой статье Ленин развил всю ближайшую программу рабочего движения и русской революции. Он наметил в ней полностью основы нашей программы и революционной тактики.

Уже в этой первой статье Ленина вы, в сущности, найдете почти всю квинт-эссенцию большевизма. Но эта статья послужила только конспектом к замечательной книге Ленина, которая называется «Что делать».

Вокруг всего, что пишет Ленин, всегда кипит борьба. Никто не может оставаться безразличным к его писаниям. Можно ненавидеть Ленина, можно любить до безумия тов. Ленина, но нельзя оставаться нейтральным. В книге «Что делать» Ленин поставил и разрешил в революционном духе все наболевшие вопросы движения тогдашней эпохи. И ряд месяцев и лет эта книга будила мысль, вокруг нее кипели страсти, о ней спорили, вокруг нее складывался раскол на два непримиримых лагеря.

«Искра» объявила непримиримую борьбу так называемому «экономизму». Она боролась со всякой разновидностью оппортунизма, в том числе с экономизмом, т.-е. будущим меньшевизмом. Она же повела самую энергичную борьбу против авантюризма эс-эров. И никогда еще не было так ясно, каким ясновидцем в отношении партии эс-эров был т. Ленин, предсказавший еще в 1902—1903 г.г. судьбу эс-эровской партии. Подумайте только! 15 лет тому назад, когда партия эс-эров только еще зарождалась, когда она имела в своих рядах известных деятелей бывшей Народной Воли, когда мы не имели еще того большого политического опыта, который дала нам революция,—каково было тогда положение? Выступает партия эс-эров, которая утверждает, что она борется за социализм, которая говорит, что она левее, чем «Искра». И вот встает тогда еще совсем молодой товарищ Ленин и на весь мир смело бросает им кличку «революционных авантюристов». И Ленин заявляет: вы, господа эс-эры,—представители мелкой буржуазии и ничего более.

Когда Ленин сказал, что партия с.-р. есть партия мелкобуржуазная, на него обрушились громы и молнии. Говорили, что у Ленина плохой характер, что он человеконенавистник, и т. д. Теперь-то вы видите, что на самом деле это было пророческим предсказанием того, что есть. Теперь мы знаем, что нет более роковых двух букв в русском алфавите, как буквы «с» и «р». Почему судьба этой партии такая роковая? Потому, что, называя себя социалистической, она на самом деле является мелко-буржуазной партией. Тов. Ленин был прав, сказав, что это не социалисты, а представители мелкой буржуазии, что это, в лучшем случае, одиночные революционные романтики, фантасты, и ничего больше.

Теперь мы имеем громадный незаменимый опыт полутора десятилетий, опыт революции 1905 года, опыт революции 1917—1918 годов. Но пятнадцать лет тому назад предсказать истин-

ную правду, определить истинную цену партии с.-р. — для этого надо было быть почти пророком. Для этого надо было иметь громадную революционно-марксистскую интуицию, для этого, одним словом, надо быть Лениным.

Ленинская «Искра» вела не только политическую борьбу, она вела и громадную организационную работу. «Искра» собирала рассыпанную храмину нашей партии. Только в начале 90-х годов создалась обстановка, при которой можно было подумать о создании рабочей партии. Тов. Ленин встает во главе и этой практически-организационной работы и создает Организационный Комитет при «Искре». И тов. Ленин, который несет главный труд литературной работы в «Искре» и в теоретическом журнале «Заря», вместе с тем становится душой Организационного Комитета.

Жена тов. Ленина, Надежда Константиновна Крупская-Ульянова, была секретарем «Искры» и секретарем Организационного Комитета. Чем обязана ей наша партия — об этом можно и должно говорить особо. Здесь скажу только, что во всей работе т. Ленина, как организатора нашей партии, добрая доля заслуги приходится на Н. К. Все письменные сношения ложатся на нее. Одно время она ведет переписку со всей Россией.

Кто из более или менее старых нелегальных работников не знал Надежды Константиновны? Для кого получение от нее письма не являлось радостью? Кто из нас относился к ней иначе, как с безграничным доверием и самой нежной любовью?

Мартов в его злобной полемике против т. Ленина назвал однажды Надежду Константиновну «секретарем сверх-центра Ленина». Что же, весь российский пролетариат гордится теперь и «сверх-центром», и его «секретарем»...

Ленин кропотливо, шаг за шагом, собирает нелегальную организацию. И в 1903 году мы получили второй съезд партии. И уже на этом историческом съезде, когда партия была еще едина, когда в ее рядах стояли Плеханов, Засулич, Аксельрод, Мартов, Потресов и другие, уже с первой минуты работ съезда стало ясно, что истинным вождем молодой нашей партии является тов. Ленин.

Товарища Ленина изображают, как человека, который рубит. режет, применяет только хирургический нож, не щадит единства пролетарских рядов. Но когда намечался основной раскол на втором съезде партии, тов. Ленин сначала употреблял все свое

*

Дерево на углу Новодеревенской набережной и Большой Невки, где тов. Емельянов встретил тов. Ленина перед отъездом на ст. Разлив.

влияние, чтобы не допустить раскола. Ленин на самом деле умеет высоко ценить единство рабочего движения. Но только — единство для борьбы за социализм. Идеи социализма для него всего дороже. И на втором съезде, как только он увидел, что его расхождение с Мартовым, Аксельродом и др. — не мелкое случайное расхождение; что возрождается старое оппортунистическое направление под новым флагом; что воскресает тот самый легальный марксизм, с которым Ленин боролся в конце 90-х годов; что его бывший друг Мартов, с которым он был близок, был на «ты», с которым он вместе был в ссылке, что этот Мартов начал фальшивить; что Плеханов, которого он до тех пор высоко ценил, начал сдавать принципы марксизма; что этот Плеханов уже подает палец оппортунизму и оппортунизм скоро возьмет всю его руку, — когда Ленин увидел все это, тогда вопрос для него был решен бесповоротно. Он сказал: я останусь один, но подыму знамя революционного марксизма. И он разошелся с Плехановым.

Мне случилось быть тогда за границей. Меня, как молодого социал-демократа, и двух моих приятелей представили Плеханову. Мы были еще молоды, совсем птенцы, но мы сочувствовали всей душой товарищу Ленину, мы читали «Что делать?», знали, что это — евангелие искровства. И вот Плеханов пытался высмеивать перед нами Ленина. Он говорил: «Вы идете за ним, но он теперь повел такую линию, что через несколько недель он будет годиться разве только для того, чтобы воробьев пугать в огородах. Ленин поднял знамя борьбы против меня, Плеханова, против Засулич, Дейча. Разве вы не понимаете, что это — неравная борьба? Ленин — конченный человек. С того момента, как он порвал с нами, стариками, с группой «Освобождение труда», его песенка спета». Так говорил Плеханов. На нас, молодежь, это производило некоторое впечатление. Плеханов при этом сурово поводил бровями, и нам было вчуже страшновато. Мы шли к товарищу Ленину и наивно жаловались ему: вот что говорит Плеханов. Ленин смеялся и успокаивал нас: цыплят по осени считают, — поборемся, посмотрим, с кем пойдут рабочие.

«Шаг вперед, два шага назад», — так характеризует т. Ленин эволюцию меньшевистского крыла партии. Шаг вперед — от экономизма к искровству. А затем два шага назад — от искровства назад к либеральным идеям «легального марксизма», возроди-

вшимся в меньшевизме. И с этим рецидивом оппортунистской болезни т. Ленин вступает в самую беспощадную борьбу.

В противовес новой «Искре», из редакции которой вышел Ленин и которая перешла в руки меньшевиков, т. Ленин создал первую большевистскую газету «Вперед». Эта газета вначале была маленьким листочком, издававшимся на собранные заграницей гроши. А у меньшевиков в это время был громадный аппарат: и весь авторитет Плеханова и других «икон», и масса газет и брошюр, и Ц. К., и Ц. О., и Совет партии. Тов. Ленин начал обстреливать меньшевистскую крепость из этого маленького пулемета, называвшегося «Вперед». Но он так далеко и так метко бил, что довольно скоро от тяжелой артиллерии Плеханова не осталось и следа. И к 1905 году стало ясно, что все, что есть живого в рабочей пролетарской России, все это пойдет за большевизмом.

Летом 1905 года был созван первый съезд большевиков (формально он назывался: третий съезд Р. С.-Д. Р. П.),—первый исторический съезд, который заложил фундамент нынешней коммунистической партии. Тогда впервые Ленин заговорил о том, что уже в предстоящей революции мы не остановимся на пути создания буржуазной республики. Уже тогда т. Ленин говорил о гнилости с.-д. европейского парламентаризма. Уже тогда Ленин говорил о том, что наша революция будет стоять на грани между буржуазным и социалистическим переворотом.

Трудно было большевикам в этой обстановке; на нас давила не только русская обстановка, но и международная. Бебель, которого Ленин уважал, как гениального вождя германского рабочего класса, пользовался каждым подходящим и даже мало подходящим случаем, чтобы журить Ленина, чтобы говорить ему: Как, вы против Плеханова! Разве может быть, чтобы Плеханов был оппортунистом!

А Аксельрод занимался тем, что всем, кто желал его слушать, рассказывал сказки, будто Ленин — второй Нечаев, будто Ленин в его борьбе против «стариков» преследует только цели честолюбия. Вся атмосфера международной социал-демократии была враждебна тогда большевизму.

Накануне третьего съезда (т.-е. первого съезда большевиков) Бебель оказал следующую услугу меньшевикам. Когда наш съезд собрался, он прислал нам письмо от имени Центрального Комитета германской социал-демократии. И в этом письме он гово-

рил: Не желаете ли, дети мои, помириться? Я, Бебель, предлагаю вам и меньшевикам третейский суд. Зачем раскол? Отдайте ваши споры на наш третейский суд.

С таким письмом обратился к тов. Ленину Бебель. Ленин принес это письмо на съезд, и съезд сказал: Мы высоко уважаем товарища Бебеля, но по вопросу о том, как вести борьбу в нашей стране против царя и буржуазии, позвольте нам иметь свое мнение. И позвольте с господами меньшевиками расправиться так, как заслуживают агенты буржуазии. Бебель удивился «дерзости» нашего съезда, но ему ничего не оставалось как развести руками.

Я привожу этот эпизод для того, чтобы показать вам, какова была атмосфера не только русская, но и международная, когда Ленин выступал застрельщиком сравнительно небольшой тогда армии социалистической революции.

* * *

Уже в революции 1905 года на тов. Ленина выпала руководящая роль. Внешним образом это не так бросалось в глаза, как в нынешнюю революцию. Вы знаете, что первый Петроградский Совет Рабочих Депутатов в 1905 году был создан меньшевиками. Но во всей своей практической борьбе Петроградский Совет уже тогда, в общем и целом, шел за большевиками. Когда волна поднялась, когда река вышла из берегов, тогда рабочий класс почувствовал, что создавать Советы—это и значит бороться за власть. И в этот момент рабочий класс стал большевистским.

Когда революция пятого года была побеждена, когда пришла контр-революция, когда мы стали подводить итоги, тогда Мартов и компания уселись на реках Вавилонских и стали оплакивать ход первой революции. И тогда сами меньшевики признали: да, революция шла—увы!—по-большевистски, рабочий класс пошел, к несчастью, за большевиками.

Московское вооруженное восстание, — это хотя и разбитое, побежденное восстание,—было апофеозом большевистской тактики в революции. Мы были побеждены. Плеханов смог откликнуться на это восстание только пошлой мещанской фразой: «не надо было браться за оружие».

Иначе отнесся к московскому восстанию в 1905 г. тов. Ленин. Для него не было более высокой и почетной страницы, как история московского вооруженного восстания. Первое, что он сделал,—он стал собирать материалы о восстании. Он хотел

выяснить самые мелкие штрихи, самые подробные технические детали этого восстания. Он хотел выяснить биографию каждого участника восстания. Он старался расспросить каждого военного деятеля, принимавшего участие в восстании. Всех участников восстания Ленин призывал на первое место для того, чтобы они рассказали рабочему классу и всему миру об условиях подготовки московского вооруженного восстания и о причинах его поражения. Потому что Ленин понимал, что московское восстание, это — первая форпостная стычка с буржуазным миром. Он великолепно понимал всемирно-историческое значение московского восстания, тогда разбитого, потопленного в крови рабочих, но все же первого славного рабочего восстания против царизма и против буржуазии в самой отсталой стране.

В революции 1905 года роль Ленина была, повторяю, громадна. На заседаниях Петроградского Совета в 1905 году он побывал всего раз-другой. Тов. Ленин рассказывал нам, как он сидел на собрании Совета в Вольно-Экономическом Обществе где-то наверху, на хорах, незаметно для публики, и смотрел впервые на Петроградский Совет Рабочих Депутатов. Тов. Ленин жил в Петрограде нелегально, партия запрещала ему выступать слишком открыто. От нашего Центрального Комитета выступал официальным представителем в Совете А. А. Богданов. И когда стало известно, что Совет арестуют, мы запретили тов. Ленину пойти на это последнее историческое собрание Петроградского Совета — чтобы он не был арестован. Он видел Совет в 1905 году 1 — 2 раза. Но, я думаю, что тогда, когда он в Вольно-Экономическом Обществе сидел наверху в сторонке и смотрел на этот первый рабочий парламент, в его мозгу, вероятно, уже тогда зарождалась мысль о Советской власти. И, может быть, уже тогда ему грезилось то время, когда будет Советское государство, когда Советы, этот прообраз социалистического рабочего государства, станут единственной властью в стране.

Тов. Ленин уже в 1905 году учил нас тому, что Советы — это не случайная организация, которая сегодня всплыла, а завтра уйдет, что Советы — это не будничная организация, похожая на профессиональный союз, а что это — организация, которая открывает новую страницу в истории международного пролетариата и в истории всего человечества.

Никого так не интересовала история Петроградского Совета Рабочих Депутатов, как того же тов. Ленина. Он, формально

принимавший в первом Совете наименее близкое участие, лучше всех нас оценил, что такое Совет. И он крайне осторожно относился к этому лозунгу. В 1916 году, во время войны, когда к нам в Швейцарию донеслась весть, что здесь в Петрограде начинается революционное оживление и что наши товарищи начали бросать лозунг организации Совета Рабочих Депутатов в Петрограде, тов. Ленин писал по поводу этого и в статьях, и в письмах: Товарищи рабочие! Организация Совета Рабочих Депутатов, это — великий лозунг, с ним нельзя играть, с Советами нельзя шутить. Этот лозунг надо бросить только тогда, когда вы решитесь итти до конца, когда вы решитесь прозакладывать голову своего класса во имя победы, когда вы скажете, что пришел момент подлинной рабочей революции, момент взятия власти. Тогда и только тогда можно говорить о Советах. А до тех пор нельзя играть этим словом. Ибо Советы могут жить, только взявши власть в свои руки. Советы, это — форма рабочей государственности. Советы, это — власть рабочих...

Ленин хотел этим сказать, что Советы, это — не те обыкновенные классовые организации, которые, по мысли меньшевиков и эс-эров, призваны бороться только за экономические требования рабочего класса в рамках буржуазного общества. Нет, такие Советы должны неминуемо умереть, — говорил Ленин. Для этого не нужно Советов. Ленин смотрел на Советы, как на организации, захватывающие государственную власть и делающие из рабочих господствующий класс. Вот почему в 1916 году он и говорил питерским рабочим: Спросите себя тысячу раз, готовы ли вы, достаточно ли вы сильны; десять раз примерьте, раньше чем отрезать. Организовать Советы — это значит объявить борьбу до конца, организовать Советы — это значит — объявляется гражданская война буржуазии, это значит — начинается рабочая революция. И товарищ Ленин остался в этом взгляде верен себе до конца...

* * *

Но вернемся назад. После 1906 года наступает пора затишья, мрачная эпоха контр-революции. Рабочий класс переваривает уроки первой революции. В ответ на меньшевистскую философию первой революции и причин ее поражения мы давали свою философию революции. Мы вынуждены были давать ее в нелегальных газетах, брошюрах и листках. Мы не могли

издать пять легальных томов, как это сделали меньшевики. Мы не смогли бы найти издателя, нас бойкотировала вся легальная печать, нам слова не давала сказать царская цензура. Ленина изображали тогда таким «чудовищем», которому не может быть места в «приличном» обществе. Мы, большевики, не могли быть вхожи в тогдашнюю легальную литературу. Нам приходилось прибегать только к вольному станку заграницей.

Меньшевики изображали всю революцию 1905 года, как сплошную ошибку, как сплошной хаос и «безумие стихии». Рабочие, дескать, сами виноваты в поражении, они слишком «зарвались» в своих требованиях.

— Вы не поняли этого движения, — отвечал им тов. Ленин. — Это была великая революция, а отнюдь не хаос. Это была великая революция не потому, что был манифест 17 октября, что буржуазия начала шевелиться, а потому, что было, хотя и побежденное, *московское вооруженное восстание рабочих,* потому, что перед мировым пролетариатом проблеснул на один месяц Петроградский Совет Рабочих Депутатов. И революция возродится, Советы возродятся, Советы победят.

В связи с вопросом о том, что, по мнению Ленина, есть *великая* революция, я вспоминаю небольшой эпизод. В прошлом году, когда мы приехали сюда, мы сначала были ошеломлены громадным размахом движения, и даже февральскую революцию мы называли иногда великой. И, помню, в одной статье в мае 1917 года я, по инерции, вновь назвал февральскую революцию великой. Тов. Ленин, который вместе со мной и тов. Каменевым тогда редактировал «Правду», стал усердно вычеркивать мне это слово. Когда я шутя спросил: почему так свирепо, почему вы совсем уж не допускаете этого слова, — тов. Ленин стал меня сурово отчитывать. Какая это «великая» революция?! Великой она будет тогда, когда мы прогоним каналью Керенского, когда вырвем всю власть у буржуазии, когда Петроградский Совет Рабочих Депутатов будет не болтать, а будет единственной властью в столице. Тогда революция будет великая, тогда пишите хоть «величайшая».

Товарищи! Я мало останавливался на работе Ленина в годы контр-революции. А между тем эта полоса является одной из самых блестящих страниц в его деятельности. Надо было пережить это тяжкое время в далекой эмиграции, чтобы оценить все заслуги Ленина. Перенеситесь на одну минуту в затхлую атмосферу эмиграции в 1908—9—10 г.г. Владимир Ильич отправился в эту свою

Дом тов. Елизарова в пос. Саблино, где жил В. И. Ленин.

вторую эмиграцию в 1907 году. Я и другие товарищи были вызваны заграницу осенью 1908 года, после того как мы были освобождены из тюрьмы. В Женеве, а потом в Париже, усилиями главным образом Ленина созданы были наши нелегальные газеты «Пролетарий» и «Социал-Демократ». Кругом был полнейший распад. Во всех эмигрантских кружках чувствовалась гниль. Старые вожди, поседевшие под революционным знаменем, ни во что больше не верили. Порнография заполнила литературу, дух отреченства заполнил политику. Поднимало голову пресловутое ликвидаторство. Столыпин справлял свои оргии. И казалось, что конца края этому не будет.

В такие минуты познаются истинные вожди, товарищи! Владимир Ильич переживал тогда, как, в сущности, и все время своей эмиграции, самые чувствительные личные лишения: жил, как нищий, хворал, недоедал—особенно в годы парижской жизни. Но он оставался бодрым, как никто. Стойко и мужественно стоял он на славном посту. Он один сумел собрать тесный, сплоченный кружок борцов, которым он говорил: не унывайте, черные дни пройдут, мутная волна схлынет, пройдет несколько лет, и мы будем опять на гребне волны, рабочая революция возродится. Эмигрантская публика, среди которой преобладала меньшевистская интеллигенция, относилась к нам злобно-враждебно. Она утверждала, что мы — маленькая секта, что нас можно пересчитать по пальцам. В Париже издавался специальный юмористический журнал, где зубоскалили над большевизмом и изощрялись на тему о том, что, де, полцарства предлагаем тому, кто назовет четвертое большевистское имя кроме Ленина, Зиновьева и Каменева. Большевистская группа, — это, дескать, зубры, которые сосут свою лапу, а жизнь идет мимо них; кооперативы, профессиональные союзы, легальная печать — все это против большевиков, а Ленин и его ученики сидят и верят в пришествие нового Мессии, новой революции, которой никогда не будет.

В эти тяжелые годы Ленин оказал рабочему классу услуги, может быть, более крупные, чем когда бы то ни было. Теперь в наши дни поднялась громадная волна, поднялись на борьбу миллионы людей. Тогда же все спало мертвым сном. Могильной плитой на грудь рабочего класса навалился столыпинский режим. Старые «вожди», в роде Аксельрода и компании, пели отходную революции и старой нелегальной рабочей партии. Поднять знамя революции в такое время, бороться против всякого ревизионизма

и оппортунизма, верить и ждать в такой момент, работать, работать и работать, не покладая рук, в такую годину—это является поистине великой заслугой.

Ленин боролся за партию. Но в то же время он плотно засел в библиотеку.

Нечего и говорить о том, товарищи, что Маркс является самым любимым писателем Ленина, как самым его любимым русским автором является Н. Г. Чернышевский. Маркса и Энгельса Ленин знает вдоль и поперек. Так, как Ленин знает Энгельса и Маркса, так, я думаю, этих основоположников научного социализма знают лишь два-три человека во всем мире. И Ленин — один из немногих, который подвинул учение марксизма вперед, сумел оплодотворить его чем-то новым, сумел применить его в условиях новой, чреватой богатейшими последствиями эпохи.

Как гордился бы Лениным Карл Маркс, если бы он дожил до наших дней!

А уж Ленин никогда Маркса в обиду не давал. Русские «критики» Маркса в своих упражнениях всегда натыкались на неприступную крепость, называемую «Ленин». И тут уж им было не сдобровать. Эту свою славу Ленин подтвердил и тогда, когда речь зашла о «критике» философских взглядов Карла Маркса.

Товарищ Ленин в эту пору совершил и громадную теоретическую работу. В эти годы началось литературное мародерство, невиданный литературный распад. Под флагом марксизма хотели протащить в рабочую среду гнилые идеи буржуазной философии. Ленин два года не выходит из Национальной библиотеки в Париже и одолевает такую массу работы, что те же самые буржуазные профессора, которые пытались посмеиваться над философскими работами Ленина, однако, сами говорили: одного мы не можем понять, как это один человек мог прочитать в течение двух лет такую массу книг. В самом деле, где уж тут Ленину справиться, когда мы, учившиеся на папенькины денежки, потратили на ученую карьеру 30 лет, просиживали уйму кресел, прочитали тьму книг и — ничегошеньки в них не поняли...

Товарищ Ленин в течение двух лет сумел дать серьезный труд по философии,—труд, который займет почетное место в истории борьбы за революционный марксизм. В самой отвлеченной теоретической области Ленин воевал за коммунизм столь же страстно, как сейчас в области практической политики. Может быть, немногие из питерских рабочих читали философскую работу

Ленина. Но знайте, товарищи, и эта книга закладывала основы коммунизма. В этой книге Ленин воевал с буржуазными влияниями в самых утонченных их формах. И он сумел отстоять материалистическое понимание истории против самых образованных представителей буржуазии и против тех писателей из с.-д. среды, которые подпадали под это влияние...

* * *

Но вот пришел 1910-11 год. Повеяло свежим ветерком. В 1911 году стало ясно, что рабочее движение начинает возрождаться. Ленские дни открыли новую страницу в истории нашего движения. В это время у нас были уже в Питере легальная газета «Звезда», журнал «Мысль» в Москве и маленькая рабочая фракция в Государственной Думе. И главным работником и в этих газетах, и для думской фракции был Ленин.

Тов. Ленин сумел обучить нескольких рабочих депутатов революционному парламентаризму. Вам надо было слышать беседы тов. Ленина с нашими молодыми депутатами, когда он давал им уроки этого «парламентаризма». Простые питерские пролетарии (Бадаев и другие) приезжали к нам заграницу и говорили: мы желаем заниматься серьезной законодательной работой; нам надо посоветоваться с вами насчет бюджета, обсудить такой-то законопроект, выработать такие-то подробные поправки к такому-то проекту кадетов и т. п. В ответ на это тов. Ленин искренно хохотал. А когда они, смущенные, спрашивали, в чем дело, тов. Ленин отвечал Бадаеву: Миляга, зачем тебе «бюджет», поправка, кадетский законопроект? Ты, чай, рабочий, а Дума — для зубров. Ты выйди и скажи на всю Россию попросту про рабочую жизнь. Ты обрисуй ужасы капиталистической каторги, ты зови рабочих на революцию, ты брось этой черной Думе в лицо: «негодяи и эксплоататоры». Ты внеси им «законопроект» такой, что через три года мы вас, черносотенных помещиков, повесим на фонарях. Вот это будет настоящий «законопроект». Такие уроки парламентаризма давал депутатам тов. Ленин. Сперва товарищ Бадаев и другие находили их странными. Вся думская обстановка давила на наших товарищей. Здесь, в этом зале Таврического дворца, где мы сейчас заседаем, все были в великолепных сюртуках, кругом сидели министры, а им вдруг говорят такую вещь. Но потом наши депутаты усвоили уроки. И Владимир Ильич не мог налюбоваться

тем, как наш депутат, простой слесарь Бадаев, выходил на эту трибуну в Таврическом дворце и всем Родзянкам, Волконским и Пуришкевичам говорил то, что ему советовал сказать учитель рабочего класса, товарищ Ленин.

В 1912 году мы зажили новою жизнью. Как только стало возможно издавать здесь, в Петрограде, легальную газету, мы переехали из Парижа в Галицию, чтобы быть поближе к Петрограду. На январской (1912 года) конференции, состоявшейся в Праге, большевики сплотили разбитые контр-революцией ряды. Партия возродилась. И товарищу Ленину тут, разумеется, принадлежала руководящая роль. По настоянию нового Центрального Комитета, тов. Ленин и я переехали в Краков. Сюда к нам начинают приезжать товарищи из Петрограда, Москвы и других городов. Мы начинаем регулярно сноситься с Питером. И вскоре дело так наладилось, что редкий номер «Правды» выходил без статьи Ленина. Вы учились на этих статьях, вы знаете, что такое были для рабочего класса газеты «Звезда» и «Правда». Это были первые ласточки грядущей коммунистической весны. Направо и налево рубил на страницах этих газет тов. Ленин наших противников. Своими статьями, советами, частными письмами в Петроград товарищу Ленину удалось добиться того, что «Правда» стала блестяще откликаться на все злобы дня. Мало того. Наш аппарат настолько усовершенствовался, что перед каждым крупным собранием профессионального союза или другой рабочей организации мы часто устраивали предварительное совещание Петроградского и Краковского Бюро Ц. К.

Я вспоминаю первое крупное общее собрание петроградских металлистов в 1913 году. Через два часа после того как наш кандидатский список в правление союза победил на собрании (а это было тогда необыкновенным успехом), тов. Ленин имел уже об этом поздравительную телеграмму от металлистов. Тов. Ленин жил за тысячи верст, но был душою рабочего Питера. Повторялось то же самое, что было в 1906—7 г.г., когда тов. Ленин жил в Финляндии, в Куоккала, и когда мы каждую неделю совершали паломничество к нему в Финляндию, чтобы там выслушать советы товарища Ленина. Сидя в маленькой деревушке в Куоккала, он руководил рабочим движением в Питере. И нечто подобное делал теперь тов. Ленин из Кракова, руководя оттуда не только питерским, но и всероссийским большевистским движением.

Товарищи! В телеграммах, приветствующих теперь выздоровление Ленина и выражающих ему сочувствие по поводу случившегося, чаще всего встречается слово «вождь». Много нежных слов нашли рабочие, чтобы выразить свои чувства к Ленину. Какими только нежными словами они его не называли в телеграммах: и «солнце наше», и «дорогой светоч», и многими другими нежными словами иллюстрировали они отношение рабочего к Ленину. Но чаще всего в телеграммах встречается ясное, твердое, даже немного жесткое слово «*вождь*». Это — поистине избранник миллионов, это—вождь божией милостью, это—подлинная фигура вождя, рождающаяся раз в 500 лет в жизни человечества.

* * *

Я хотел бы еще сказать хоть несколько слов об отношении товарища Ленина к войне. В. И. уже задолго до войны не верил в европейскую социал-демократию. Он хорошо знал: что-то прогнило в королевстве датском. Он давно говорил про официальных европейских социал-демократов, что они контрабандно торгуют гнилым товаром оппортунизма.

Когда разразилась война, мы жили в далекой глухой галицийской горной деревушке. Я помню, мы тогда держали пари с тов. Лениным. Я говорил: вы увидите, что господа германские социал-демократы не посмеют голосовать против войны, они *воздержатся* при голосовании военных кредитов. А тов. Ленин говорил: Нет, они всетаки не такие подлецы. Бороться против войны, конечно, они не будут, но для очистки совести они будут голосовать против, дабы рабочий класс не восстал против них. Тов. Ленин в данном случае ошибся, как ошибся и я. Мы не дооценили всей меры холопства господ оборонцев. Европейские социал-демократы оказались полными банкротами. Они голосовали *за* кредиты.

Когда пришел первый номер газеты германских с.-д. «Форвертс» с сообщением о том, что они голосовали за военные кредиты, тов. Ленин сначала не хотел верить. Это не может быть, — говорил Ленин, — это, вероятно, поддельный номер «Форвертса». Эти канальи, германские буржуа, нарочно издали такой номер «Форвертса», чтобы заставить и нас поступить против Интернационала.

Увы, это оказалось не так. Оказалось, что оборонцы действительно голосовали за военные кредиты. Когда тов. Ленин в этом убедился, первое его слово было: «Второй Интернационал погиб».

И тогда, товарищи, эти слова разорвались, как бомба. Сейчас мы все ясно видим: да, это так, — Второй Интернационал погиб. Это для вас сейчас азбука. Но подумайте, как велико было обаяние этого Интернационала до начала войны. Ведь он, по крайней мере на бумаге, насчитывал несколько миллионов человек. В нем были такие авторитеты, как Каутский, Вандервельде, Вальян, Гэд, Плеханов. И вдруг встает какой-то русский марксист и на весь мир говорит: «Второй Интернационал погиб, и туда ему и дорога». Не было предела воплям и жалобам со стороны признанных «вождей» Второго Интернационала по адресу дерзновенных большевиков. Это неслыханно, — говорили они, — Ленин оскорбляет весь социалистический мир.

И еще посейчас господин Шейдеман утверждает это. Недавно в Берлине состоялось совещание канцлера с вождями всех партий по вопросу о дополнительном договоре России с Германией. Оруженосец Шейдемана, г-н Эберт, один голосовал против этого договора. Потому, видите ли, что Ленин и его соратники, как заявил Эберт, позорят знамя социализма в России... О, Шейдеман хорошо знает, что в лице Ленина у него есть серьезный враг; Шейдеман знает, что если ему придется висеть на фонаре — а за это я вам ручаюсь, то в этом будет в значительной мере виноват и товарищ Ленин...

Ленин был один из авторов главного тезиса резолюции Штуттгартского международного конгресса (1907 г.). Вместе с Розой Люксембург Ленин предложил Штуттгартскому конгрессу признать, что если начнется империалистическая война, наше дело будет поднять революцию, другими словами,—*гражданскую войну*. После долгих споров комиссия конгресса и приняла это решение. Только формулировка выбрана была другая. Ленин рассказывал нам, как он спорил с Бебелем по поводу формулировки. Бебель, по словам Ленина, с *мыслью* соглашался. Но требовал большей осторожности в выражениях, чтобы преждевременно «гусей не раздразнить».

Но вот пришла империалистическая война. И когда Ленин повторил теперь Штуттгартскую резолюцию, когда он теперь «вождям» Второго Интернационала предъявил бебелевский вексель, от него только досадливо отмахивались и переходили «к порядку

дня», — т.-е. каждый оборонец к «своему» правительственному стойлу.

Я помню первый манифест нашей партии по поводу войны. Конечно, он написан, главным образом, товарищем Лениным, как и все наши важнейшие партийные документы. Когда мы его перевели на европейские языки, и когда его стали читать даже такие люди, как швейцарский интернационалист Гримм и как румынский революционер Раковский, который теперь находится в наших рядах, они негодовали против нас. Когда они читали слова: «империалистическую войну надо превратить в гражданскую войну», они приходили в ужас.

Теперь это — азбука. Мы все это делаем, мы на деле превращаем империалистическую войну в гражданскую. А тогда это казалось чем-то неслыханным. Нам заявляли, что только анархист может нечто подобное проповедывать, и нам объявили борьбу. Даже на Циммервальдской конференции не только умеренные люди, но и такие деятели, как Раковский и итальянец Серрати, шли в бой против нас. Доходило до самых резких столкновений. Я великолепно помню, как горячий Раковский чуть ли не засучивал рукава, чтобы драться со мною и Лениным из-за того, что мы заявили: Мартов — агент буржуазии. — Как вы смеете так говорить! — кричали они нам. — Мы знаем Мартова 20 лет. — А мы отвечали: Мы знаем Мартова не меньше, чем вы, и мы утверждаем, что все, что есть честного среди русских рабочих, пойдет за нами, пойдет против войны, а Мартов защищает буржуазные взгляды.

Но дело, конечно, не в этих мелких эпизодах. Я говорю это к тому, чтобы вы знали, какая мертвечина, какой застой были в рядах европейской социал-демократии в начале войны. Не было готовности к борьбе. Все привыкли к старым накатанным рельсам легализма и парламентаризма. Все старые вожди верили в легальность, как в фетиш. Стоило громадных усилий проложить себе дорогу даже в среде циммервальдцев.

Я помню столкновение в самом Циммервальде Ленина с Ледебуром. Ледебур говорил: Да, вы здесь, живя заграницей, бросаете призывы к гражданской войне. Я посмотрел бы, как бы вы это сделали, живя в России... Если Ледебур помнит еще эти слова, то я думаю, что ему теперь весьма стыдно за них. А тов. Ленин спокойно отвечал ему: Когда Маркс писал «Коммунистический Манифест», он тоже жил заграницей, и только

ограниченные мещане могли бы ставить ему это в укор. Я живу сейчас заграницей, — говорил Ленин, — потому что меня сюда послали русские рабочие. А когда придет время, мы сумеем быть на своих постах. И тов. Ленин сдержал свое слово.

Да, в начале войны тов. Ленин встречал мало сочувствия в среде даже тех социалистов, которые выступили противниками войны.

А теперь?

Теперь без всякого преувеличения можно сказать: все, что есть честного в Интернационале, все это считает своим вождем и знаменосцем именно тов. Ленина. Вождь итальянских рабочих, поседевший под красным знаменем Ладзари, в Циммервальде споривший против Ленина, теперь идет в тюрьму на три года за распространение в Италии воззваний Ленина. Меринг, Цеткина, лучшие из германских интернационалистов, прежде воевавшие против Ленина, теперь воздают ему дань величайшего уважения. А прочитайте исповедь перешедшего к большевикам английского интернационалиста Ротштейна! А послушайте, что говорят теперь о Ленине люди, как Гортер, Хеглунд, Благоев, Лорио, Серрати. Не может быть большего удовлетворения для тов. Ленина, как то, что своей работой он завоевал сердца и умы таких людей, как эти выдающиеся вожди рабочих целого ряда стран.

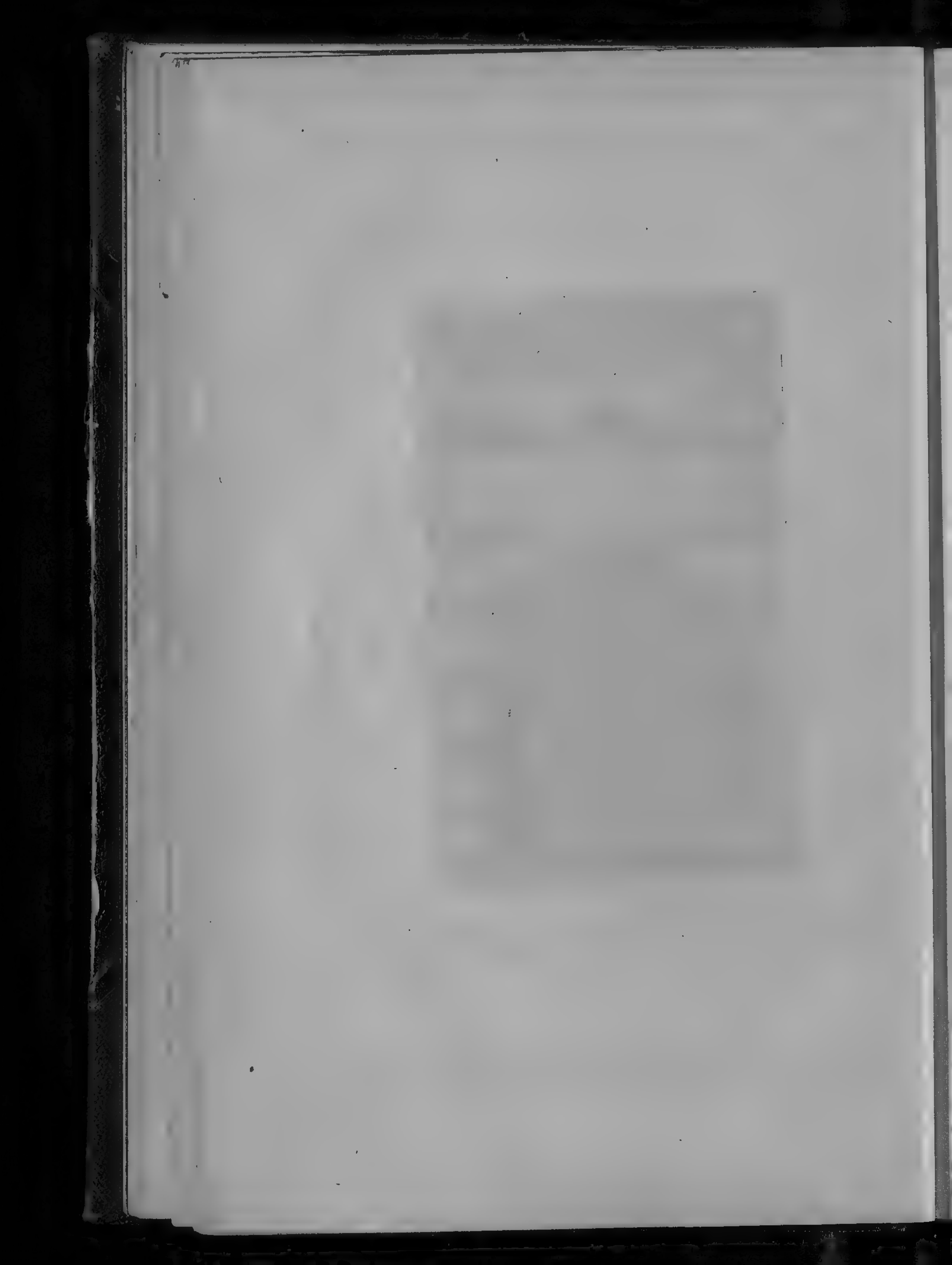
Тов. Ленин стал вождем зарождающегося Третьего Интернационала. Сначала многие добродетельные тоже-«социалисты» посмеивались по поводу того, что Ленин-де выставил свою кандидатуру на пост вождя Третьего Интернационала, что он метит-де в заместители Бакунина. А теперь? Кто будет смеяться теперь, если мы скажем, что вождем Третьего Интернационала является именно наш тов. Ленин? Господам соглашателям теперь вовсе не смешно, им не до смеха. Скорей им хочется плакать. Потому что они знают теперь, что Третий Интернационал есть живой факт, хотя Интернационал этот в силу осадного положения и не существует еще формально. И они знают, что в лице Ленина новый Интернационал имеет достаточно сильного вождя—проницательного, смелого вождя, такого вождя, какого только и заслуживает обновленный Третий рабочий Интернационал.

* * *

Роль тов. Ленина с начала войны была совершенно исключительна. Он первый начал собирать кружки интернационалистов. И надо было видеть, как он свою неиссякаемую энергию отдавал

Рабочий Сестрорецкого завода тов. Емельянов, у которого В. И. Ленин проживал в «таинственном шалаше» на ст. Разлив.

на это дело в маленькой Швейцарии. Он жил в Берне, а затем в Цюрихе. Швейцарская с.-д. партия сплошь была заражена оппортунизмом и оборончеством, и только маленькая группа рабочих объединилась вокруг нас. Тов. Ленин затрачивал бездну сил и времени, чтобы сорганизовать каких-нибудь 10—20 человек цюрихской рабочей молодежи.

Я жил тогда в другом швейцарском городе, но я живо помню, как горел товарищ Ленин в этой его, по количественному размаху, очень небольшой работе. Ленин писал нам ряд писем, тормошил нас всех, чтобы мы работали среди швейцарцев, и радовался, как ребенок, когда мог сообщить, что вот в Цюрихе ему удалось привлечь в организацию левых с.-д. семь юных пролетариев и, быть может, еще удастся привлечь восьмого.

Швейцарская официальная с.-д. партия, разумеется, косо смотрела на эту работу Ленина. Грейлих и компания говорили, что Ленин портит рабочее движение русским «анархизмом». И действительно, тов. Ленин по мере сил его «портил». Мещанское швейцарское правительство готово было тогда выслать Ленина за неблагонадежность. А вот теперь швейцарский социалист тов. Моор рассказывает, что ту бумажку, которую взяло с нас швейцарское правительство, как гарантию, что мы будем вести себя в Швейцарии смирно, швейцарское правительство сдало теперь в музей, как исторический документ. Я не удивлюсь, если швейцарские мещане, которые показывают свои озера и горные виды за один франк, скоро станут показывать за пять франков собственноручную подпись Ленина...

В 1915—1917 годах тов. Ленин вел в Швейцарии совсем особый образ жизни. Война и крах Интернационала резко отразились на тов. Ленине. Многие знавшие его товарищи изумлялись, как он изменился с начала войны. Он никогда не относился особенно нежно к буржуазии. Но с начала войны у него появилась какая-то концентрированная, сосредоточенная, острая, как отточенный кинжал, ненависть к буржуазии. Казалось, он даже переменился в лице.

В Цюрихе тов. Ленин жил в беднейшем квартале, в квартире сапожника, почти на чердаке. Он как бы гонялся за каждым пролетарием, чтобы поймать его и втолковать ему, что нынешняя война, это — империалистическая бойня, что честь пролетариата требует борьбы против этой войны не на живот, а на смерть,

что нельзя положить оружие до того момента, пока рабочий класс не встанет и не уничтожит разбойников империалистов.

Бюро Циммервальдской Левой, в которой руководящая роль принадлежала Ленину, выпустило на немецком и французском языках несколько листовок, брошюр и три номера журнала «Форботе».

Само собой понятно, что проповедь тов. Ленина очень не правилась международной буржуазии. Германские буржуазные профессора писали целые книжки о том, что вот-де появился какой-то безумец, который проповедует какое-то дикое пропагандистское учение. Мы же посмеивались и говорили им: зачем же об этом печатать целые статьи и книги, зачем же так беспокоиться о «бреде» какого-то «безумца»?..

Тов. Ленин спокойно продолжал свою работу. И вот теперь дошло до того, что германской буржуазии пришлось подписать договор с тов. Лениным, выступающим теперь от сотни миллионов крестьян и рабочих всей России. И мы, товарищи, доживем еще до того момента, когда наш пролетариат через своего вождя Ленина продиктует свою волю всей старой Европе, когда тов. Ленин будет заключать договоры с правительством Карла Либкнехта и когда тот же Ленин будет помогать немецким рабочим составлять первый социалистический декрет в Германии.

В марте 1917 г. тов. Ленин возвращается в Россию. Вы помните, товарищи, ту дикую свистопляску, которая поднялась, когда Ленин и мы, его ученики, проехали из-за границы через Германию. Сколько было криков о «пломбированном вагоне»!

На самом деле, Ленин питал к германскому империализму не менее горячую ненависть, чем к другим империализмам. В начале войны австрийское правительство арестовало Ленина, и он просидел две недели в галицийской «кóзе» (тюрьме-кордегардии). Когда в наш вагон (на самом деле вовсе не пломбированный) попытался зайти видный член партии Шейдемана, чтобы «приветствовать» нас, то, по предложению Ленина, этому господину было сказано, что с изменниками мы не разговариваем, и оскорбим его действием, если он зайдет к нам.

Меньшевики и эс-эры, которые раньше артачились, потом проехали тем же путем. А Ленин ставил вопрос просто: *все* буржуазные правительства — разбойничьи правительства; выбора у нас нет, иным путем мы в Россию попасть не можем.

Я не буду сколько-нибудь подробно говорить о роли Ленина здесь, в Петрограде, с начала нашей нынешней революции. Вы видели его работу, вы наблюдали ее не хуже, чем я.

Вы знаете роль тов. Ленина в июльские дни 1917 года. Для него вопрос о необходимости захвата власти пролетариатом был решон с первого момента нашей нынешней революции, и дело шло только о выборе удачного момента. В июльские дни весь наш Ц. К. был против немедленного захвата власти. Так же думал и Ленин. Но когда 3 июля высоко поднялась волна народного возмущения, тов. Ленин встрепенулся. И здесь, наверху, в буфете Таврического дворца, состоялось маленькое совещание, на котором были Троцкий, Ленин и я. И Ленин, смеясь, говорил нам: А не попробовать ли нам сейчас? Но он тут же прибавил: Нет, сейчас брать власть нельзя, сейчас не выйдет, потому что фронтовики еще не все наши, сейчас обманутый Либерданами фронтовик придет и перережет питерских рабочих.

И, действительно, вы знаете, что в июльские дни Керенскому и К° удалось привести с фронта солдат против нас. То, что созрело через каких-нибудь два-три месяца, не созрело еще в июле месяце. Преждевременный захват власти в июле мог стать роковым. И Ленин понял это раньше других. Во всяком случае, ни на одну минуту Ленин не колебался в вопросе о том, должен ли пролетариат в нашей революции брать власть. А если колебался, то только в сторону того, нельзя ли это сделать раньше.

И вы знаете, как пошло дело дальше. Мы пережили время, когда нам казалось, что все погибло. Товарищ Ленин на минуту усомнился даже, чтобы Советы, развращенные соглашателями, смогли сыграть решающую роль. И он давал лозунг, что нам придется, быть может, брать власть помимо Советов. Но он не переставал верить в то, что раньше или позже власть будет у нас, что надо низвергнуть в пропасть меньшевиков и эс-эров.

Сначала в июльские дни мы не отдавали себе ясного отчета в том, что происходит. В ночь на 3-е июля тов. Ленин заезжал один-одинешенек поздно в редакцию «Правды», чтобы сдать одну рукопись. А через полчаса после его отъезда юнкера громили уже редакцию «Правды». Утром 5-го июля Либер повез меня для объяснений по поводу разгрома «Правды» в штаб округа, где генерал Половцев принял меня с почетом. Он тоже еще не знал, что собственно с нами делать. А через час большевиков уже арестовывали и убивали.

Затем начались преследования. Мы с тов. Лениным скрылись. Но у нас твердо решено было уже итти арестовываться — настолько еще у нас было большое доверие к меньшевикам и правым эс-эрам. Однако, партия наша не позволила нам это сделать. Мы решили скрываться дальше. И через неделю тов. Ленин говорил мне: Как же мы могли быть так глупы, что хоть на одну секунду думали довериться и итти к этой банде арестовываться? Беспощадная борьба с этой бандой — другого средства нет!

* * *

Как в июле 1917 г. тов. Ленин твердо и решительно заявил: власть брать сейчас *нельзя*, — так после корниловских дней, особенно с конца сентября 1917 г., Ленин начинает торопить рабочих: скорее берите власть, не то будет поздно.

Когда после корниловских дней в Петрограде собиралось так называемое «Демократическое Совещание», Ленин сначала выступает со статьей «О компромиссах». В последний раз он предлагает меньшевикам и эс-эрам порвать с буржуазией, отказаться от предательской политики и пойти на компромисс с рабочим классом против корниловцев. Но меньшевизм и эс-эровство сгнили в сердцевине своей. Они уже продали душу чорту. Они не могли уже принять предложение Ленина.

Убедившись в этом, Ленин из своего финляндского изгнания пишет письмо Центральному Комитету нашей партии, и в этом письме говорит: довольно тянуть канитель, надо окружить Александринку («Демократическое Совещание» заседало в Александринском театре), разогнать всю эту шваль и взять власть в свои руки.

Наш Ц. К. не согласился тогда с тов. Лениным. Почти всем нам казалось, что еще рано, что меньшевики и эс-эры имеют еще довольно много сторонников. Тогда Ленин, не долго думая, бросает свое убежище и «самочинно», не считаясь с опасениями друзей, приезжает из Финляндии в Питер, чтобы проповедывать немедленно восстание. Керенский и Авксентьев пишут приказы за приказами об аресте Ленина. А Ленин из подполья готовит восстание, убеждает сомневающихся, бичует колеблющихся, пишет и агитирует за самое скорое выступление. И — добивается своего.

Теперь-то уж каждому ясно: тов. Ленин был прав. Дело висело тогда на волоске. Не возьми мы власть в октябре, нас раздавили бы Савинков и Пальчинский в ноябре. История поставила вопрос недвусмысленно: либо они нас, либо мы их, либо

диктатура обезумевшей от страха и остервеневшей от ненависти к рабочим буржуазии, либо диктатура пролетариата, беспощадно сметающего буржуазию.

Теперь все это ясно. Но тогда в водовороте событий нужен был ленинский глазомер, нужна была ленинская гениальная интуиция, чтобы сказать: ни одной недели больше — сейчас или никогда! И нужна была несгибаемая ленинская сила воли, чтобы победить все препятствия и начать как раз к сроку величайший из переворотов, которые знает история.

И не в том дело, чтобы тов. Ленин не понимал, какие громадные трудности возникнут пред рабочим классом после завоевания власти. Ленин превосходно это понимал. С первых дней своего приезда в Питер он тщательно следил за экономической разрухой. Он дорожил знакомством с банковским служащим, стремясь вникнуть во все детали банковского дела. Он знал хорошо о продовольственных и иных трудностях. В одной из своих самых замечательных работ, в книжке «Удержат ли большевики государственную власть?», тов. Ленин подробно останавливался на этих трудностях. Правда, трудности оказались еще бо̀льшие, чем думал Ленин. Но другого пути, кроме октябрьского, все же не было дано рабочему классу.

И в вопросе о национализации банков, и в области нашей продовольственной политики, и в военном вопросе решающее слово сказал Ленин. Он один во всей конкретности разрабатывал план практических мероприятий во всех этих областях еще задолго до 25 октября. Ясность, четкость, конкретность плана — главная черта во всей работе Ленина.

И он же один все эти отдельные мероприятия блестяще обобщил в его — на мой взгляд, самой важной после «Капитала» — работе: «Учение о государстве». Советское государство нашло в Ленине не только своего главного политического вождя, практика, организатора, пламенного пропагандиста, певца и поэта, но и своего главного теоретика, своего Карла Маркса.

Октябрьская революция — поскольку и в революции не только можно, но и должно говорить о роли личности — Октябрьская революция и роль в ней нашей партии есть на девять десятых дело рук тов. Ленина. Если кто-либо смог заставить колеблющихся встать в ряды и шеренгу — это был тов. Ленин.

Скажу о себе, что если я в своей жизни буду в чем-либо раскаиваться, то не в том, что я в течение 15 лет своей работы

шел под руководством тов. Ленина, а буду жалеть о тех нескольких октябрьских днях, когда мне казалось, что Ленин торопится, форсирует события, совершает ошибку, и мне придется выступить против него.

Теперь ясно, как дважды два — четыре, что если бы рабочий класс под руководством тов. Ленина не взял в то время власть в свои руки, то через несколько недель мы имели бы диктатуру самой остервенелой буржуазной сволочи. Теперь известно, что к моменту Учредительного Собрания решено было вырезать нас, и если бы у господ генералов было побольше солдат, они бы это сделали. Даже после 25 октября правые эс-эры к моменту Учредилки хотели нас вырезать. Правый эс-эр Маслов вербовал для этого солдат. Но он, по его недавнему собственному признанию, набрал всего пять тысяч, да и то сомнительных бойцов. Руки оказались коротки.

Тов. Ленин учел момент превосходно. Он не хотел тянуть дальше ни одной недели и он сумел поставить вопрос ребром. Открыто за своей подписью в легальной газете он пишет статью за статьей, прямо призывая к вооруженному восстанию и прямо назначая его завтра или послезавтра. И все это тов. Ленин делает тогда, когда Керенский стоит еще у власти, и многим кажется, что он еще силен. Ленин бросает вызов всей буржуазии и всем соглашателям и говорит им: завтра мы скинем вашу власть. И всякий знает: в устах Ленина это не пустая угроза. За словами последует дело... И это дело мог сделать только Ленин...

* * *

А памятные горькие дни Бреста! Как трудно, как мучительно трудно было тогда принять решение! Я не могу и представить себе, что́ было бы, если бы у нас не было тогда тов. Ленина. Кто другой мог бы поднять на себя эту тяжесть, пойти против громадной части Советов, против значительной части партии, одно время даже против большинства Ц. К. партии. Только Ленин мог поднять эту ношу, только за ним пошли те, кто ранее колебался. Только Ленину дано было спасти Петроград, Россию, нашу партию, нашу революцию. Теперь мало уже найдется мудрецов, которые будут пытаться высмеивать ленинскую теорию «передышки». Теперь ясно, что это был единственно правильный путь — уступить врагу в пространстве, чтобы выиграть у него во времени...

Внешний вид сарая, на чердаке которого скрывался тов. Ленин.

Вот почему человек, который совершил такую работу, само собою понятно, имеет право на бессмертие. Вот почему удар против него всякий воспринимал, как удар против самого себя. Товарищ Троцкий был прав, когда сказал в Москве: когда видишь, что товарищ Ленин лежит тяжело раненый и борется со смертью, то наша собственная жизнь кажется нам самим такой ненужной, такой неважной...

Товарища Ленина сравнивали с Маратом. Ему судьба больше улыбнулась, чем Марату. Марат стал особенно дорог своему народу после смерти. Наш учитель т. Ленин был на волосок от смерти. Он был достаточно дорог нашему народу и до покушения. Но он станет еще в тысячу раз дороже сердцу рабочего класса теперь, после этого предательского покушения. Марат жил долго в воспоминаниях своего народа после того, как его физическая жизнь была пресечена. А Ленин будет долго жить не только в наших умах и в сердцах, но и в наших рядах — для того, чтобы бороться вместе с нами и довести первую рабочую социалистическую революцию до полного победного конца.

Да, Марат, связавший себя с многомиллионным городским и сельским пролетариатом,—это и будет Ленин. Возьмите фанатическую преданность народу, какая отличала Марата, возьмите маратовскую неподкупность, возьмите его простоту и глубокое знание народной души, возьмите его стихийную веру в неиссякаемую силу «низов»; возьмите все это от Марата, прибавьте к этому первоклассное образование марксиста, железную волю, глубокий аналитический ум — и вы получите фигуру Ленина такой, какой мы ее знаем сейчас.

Якобинец, связавший свою судьбу с самым передовым классом современности, с пролетариатом: это и есть революционный социал-демократ, — так отвечал тов. Ленин в 1904 году меньшевикам, обвинявшим его за «якобинство». Фигура пролетарского «якобинца» Ленина затмит собою славу самых славных из якобинцев времен Великой Французской революции.

Августу Бебелю германская буржуазия никак не могла простить то, что он однажды заявил с трибуны: Да, я ненавижу ваш буржуазный строй; да, я смертельный враг всего вашего буржуазного общества. И тот же Бебель говорил: Когда меня хвалит буржуазия, я спрашиваю себя: старый Бебель, какую глупость ты сделал, что удостоился похвал со стороны этих людоедов?

Товарищу Ленину никогда не приходилось задавать себе такие вопросы. На этот счет он был гарантирован. *Его* буржуазия никогда не хвалила. Жгучей ненавистью преследует она его в течение всей его многолетней деятельности. И Ленин гордится этим. В минуту наибольшего обострения борьбы т. Ленин любит повторять, как повторял накануне Октябрьской революции, слова поэта:

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы,
А в диких криках озлобленья!..

Как характерно это для Ленина! В этой цитате весь Ленин. Ленин редко цитирует стихи. Но здесь он не даром прибег к стихотворной цитате.

«Дикие крики озлобленья» врагов рабочего класса всегда были лучшей музыкой для уха т. Ленина. Чем больше бесились враги, тем спокойнее и увереннее был Ленин...

Да, про т. Ленина поистине можно сказать:

Он знал одной лишь думы власть,
Одну, но — пламенную страсть...

Ленин любит сравнивать нашу революцию с быстро мчащимся локомотивом. Наш локомотив мчится поистине головокружительно быстро. Но зато машинист наш управляется с локомотивом на славу. И зорок его взгляд, и рука его тверда, и не поколеблется она ни на одну секунду даже при самых крутых поворотах.

Сейчас наш вождь лежит раненый. Несколько дней боролся он со смертью. Но он поборол смерть, он будет жить. И это — символ. Наша революция одно время тоже была как будто смертельно ранена. Она выздоравливает теперь, она выздоровеет так же, как наш вождь т. Ленин. И рассеются тучи. И мы победим всех наших врагов и супостатов...

* * *

Товарищи! Я выразил в одной из телеграмм к тов. Ленину пожелание, чтобы первое его выступление после выздоровления было среди нас, в Петрограде. Я глубочайше убежден, что это и ваше желание. Но я боюсь, что этого не будет. Ленина не удержишь. Первое его «выступление», в сущности, было уже сегодня. Тов. Ленин не хочет мириться с положением больного: он поднимается с постели, он требует телеграмм и газет, он

берется за работу, он не может забыть того, что он является первым борцом величайшей в мире рабочей партии. Вот почему нам, я боюсь, не будет дано это счастье. Но нам дано зато другое счастье. Мы знаем, что ни один Совет, ни один рабочий не пользуется такой безграничной любовью и уважением со стороны тов. Ленина, как Петроградский Совет и петроградские рабочие.

Это, товарищи, не фраза, это — правда. Всякий раз, когда становится трудно, когда положение требует героических мер, первое, что приходит на ум Владимиру Ильичу, это — обратиться к петроградским пролетариям. «Чего же вы, питерцы, зеваете, разве вы, черти, не понимаете, что вы — «соль земли», что вы должны спасти не только себя, а всю рабочую революцию!» — таков смысл тех многочисленных посланий, с которыми из Москвы не раз обращался к вам, петроградским рабочим, тов. Ленин...

Один из вас, питерцев, стóит 100 других. Таково убеждение Ленина. Товарищ Ленин, можно сказать, до суеверия верит в питерского рабочего. Он глубоко убежден, что питерский рабочий все может, что он обладает особым талисманом и сделан из особого металла.

Товарищи! Мы с вами слишком большие друзья, чтобы вы нуждались в моих комплиментах. Но я всетаки скажу вам: немножко правды тут есть. Не в том, конечно, дело, что питерские рабочие были бы какие-то особенные. Дело в том, что Питер прошел через горнило двух революций. Дело в том, что здесь рабочее движение прошло лучшую школу. Дело в том, что свою деятельность в 90-х годах тов. Ленин начал здесь, и у многих из вас незаметно для вас есть хотя бы небольшая капелька от трудов, от неутомимой работы тов. Ленина. Здесь, в Петрограде, и теперь еще найдутся целые кружки и гнезда учеников тов. Ленина, которые передавали из уст в уста интеллигентным пролетариям то, чему они научились у тов. Ленина. Здесь целое поколение рабочих борцов имело счастье видеть в рядах своих таких учителей, как товарищ Ленин...

В этот день, когда у нас так радостно на душе по случаю выздоровления тов. Ленина, но когда, вместе с тем, общее положение революции остается таким серьезным, в этот день, если мы хотим почтить тов. Ленина и оправдать его надежды, мы должны сказать себе: будем хоть немного похожи на тов. Ленина.

Я вспоминаю один сборник, вышедший в 1912 году в Саратове, составленный группой меньшевиков и бундистов. Помню, один,

повидимому, искренний человек из меньшевиков, предаваясь в этом сборнике воспоминаниям о 1903—5 г.г., пишет: Я был меньшевиком, я ненавидел Ленина, но когда я читал его книгу «Что делать?», то где-то далеко все же роилась мысль — «а недурно бы хоть немного быть похожим на тот идеал русского революционера, который рисует нам Ленин». Так писал меньшевик, злейший противник Ленина.

Мы, ученики, последователи Ленина, мы можем прямо и открыто сказать: да, мы стремимся к тому, чтобы хоть немного походить на этого пламенного трибуна международного коммунизма, на величайшего вождя и апостола социалистической революции, какого когда-либо знал мир. Да здравствует же тов. Ленин!

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Н. Ленин (Владимир Ильич Ульянов). Очерк жизни и деятельности» — речь, произнесенная 6 сентября 1918 года на торжественном заседании Петроградского Совета. Стенограмма речи первоначально была помещена в №№ 194 и 195 газеты «Петроградская Правда», а затем издана отдельной книжкой Петроградским Госиздатом в том же 1918 году (см. приложение I).

В. И. ЛЕНИН И НАША ПАРТИЯ [1].

Товарищу Ленину исполняется 50 лет. Из этих 50 лет более чем 25 лет целиком посвящены нашей рабочей партии. Вот почему говорить о Ленине, значит говорить о нашей партии; писать биографию Ленина, значит писать историю нашей партии. Ленин для нашей партии то же, что Маркс для I Интернационала. Говорить о нашей партии, не останавливаясь на Ленине, так же невозможно, как, скажем, говорить о естественных науках, не останавливаясь на Дарвине, или о развитии политической экономии, не останавливаясь на Карле Марксе.

Судьба Ленина настолько слилась с судьбою нашей партии, вся его жизнь настолько переплелась с жизнью партии, что буквально невозможно отделить одно от другого.

Начало 90-х годов. На очереди: в области теории — борьба с так называемым «легальным марксизмом», в области практики — создание первых рабочих кружков и руководство первыми крупными экономическими стачками. Ленин как будто только еще появляется на горизонте российского рабочего движения. Но даже уже в эти первые годы своей деятельности ему бесспорно принадлежит одно из первых мест в теоретической борьбе с буржуазным либерализмом, прикрывающимся теорией «легального марксизма», и уж совершенно бесспорно принадлежит первое место в области практического руководства тогдашним рабочим движением в России.

Середина 90-х годов и начало 900-х. На очереди — борьба с народничеством и борьба с «экономизмом», этим предтечей меньшевизма. На очереди — борьба за расчистку пути для крепнущего с каждым днем революционного движения в России. В эту эпоху партийного развития русский марксизм имеет таких блестящих вождей, как Плеханов времен его расцвета. И тем не менее, даже рядом с такой гигантской фигурой, какой был Плеханов тогдашней эпохи, фигура Ленина не только не теряется, но, напротив, вырисовывается во всю ее величину. Книга «О развитии капитализма в России» наносит сокрушительный удар народнической идеологии. Книга «Что делать?» и ряд замечательных ленинских статей и брошюр того времени наносят решающий удар «экономизму».

*

1902 — 1903 годы. Рабочее движение возмужало. Партия растет. Теперь дело идет уже не только о расчистке почвы для партии, теперь дело идет о том, чтобы организационно собрать партийную землю, чтобы создать централизованную организацию «профессиональных революционеров». На очереди созыв второго партийного съезда. Гигантская идейная и организационная работа. В этой работе участвует вся плеяда тогдашних вождей партии во главе с Плехановым. Но кто больше всех сделал для организационной подготовки второго партийного съезда? Кто больше всех продумал от начала до конца всю работу этого партийного съезда? Кто больше всех внес идейной ясности, теоретической непримиримости во всю работу съезда? Кто лучше всех продумал организационную постройку партии? Кто ближе всех знал тогдашних практических работников партии, на плечах которых держалось все рабочее движение тогдашней эпохи? Кто? — Разумеется, никакого другого имени не назовешь, кроме как имя В. И. Ленина.

1903 — 1905 годы. Революция гигантски растет. Роль партии становится колоссальной. В это же время из недр экономизма вылупился меньшевизм. Целый ряд бывших вождей революционного марксизма во главе с Плехановым, которого так ценил В. И. Ленин, переходят на сторону меньшевизма. Разногласия, которые вчера еще казались сравнительно частными организационными разногласиями, быстро вырастают в расхождение Горы и Жиронды. Все крупнейшие авторитеты российской социал-демократической рабочей партии, все виднейшие вожди тогдашнего Интернационала — Бебель, Адлер, Гэд, Вандервельде и др. — на стороне меньшевиков. Против Ленина начинается первая травля в интернациональном масштабе. Ленин остается на время один. И вот тут-то впервые в большом масштабе перед лицом рабочего движения всех стран Ленин обнаруживает свою способность итти против течения. Непреклонный революционер не сдает ни одной пяди своих позиций. Личная клевета отскакивает от него, как пыль от брони. Проходит сравнительно небольшое время, и ядро русских революционеров, работающих в местных организациях, оказывается на стороне Ленина.

Близится революция 1905 года. Кто больше всех призывает и ждет эту революцию, кто больше всех подготовляет ее? Кто больше всех организованно приспособляет рабочую партию к предстоящему гигантскому движению? Кто проявляет больше всего дальнозоркости, способности предвидения? Кто на третьем

Редкий портрет Н. К. Крупской, относящийся ко времени июльских событий 1917 г.

съезде нашей партии за несколько месяцев до решающих событий дает цельную, вылитую из одного куска перспективу предстоящей первой великой революции, нарушившей покой долголетней мирной эпохи? — Конечно, Ленин.

1906—1912 годы. Революция 1905 года разбита. Необходимо бороться до конца. Кто отступает последним? — Отряд, руководимый Лениным. До начала 1907 г. Ленин и руководимая им часть партии стараются продлить арьергардные бои в надежде на то, что движение разгорится с новой силой. Но и после того как победа столыпинской контр-революции становится несомненной, та часть партии, которою руководит Ленин, сразу, не колеблясь, ставит диагноз: это — только небольшая передышка для буржуазной контр-революции, это будет только пауза между первой и второй революциями. Необходимо собирать остатки разбитой армии. Необходимо бороться против того разложения, которое является неизбежным спутником поражения. Внутри партии начинаются «громадные» течения: ликвидаторство, отзовизм, богостроительство, философские блуждания буржуазного характера и т. п. В такие времена познаются истинные вожди. Опять и опять необходимо расчищать путь для грядущей революции. Это приходится делать в обстановке чрезвычайно тяжелой. Но чем больше трудностей, тем с большей настойчивостью работает Ленин. Он громит ликвидаторство и отзовизм, он пишет книгу против философских извращений марксизма и в то же время под его руководством большевистский центр шаг за шагом, среди отчаянных трудностей, в атмосфере массового ренегатства, чудовищных репрессий, камешек за камешком воссоздает нелегальную партийную организацию. Единственная революционная група в России, которая за 1908—1911 годы, несмотря на азефовщину, несмотря на волну отступничества, несмотря на бешенство царского правительства, сохранила более или менее стройную всероссийскую организацию, — это была наша партия большевиков. И этот факт имел затем с возрождением рабочего движения решающее значение, и он же оказал решающее влияние и во время событий 1917 г. А что работа такой организации без Ленина была невозможна, это знает каждый из нас, работников того времени. Ленин остался душою партии и в это тягчайшее для нее время.

1912—1914 годы. Ленские дни. Оживление рабочего движения. Начало великой стачечной волны. Создание газет «Звезда»

и «Правда». Постепенное вытеснение большевиками всех других партий в Петрограде. Кто стоит во главе этой работы?—Разумеется, В. И. Ленин. При первой возможности в начале 1912 г. ему и его группе удается созвать в Праге первую значительную всероссийскую конференцию, которая восстановила нашу партию после годов разгрома. В зависимости от темпа рабочего движения В. И. меняет свое местопребывание. Он переезжает в Краков, чтобы быть поближе к России. Начинается приезд многих крупных практических работников из России. Из Кракова В. И. Ленину удается всецело направлять нашу тогдашнюю партийную печать и всю партийную политику. В течение этих двух лет все «легальные возможности» использываются нашей партией до дна. Несмотря на козни департамента полиции, не взирая на то, что в руководящую нашу петроградскую группу царскому правительству удается продвинуть своего агента, большевистский центр, руководимый Лениным, проделывает за это время колоссальную работу.

Война 1914 года срывает эту работу. Большинство II Интернационала окончательно изменяет рабочему делу и переходит на сторону буржуазии. Рабочее движение всего мира переживает величайший кризис. Тут-то опять познаются настоящие вожди. Партия большевиков в начале была едва ли не единственной партией, которая сохранила полную верность красному знамени, которая спасла честь рабочего класса. И нечего прибавлять, что заслуга В. И. в этом отношении была исключительной.

1917 год. Партия сначала в меньшинстве. Июльские дни. Корниловщина. Великая Октябрьская революция. Создание Совнаркома. Иностранная политика Советской власти. Облечение в плоть и кровь самой идеи Советской власти. Законченное учение о диктатуре пролетариата. Блестящие теоретические работы об империализме и о сущности государства. Определение взглядов партии по вопросу об отношении к крестьянству. Все это и многое другое слишком свежо, чтобы об этом надо было говорить подробно. Все это протекает уже на глазах не замкнутых, не нелегальных организаций рабочих передовиков,—все это протекает на глазах трудящихся всей нашей страны и у рабочих всего мира.

Наша партия приобретает руководящее значение не только в России, но и во всем мире. Наша партия становится во главе Коммунистического Интернационала. Наша партия, которая до

1917 г. играла совсем скромную роль в международном рабочем движении, становится теперь общепризнанной руководительницей рабочих всего мира. И все это время, начиная с 90-х годов, когда главной задачей было создание двух-трех нелегальных маленьких кружков передовых рабочих, и кончая 1920 годом, когда задачей партии становится переделать весь мир,—все это время верным рулевым с гениальной интуицией, с ясным взглядом, с железной рукой, с великим сердцем неизменно остается В. И. Ленин.

Кончаю. Пусть назовут нам другое имя во всей новейшей истории человечества, которое заставляло бы учащенно биться сердца такого количества миллионов людей, как имя Ленина. Другого имени никто не назовет. Ленин, это — не только целая программа, это—целый период в истории человечества, это—тот период, когда пробил час капитализма, когда на смену ему пришел коммунизм. Наиболее мощная, наиболее великая фигура, которую до сих пор выдвинул освобождающий себя и все человечество международный пролетариат,—вот кто такой В. И. Ленин.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «В. И. Ленин и наша партия» — статья из газеты «Петроградская Правда» № 87, от 23 апреля 1922 года.

ЛЕНИН И ЗАГРАНИЧНЫЙ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ЦЕНТР (1).

Всероссийская конференция большевиков, которая состоялась в Праге в начале 1912 года, имела громадное значение для нашей партии. Ей бесспорно принадлежит одна из важнейших страниц в истории большевизма. После нескольких лет тягчайшей контрреволюции, на конференции в Праге большевизм впервые заново собрал свои силы во всероссийском масштабе, окончательно сжег за собой мосты, соединявшие его ранее с меньшевизмом, и заложил прочные основы большевистской тактики на весь предреволюционный период. Узы единства и полуединства, связывавшие нас с меньшевиками вплоть до самого 1912 года, сковывали развитие большевизма. Этот груз единства или полуединства с меньшевиками был гирями на ногах у нашей партии. Пражская конференция радикально покончила с этим положением. С этого момента перед каждым сознательным рабочим встал окончательный факт: в России существуют две рабочие партии — революционная рабочая партия большевиков и «столыпинская» рабочая партия ликвидаторов.

На этой знаменательной конференции в Праге в числе других важнейших решений было принято решение приступить к изданию ежедневной газеты в Петрограде. В этом смысле Пражская конференция является воспреемницей газеты «Правда». Пражская конференция, можно сказать, стояла у колыбели первой ежедневной рабочей газеты.

Ко времени Пражской конференции в Петрограде уже издавалась «Звезда» — орган, которому принадлежит почетнейшее место в истории рабочей печати. Без всякого преувеличения можно сказать, что «Звезда» сыграла в истории большевизма такую же славную роль, как в свое время «Искра» при создании партии. «Звезда» выходила сначала раз в неделю, а затем стала выходить два и даже три раза в неделю. Самое деятельное участие в ней принимал тогдашний заграничный большевистский центр, в который входили тов. Ленин, Надежда Константиновна Ульянова-Крупская, Л. Б. Каменев и пишущий эти строки. «Звезда» являлась вначале органом блока большевиков и меньшевиков-партийцев (плехановцев). Г. В. Плеханов в это время переживал некий ренессанс. Ренегатство меньшевиков-ликвидаторов

Общий вид б. дома Кшесинской на углу ул. Красных Зорь и 1-й ул. Деревенской бедноты, с балкона которого В. И. Ленин выступал с момента своего приезда до июльских дней.

оттолкнуло от них этого выдающегося человека, в котором проснулось, — увы, не надолго! — чувство старого революционного бойца. Это был последний взмах крыльев старого орла. Через короткое время солнце окончательно закатилось для Г. В. Плеханова, и он оказался в последние годы своей жизни в рядах самых отъявленных социал-патриотов. Уже через несколько номеров «Звезды» гегемония в этой газете все больше стала склоняться на сторону большевиков. На стороне Плеханова в Петрограде было несколько интеллигентов-литераторов (Н. Иорданский и др.), на нашей стороне — рабочие организации. Наш перевес был несомненен. Через короткое время «Звезда» стала органом открыто большевистским.

На конференции в Праге впервые, как мы уже сказали, практически был поставлен вопрос об издании ежедневной рабочей газеты в Петрограде. Помню первые разговоры об этом в кругу наиболее влиятельных делегатов Пражской конференции с нами, членами тогдашнего заграничного большевистского центра. Из числа бывших делегатов Пражской конференции, ныне являющихся крупными партийными деятелями, назовем т.т. Оржаникидзе («Серый»), Серебрякова («Ерема»), П. Залуцкого, Догадова, Воронского. Если не ошибаемся, на конференции присутствовали также Голощекин («Филипп») и ныне покойный Спандарьян («Сурен»). Особенно убежденным энтузиастом издания ежедневной газеты выступал тов. Воронский. Многие из нас к тому времени относились к возможности издания такой газеты довольно скептически. Не было ни средств, ни литературных сил в Петрограде, ни сколько-нибудь серьезной уверенности в том, что царское правительство потерпит существование такой газеты. Однако, с напряжением всех сил и при мобилизации всех наших финансовых рессурсов, мы наскребли сумму в несколько тысяч рублей и решили сделать опыт.

Нет никакого сомнения в том, что царское правительство превосходно было осведомлено о нашем решении приступить к изданию легальной ежедневной газеты. На конференцию в Праге удалось проникнуть целым трем провокаторам: Малиновскому, Романову (Москвич) и Шурканову (бывший член Государственной Думы, который приехал, насколько помнится, уже по окончании конференции специально по вопросу об издании газеты). Если правительство допустило издание «Правды», то это не столько потому, что оно сознательно надеялось выиграть в своей двойной игре,

но, думается, потому, что могучая волна рабочего движения, поднявшаяся особенно высоко после Ленских дней, вынуждала правительство на частичные уступки.

Как бы там ни было, а то, на что мы так мало надеялись в Праге, осуществилось через самое короткое время после Пражской конференции. В Праге же было решено, что заграничный большевистский центр переселится поближе к России. После первых же номеров «Правды» мы решили переехать из Франции в Краков (Галиция). Сначала туда переехали тов. Ленин, Надежда Константиновна и пишущий эти строки, затем на время из Парижа приехал туда же и т. Каменев, который вскоре уехал в Петроград, главным образом, для работы в «Правде». В Галиции наш большевистский центр пробыл до самого начала империалистической войны и принял самое деятельное участие в издании «Правды». Мы жили всего в нескольких верстах от тогдашней русской границы. Часто на велосипедах доезжали мы почти до самой пограничной полосы. Во всяком случае, в Галиции мы чувствовали себя несравненно ближе к России, чем это было, когда мы жили во Франции.

В это время в России начинается серьезнейшее оживление в революционном рабочем движении, усиливающееся, можно сказать, с каждым месяцем. Но чем больше растет влияние большевизма, тем яростнее репрессии со стороны царского правительства. Постоянное существование нелегального Центрального Комитета в России почти невозможно. В лучшем случае удается в Петрограде иметь бюро Ц. К., состоящее из 2—3 человек. Фактически главной базой Центрального Комитета в это время был Краков. Нелегальные приезды в Краков были сравнительно легки. Целый ряд выдающихся деятелей нашей партии побывал в это время в Кракове: Сталин, Бухарин, Г. И. Петровский, Лашевич, Бадаев, Медведев, Киселев, Глебов-Авилов, Крыленко, покойная Арманд, Сафаров, Розмирович, Муранов, покойный Яковлев и многие, многие другие товарищи. В Галиции у нас произошли две всероссийских конференции, имевших очень большое значение для судеб нашей партии. Здесь вырабатывалась избирательная тактика большевиков при выборах в четвертую Государственную Думу. Здесь писались десятки речей для наших депутатов в Государственной Думе — рабочих-большевиков, которые в начале своей деятельности нуждались в такой помощи. Отсюда велась Надеждой Константиновной громадная организационная переписка, связывавшая заграничный больше-

вистский центр с десятками самых выдающихся работников нашей партии в России.

Отсюда же большевистский центр фактически направлял газету «Правда». Сначала робко, а потом все более и более смело и открыто стали мы посылать десятки статей в нашу «Правду». Постепенно дело дошло до того, что каждый день из Кракова или Поронина (небольшая деревушка, где мы живали летом) отправлялось по шести, а то и по восьми статей, которые в общем доходили весьма аккуратно и иногда составляли добрую половину материала, заполнявшего «Правду». Работа эта была поистине увлекательна. Мы положительно жили «Правдой». С громадным нетерпением ожидали в Кракове каждого номера «Правды». Все прочитывалось нами взасос до последней заметки. С величайшей тщательностью Владимир Ильич изучал, например, список денежных сборов, отчеты которых помещались в «Правде». На основании этих отчетов подсчитывалось число рабочих групп в Петрограде и по всей России, поддерживавших большевиков. Работой в «Правде» тов. Ленин сильнейшим образом увлекся и ушел в нее с головой. Старались не отставать и другие работники тогдашнего заграничного большевистского центра. Связь с Петроградом окрепла. Порой нам казалось, что мы принимаем почти что непосредственное участие в петроградской работе, по крайней мере, столь же близкое, как в те времена (конец 1906 и начало 1907 года), когда большевистский центр пребывал в Териоках, в 30 верстах от Петрограда. Когда начались первые большие легальные собрания в Петрограде, мы, члены заграничного большевистского центра, следили за ними с захватывающим вниманием. Помню первый крупный бой большевиков с меньшевиками при выборах правления союза металлистов в Петрограде. Из Поронина членами большевистского центра был написан ряд предвыборных статей. Из Галиции следили мы за перипетиями всей избирательной борьбы. Вечером произошли выборы, а под утро на следующий день тов. Ленин уже имел из редакции «Правды» телеграмму, радостно извещавшую нас об одержанной победе.

Газета «Правда», с первых же дней ее существования, как известно, писалась, по крайней мере наполовину, петроградскими рабочими. В этом отношении крайне интересно сравнить «Правду» с большевистскими газетами в период 1905 года. Взгляните, в самом деле, на «Новую Жизнь», выходившую в Петрограде

в 1905 году, и сравните ее с «Правдой» 1912 или, тем более, 1917 годов. В «Новой Жизни» (1905 год) мы видим рядом с большевистскими писателями таких литераторов, как Минский, Теффи и т. п. Рядом со статьями лидеров большевиков — большие статьи и литературные фельетоны таких столпов нынешней буржуазно-«демократической» реакции, как названные выше литераторы. Не то «Правда». Здесь мы сразу имеем классический тип чисто пролетарской газеты. От буржуазно-демократической к социалистической революции — вот путь, пройденный Россией с 1905 по 1917 г. «Новая Жизнь» 1905 г. и «Правда» 1912—17 г.г. ярко отразили эту эволюцию. Две вехи!

Без всякого преувеличения: «Звезда» и «Правда» подняли целый новый пласт рабочих и воспитали целое поколение передовых пролетариев, которые составляют и сейчас основу нашей партии и нашей государственной власти.

Громадная масса лучших петроградских рабочих, воспитанных «Звездой» и «Правдой», рассеяна сейчас по всей России на разнообразнейших руководящих партийных, советских, профессиональных и хозяйственных постах. Тысячи и десятки тысяч этих питомцев «Звезды» и «Правды», начиная с 1917 года, пошли в «бродячую» Советскую Русь, стали главными работниками Красной армии, строителями Советской власти в деревнях, уездах и т. д. Но все же не одна тысяча таких передовиков, воспитанных «Звездой» и «Правдой», осталась и поныне в Петрограде. И сейчас крайне интересно отметить следующее. Когда в связи с недавней партийной чисткой и петроградская организация особенно тщательно изучала свой личный состав и анализировала чуть ли не каждого более старого члена нынешней петроградской организации, все товарищи единодушно отмечали тот факт, что главными работниками нынешнего красного Петрограда является именно поколение рабочих, вошедших в партию в 1911, 1912 и 1913 г.г., — в годы, когда главным нашим штабом была «Правда». И все товарищи без исключения отмечали тот факт, что среди этого поколения рабочих, воспитанных «Правдой», много гораздо более квалифицированных и подготовленных партийных и советских деятелей пролетариев, чем даже из среды рабочих, которые участвовали в партии в 1905 году. Поколение, воспитанное «Правдой», как-то жизненнее, как-то ближе к действительности, чем даже иные из самых передовых рабочих, участвовавших в партии в 1905 году.

В 1912—1914 г.г. «Правда» была поистине главным штабом русского рабочего движения и главной лабораторией партийной мысли. Рамки цензуры сначала раздвигались слабо, а затем мы научились их обходить. Каких только вопросов не поднимала тогдашняя «Правда»! В конце концов, дело дошло до того, что почти все наши самые боевые политические кампании тогдашний заграничный большевистский центр, который фактически был тогда Центральным Комитетом партии, чуть ли не целиком проводил через легальную «Правду». Рабочие научились схватывать на-лету каждое слово, каждый намек, каждый лозунг, выраженный самым «эзоповским» языком. Какое счастье работать в такой газете и чувствовать такую связь с читателем-пролетарием, какую имели тогдашние сотрудники «Правды»! Без дальних слов, без длинных разглагольствований писатель и читатель-рабочий понимали друг друга в миг. Как земля, истрескавшаяся после долгого летнего зноя, впитывает благодатный дождь, так и проснувшаяся к новой жизни рабочая масса проглатывала «Правду». Вспоминается первый «день печати», если не ошибаемся, в первую годовщину издания «Правды». Какой это был праздник для всех работников «Правды» и, в частности, для тогдашних заграничных сотрудников ее, проживавших в Галиции и деливших с «Правдой» все ее горести и радости! Десять лет прошло с тех пор. За это время пережито не мало великого, но впечатления тогдашних дней все еще так свежи, непосредственны и милы...

Кроме товарищей, непосредственно руководивших делом в Петрограде, как т.т. М. С. Ольминский, покойная К. Н. Самойлова, Еремеев, Молотов-Скрябин, Данилов (Степан Степанович), Данский, Гладнев, Сосновский, Батурин, Васильевский, Раскольников и многие другие, «Правде» крайне много помогли наши депутаты: Г. И. Петровский, Бадаев, Самойлов, а в первое время особенно Н. Г. Полетаев. На газету сыпались штрафы за штрафами и репрессии за репрессиями, но от этого она только становилась все популярнее среди рабочих. Мы, грешные, члены тогдашнего заграничного большевистского центра, также были не мало повинны в этих штрафах. Изо всех сил мы, разумеется, старались писать, по форме, как можно более умеренно, «цензурно», но это нам удавалось плохо. Нам каждый раз казалось, что мы обошли все рифы и подводные камни и усыпили бдительность цензора, но, увы, мы ошибались в этом отношении слишком часто. Больше всех осторожности проявлял тов. Ленин,

но и за его статьи «Правде» частенько приходилось расплачиваться не дешево. Шутя, мы упрекали друг друга, чья статья обошлась дороже, давали зарок впредь никогда не писать так неосторожно, а на завтра — история повторялась.

Перед самым началом империалистской войны, летом 1914 года, в Поронине было решено предпринять большую работу: разбить по категориям все рабочие корреспонденции, напечатанные в «Правде», изучить по материалам «Правды» все прошедшие кампании: за 8-часовой рабочий день, сборы на рабочую печать, стачки, демонстрации и т. п. С этой целью большевистская думская «шестерка» прислала в Поронин тов. Тихомирного («Виктор»), этого слишком рано скончавшегося, подававшего большие надежды товарища, который также в свое время не мало поработал в «Правде». Вся черновая работа была уже проделана. Но к этому времени грянула война, которая оборвала жизнь «Правды» и перебросила заграничный большевистский центр из Галиции в Швейцарию...

В 1912—1914 г.г. «Правда» играла роль главного партийного центра; вокруг нее группировались все силы, она была осью всей партийной деятельности. Такую же роль «Правда» сыграла в 1917 году, в особенности с апреля по июль, когда четыре страницы маленького формата «Правды» были как бы насыщены электричеством, и когда каждый номер нашей тогдашней маленькой газеты был большим политическим событием. Ныне исполняется десять лет со времени выхода первого номера «Правды» в Петрограде. За последние годы, когда партия взяла всю власть в стране в свои руки, роль партийной печати уже не является столь всеобъемлющей, как это было в предыдущие годы. К десятой годовщине «Правды» пожелаем нашей печати одного: чтобы неустанной работой она отвоевала для себя такую же прочную, тесную, неразрывную, интимную связь с самыми широкими рабочими массами, какую имела «Правда» в 1912—1914 и в 1917 годах.

Еще и еще раз отдадим наши силы на то, чтобы привлечь к непосредственной работе в нашей партийной печати *самих рабочих*. Добьемся того, чтобы наша газета, не мудрствуя лукаво и не гоняясь за образцами органов «высокой» европейской политики, сумела стать простым бесхитростным отображением действительной жизни трудящихся масс и старшим товарищем, руководителем этих масс в их тяжелой борьбе. В нынешнее пере-

ходное время, в эпоху, которая до известной степени является эпохой распутья, наша партийная печать, хорошо поставленная и тесно связанная с массами, могла бы и должна была бы занять особо выдающееся место в жизни рабочих. В десятую годовщину рабочей печати освежим славные традиции старой «Правды», сумеем проложить себе такую же широкую дорогу в самую гущу пролетарских масс, как это сумела в свое время сделать старая «Правда».

Пусть нынешняя наша партийная печать упорной работой отвоюет себе такое же почетное место, какое занимала старая «Правда» в каждой рабочей семье. Это будет лучшей данью уважения старой «Правде».

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Ленин и заграничный большевистский центр»—статья из № 98, газеты «Правда» от 5 мая 1922 года.

ТОВ. ЛЕНИН НА ОТДЫХЕ ([1]).

На всех собраниях рабочие буквально засыпают вопросами о состоянии здоровья тов. Ленина и о том, как протекает его отдых. Читающая пролетарская Россия хочет и имеет право знать во всех подробностях, как протекало выздоровление тов. Ленина, как живет, работает и отдыхает тот, к кому самые широкие народные массы величайшей страны испытывают поистине беспредельное, беззаветное доверие.

Что тов. Ленин умеет р а б о т а т ь, как никто другой, это достаточно известно. Но тов. Ленин умеет и отдыхать. Его работа по правилу размеренна, регулярна и, при любом напряжении, упорядочена. Его отдых прост и здоров. Как большинство больших людей, тов. Ленин глубоко любит и чувствует природу. Его отдых почти всегда сводится, главным образом, к тому, чтобы побольше оставаться один-на-один с природой.

Из сообщений товарищей, живших с В. И. в далекой сибирской ссылке, мы знаем о том, как тов. Ленин являлся там одним из самых страстных охотников. Занятия напряженнейшим литературным трудом, которые, казалось, могли целиком поглотить В. И., не мешали ему совершать громадные прогулки в десятки верст пешком.

В Швейцарии, где В. И. долго жил в эмиграции, немного осталось примечательных уголков, где не побывал бы пешком и на велосипеде тов. Ленин. Окрестности Женевы он изучил, как редко кто из швейцарцев. Перед окончательным решением вопроса о расколе с меньшевиками, когда подошли критические недели, потребовавшие, чтобы гордиев узел был разрублен, В. И. отправляется недели на две в горы и именно там окончательно обдумывает план кампании.

После поражения первой революции в 1906 г., В. И. в течение нескольких месяцев остается в К у о к к а л а (станция Финляндской ж. д., недалеко от Петрограда), где в то время перебывали у него десятки руководящих работников нашей партии. И там В. И. умеет использовать каждую свободную минуту, чтобы насладиться финляндской природой и особенно взморьем.

Затем — вновь Женева. Затем — Париж, Краков. Сколько раз в Париже В. И. увлекал нас на велосипеде за 50 — 70 верст только для того, чтобы на живописном берегу красивой реки

выкупаться и погулять. Поездка в полсотни верст на велосипеде в прекрасный французский лес для того, чтобы собрать ландышей, считалась обычным делом.

По переезде в Галицию В. И. проводил добрую треть года в небольшой галицийской деревушке в горах (Татры). Прогулки на так называемое Морско-Око (горное озеро) и т. п. горные места в течение многих и многих часов были для В. И. любимейшим отдыхом *). Ему ничего не стоило подбить нас съездить из галицийской деревушки на велосипеде верст за 100 в Венгрию за тем, чтобы оттуда в качестве трофея привезти... одну бутылку венгерского вина.

На этих прогулках В. И. почти всегда «загонял» гораздо более молодых товарищей. Карабкаться на высокие горы, куда не всегда решится забраться и опытный турист, было для Владимира Ильича лучшим удовольствием. Ежедневные купанья вплоть до осенних месяцев в отчаянно холодных и горных речках, одно время, по инициативе «зачинщика» В. И., стали чуть не обязательными для каждого члена тогдашнего большевистского заграничного центра. Л. Б. Каменев, не всегда выдерживавший эту «марку», не раз подвергался серьезнейшим «репрессиям» за эту «слабость». Зимою в Кракове у нас особенно процветал конькобежный спорт. Бывало, утром получаются питерские газеты и вся почта; чуть-чуть просмотрев ее, отправляемся на «каток» (небольшой пустырь на окраине города, недалеко от квартиры В. И.) и там обыкновенно на коньках не раз происходили обсуждения важнейших партийных дел.

По возвращении из-за границы, после февральской революции, как только выдавалась свободная минута, В. И. стремился отдохнуть в окрестностях Петрограда. Начало июльского высту-

*) Отчасти за любовь к горам В. И. однажды даже пострадал. В начале империалистской войны В. И., как известно, был арестован тогдашними австрийскими властями. Провинциальные власти в течение нескольких дней держали В. И. под подозрением ни больше ни меньше как... в шпионстве. Это подозрение, между прочим, было основано на том, что одна крестьянка донесла: Ленин, дескать, все ходит и «баче на гуры» (смотрит на горы) — явное доказательство того, что сей подозрительный человек изучает территорию Галиции для того, чтобы познакомить с ней неприятеля. Статистические таблицы по аграрному вопросу, найденные при обыске у тов. Ленина, еще больше укрепили австрийские власти в этом подозрении: таблицы эти были приняты за «планы» или шифрованные записи.

пления застало его именно на таком отдыхе. И только убедившись в грандиозности событий, Ц.К. послал за В. И. товарища.

После июльских дней, как уже известно из целого ряда сообщений отдельных товарищей, В. И. и пишущий эти строки в течение почти трех недель прожили в небольшом шалаше (собственно, небольшая скирда сена) недалеко от Сестрорецка, на берегу так называемого Разлива. В статье тов. Н. Емельянова, тогдашнего радушного хозяина «беста» (статья эта помещена в петроградском журнале Истпарта «Красная Летопись» № 4), рассказано довольно подробно, как даже в таком положении В. И. буквально наслаждался отдыхом и старался использовать его целиком. Купания в Разливе были связаны тогда с порядочными опасностями. Кто припомнит тогдашнюю обстановку, когда в Петрограде, начиная от Керенского и Церетели и кончая последней уголовной собакой-ищейкой, все было занято розыском «германского шпиона» Ленина, — тот поймет, что мы не преувеличиваем. И, тем не менее, частенько желание погулять, поудить рыбу, побродить в Разливе брало верх у В. И. над соображениями опасности.

Из убежища на Разливе В. И., по решению руководящей группы Ц.К., отправился (со значительными опасностями) в Финляндию [1]).

Насколько мы знаем, в финляндском бесте В. И. находился в строжайшем уединении.

В течение пяти лет Советской власти, в особенности в первые 3 — 4 года ее существования, Владимиру Ильичу почти не пришлось отдыхать. Только нынешним летом, когда тяжелая болезнь захватила его своими тисками, тов. Ленин был запоздало «разгружен» от текущих дел. Да и то на последних свиданиях с В. И. становилось совершенно ясным, что он, «почти не читавший газет», каким-то образом, однако, знает о всех важных событиях и всегда во-время успевает дать совет «почти не-

---

[1]) В московских «Известиях», в статье, посвященной десятилетию «Правды», кто-то из товарищей, рассказывая об июльских событиях, напечатал неверное сообщение, будто бы в июльские дни тов. Ленин жил в Кронштадте, куда ему удалось спастись якобы переодевшись крестьянкой. Эта версия пошла гулять теперь по различным органам печати. Между тем, это сообщение абсолютно неверно. В. И. в июльские дни не было в Кронштадте, и ничего похожего на «переодевание», о котором сообщает упомянутый товарищ, в действительности не было.

осведомленного человека». — совет, который, однако, как нельзя лучше попадает в точку и поэтому принимается руководящими учреждениями партии.

В. И. после болезни и длительного отдыха в ближайшее время приступает к прежней работе. Еще и еще раз весь мир убедится в том, насколько лживы были злорадные «сведения» всего антисоветского лагеря, начиная от монархистов и кончая меньшевиками и эс-эрами. Те $1\frac{1}{2}$ — 2 недели в 1918 г., когда В. И., тяжело раненый членом партии эс-эров, боролся со смертью, сделало имя тов. Ленина в миллион раз ближе и роднее народным массам, чем оно было до тех пор. Тому, кто бывает на широких рабочих собраниях и теперь наблюдает, как простые беспартийные рабочие относятся к вопросу о болезни и отдыхе тов. Ленина, тому уже совершенно ясно: временная болезнь тов. Ленина и поднятая вокруг этого свистопляска всех контрреволюционных сил сделали тов. Ленина еще ближе и роднее народным массам, чем это было даже после ранения в 1918 г.

В каком жалком свете предстают перед каждым честным рабочим все эти мелкие людишки, все эти пигмеишки — Милюков, Чернов, Дан, Гессен и К°, — которые в течение всего лета 1922 г., нисколько не скрывая самых низменных чувств, на страницах своих газет злорадно гоготали по поводу мнимо-«безнадежного» физического состояния В. И. «Этим людишкам и невдомек, что своей «кампанией» по поводу болезни В. И. они отдавали косвенную дань тому великому историческому значению личности тов. Ленина для нашей страны и для всей мировой истории, которого они как раз и не хотят признать. Как смешны эти бывшие люди с их «тонкими» выкладками о «борьбе за власть», будто бы раздиравшей нашу партию во время болезни тов. Ленина. Как комичны ученые «медицинские» исследования П. Милюкова в передовых статьях его парижской газеты о физическом состоянии тов. Ленина, — того человека, кого такой зоологической ненавистью ненавидят эксплоататорские кучки и к кому с таким доверием и любовью относятся миллионы и миллионы трудящихся и эксплоатируемых во всем мире. Некоторые «сочинения» Милюкова, Дана и К° относительно болезни В. И. и всего связанного с нею, право, имеют все шансы перейти в качестве образчиков в юмористическую литературу наших дней. Геркулесовы столпы вранья всей мировой буржуазной прессы вокруг болезни тов. Ленина, пожалуй, затмят собою всю ту ложь,

которая распространялась относительно Советской власти за все пять лет ее существования.

Отдохнувший капитан возвращается на капитанский мостик. Волна новой бодрости пронизывает весь экипаж корабля. Без всякого преувеличения: не только вся наша партия, но и все, что есть лучшего в рабочем классе и крестьянстве вообще, с величайшей радостью встречает возвращение Владимира Ильича к практической работе. Облегченно вздохнут сознательные рабочие всего мира. Несколько новых проклятий сорвется с уст обозленной буржуазии и ее слуг, которых так жестоко «разочаровал» исход болезни тов. Ленина.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья была написана в 20-х числах сентября 1922 г.

ПЯТЬ ЛЕТ (1).

Сегодня исполняется пять лет со дня покушения на жизнь Владимира Ильича в Москве.

О первом покушении на жизнь Владимира Ильича стали совершенно позабывать. Сегодня уместно вспомнить и о нем.

1 января 1918 г., когда тов. Ленин только что отъехал от Михайловского манежа, где он выступал на митинге перед первыми отрядами социалистической армии, уезжавшими на фронт, автомобиль его был обстрелян сзади. Кузов автомобиля оказался простреленным навылет и продырявлен в нескольких местах. Сидевший вместе с тов. Лениным в автомобиле тов. Платтен был ранен в руку.

Это произошло в труднейшей обстановке начинавшей разгораться гражданской войны. На 5 января, т.-е. четырьмя днями позже, эс-эрами и меньшевиками была назначена пресловутая демонстрация в честь Учредительного Собрания. В те дни в Петрограде выходила еще легально буржуазная и эс-эровская печать. Эс-эровское «Дело Народа» в течение нескольких недель вело неприкрытую террористическую агитацию, устами Гоца «тонко» намекая на то, что следует «смертью смерть попрать». Нет никакого сомнения в том, что это первое покушение на Владимира Ильича фактически было инсценировано эс-эрами, и наглость их дошла до того, что на завтра после покушения «Дело Народа» с цинизмом писало об «инсценировке» покушения и намекало на то, что большевики сами устроили его.

В вихре событий первое покушение на Владимира Ильича вскоре было забыто.

30 августа 1918 г. эс-эры вновь стреляют в тов. Ленина. Гражданская война была уже в самом разгаре. Молодая и обстрелянная Красная армия дралась на нескольких фронтах. Екатеринбург был в руках белых, также и вся Украина, часть нашего севера и Волги.

Утром 30 августа 1918 года в Петрограде был убит М. С. Урицкий.

Вечером, того же дня, был тяжело ранен Владимир Ильич.

Первое телеграфное сообщение гласило о том, что тов. Ленин ранен в левую руку, но вскоре выяснилось, что дело не ограничивается левой рукой и что ранение гораздо серьезнее. Несколько

дней Владимир Ильич находился между жизнью и смертью. 6 сентября выяснилось, что Владимир Ильич будет жив.

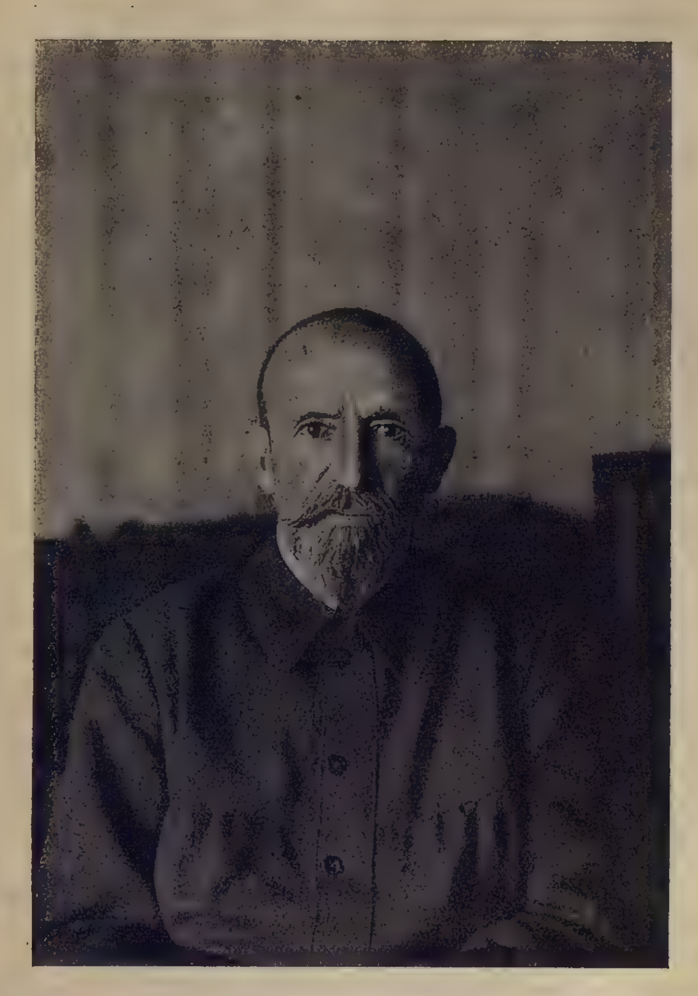
И какой же вздох облегчения вырвался у миллионов и миллионов рабочих! С затаенным дыханием миллионы людей ждали исхода борьбы Владимира Ильича с тяжким ранением. Уже и до этого времени Владимир Ильич был достаточно близок к широким кругам трудового населения нашей страны... Но за ту неделю, пока тяжело раненый он боролся со смертью, народ полюбил его еще много глубже и много сильнее.

Тов. Ленина,—говорил автор этих строк в заседании Петроградского Совета 6 сентября 1918 г.,—можно сравнить с Маратом, но ему судьба улыбнулась больше, чем Марату. Марат стал особенно дорог своему народу после смерти. Наш учитель тов. Ленин был на волосок от смерти. Он был достаточно дорог нашему народу и до покушения, но он стал в тысячу раз дороже рабочему классу теперь, после этого предательского покушения. Марат жил долго в глубинах своего народа после того как его физическая жизнь была пресечена, а Ленин будет долго жить не только в наших умах и сердцах, но и в наших рядах—для того, чтобы бороться вместе с нами и довести первую рабоче-социалистическую революцию до полного победного конца.

Пять лет прошло с тех пор. Они не то пролетели, как миг, не то тянулись целую вечность. За эти пять лет Владимир Ильич провел корабль революции через самые опасные места. Партия, организовавшая покушение на драгоценную для всего мирового пролетариата жизнь нашего учителя, рассыпалась в прах. Более жестокого возмездия за совершонное преступление трудно себе даже представить.

Некогда «самая сильная» партия в России ныне низведена до кучки нахлебников и прихлебателей империализма, шатающихся по министерским передним в Париже, Лондоне и Праге. Все, что было честного и пролетарского в партии эс-эров, ушло к нам.

Предательское покушение на жизнь тов. Ленина открыло глаза не малому числу рабочих и эс-эров на истинное положение вещей. Покушавшиеся на жизнь тов. Ленина вошли в историю заклейменными презрением и ненавистью, а тов. Ленин вывел нашу страну на широкую дорогу, создал Союз Советских Социалистических Республик и открыл новые пути человечеству.

Портрет тов. Аллилуева, у которого скрывался В. И. Ленин с 5 по 11 июля 1917 г.

Монбланом среди деятелей всемирного социализма назвал автор этих строк тов. Ленина в речи на заседании Петроградского Совета после первого покушения на жизнь Владимира Ильича.

Кто скажет теперь, что эта оценка не верна?

Понятие ленинизм стало синонимом понятия современный коммунизм. Гений Владимира Ильича жив не только в российском пролетариате, но и в пролетариате всего мира.

Наши дни замечательны тем, что уже повсюду слышится гром надвигающихся событий в Германии. Железная поступь поднимающегося на ноги германского пролетариата слышна по всему миру, заставляя учащенно биться сердца всех революционеров. Что же? Кто может сомневаться в том, что лучшие умы германского революционного движения будут действовать в надвигающейся грозе именно так, как учил всех нас тов. Ленин? Кто может сомневаться в том, что гений ленинизма окрасит собой тактику поднимающегося на решительную борьбу германского пролетариата?

Изучайте же Ленина—скажем мы еще и еще раз всем рабочим нашей страны, в особенности рабочим-коммунистам и, в первую голову, нашей молодежи. Ленинизм есть высшее достижение революционного марксизма в применении к эпохе непосредственной борьбы пролетариата за власть. Ленинизм есть то несравненное оружие в руках пролетариата, с помощью которого он будет непобедим. Ленинизм на целую историческую эпоху, как гигантский факел, будет освещать пути молодой фаланги пролетарской армии всего мира.

Ленинизм—величайшая броня против каких бы то ни было идейных шатаний и уклонов. Ленинизм—евангелие того мирового пролетариата, которому история предназначила быть могильщиком буржуазного общества.

Мы не знаем другого имени народного вождя во всей мировой истории, которое было бы таким близким, таким бесконечно дорогим, таким бесконечно родным массам, как имя тов. Ленина. Месяцы последней тяжкой болезни Владимира Ильича стоили великих тревог и горестных ожиданий миллионам рабочих не только в России, но и во всем мире. Улучшение в состоянии здоровья Владимира Ильича, о котором рабочие и крестьяне узнали в последние дни, вызовет глубокую и искреннюю радость во всем мире.

Пора, давно пора вождю вернуться к рулю.

Пять лет прошло со времени предательского выстрела в тов. Ленина. За эти годы идея ленинизма дала богатые всходы в пролетарской Европе и достигла своего кульминационного пункта в могучем движении коммунистического пролетариата Германии. Пройдет еще пять лет—и семя, брошенное великим сеятелем, взойдет во всем Востоке—там, где неслыханным страданиям обречены сотни миллионов людей и где в последнем счете решатся судьбы мировой пролетарской революции.

В нынешний день еще и еще раз вся любовь миллионов и миллионов пролетариев—В. И. Ленину, гению мировой пролетарской революции.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Пять лет»—статья из № 194 газеты «Петроградская Правда», от 30 августа 1923 г.

В. И. ЛЕНИН [1].

Краткий биографический очерк.

Тов. Ленину теперь пятьдесят три года.

Больше тридцати лет, самым живейшим образом, участвует он во всей революционной борьбе российского рабочего класса и международного пролетариата. Написать сколько-нибудь подробную его биографию — значит изложить историю двух русских революций, II Интернационала и борьбы его левого крыла против правого; это значит, далее, рассказать о возникновении III Интернационала, о создании нашего Советского государства, о его великих боях за существование и т. д., и т. д.

Деятельность тов. Ленина связана теснейшим образом со всеми делами и трудами нашей партии, недавно отпраздновавшей свой 25-летний юбилей. Но почти десять лет его работы относятся к тому времени, когда партии, как целой организации, еще не было.

В 1887 году семнадцатилетний Ленин был исключен из университета за участие в студенческих «беспорядках». В ту далекую от нас эпоху студенчество, являясь, на протяжении десятилетий, значительной революционной силой, часто выдвигало из своих рядов крупных деятелей за дело свободы. Все, принимавшие то или иное участие в движении 1905 года, помнят, что в то время учащаяся молодежь помогала рабочим, содействовала устройству их кружков и шла вместе с ними на демонстрации, подвергаясь избиению казаков, насильственной сдаче в солдаты и ссылке в Сибирь.

В те годы, когда борьба шла за буржуазный переворот, за низвержение царизма, а не за пролетарскую революцию, — студент-революционер был явлением самым обычным. Начало политической деятельности тов. Ленина связано, таким образом, именно с его пребыванием в университете. Он вышел из дворянской среды лишь формально, так как отец его был человеком труда, малоимущим работником, отдававшим все свои силы народному образованию. Старший брат тов. Ленина, Александр Ульянов, был казнен русским правительством за то, что он принимал участие в народовольческом движении, которое выдвинуло немало замечательных борцов, умевших подставлять свою грудь под царские пули в то время, когда рабочий класс еще спал в России беспробудным сном, когда страну жестоко давила свинцовая реакция самодержавия.

Но вот в городах начали появляться значительные группы рабочих, и выросшие в Петербурге, Москве и в других районах России фабрики и заводы заполнились промышленным пролетариатом. Тов. Ленин был одним из первых, кто понял революционное движение по-настоящему. Уже в то время он предвидел, что после того как рабочий класс сложится в городах в крупную силу, он поведет за собой крестьянство, которое, в качестве решающего фактора, примет участие в общей борьбе. Тов. Ленин первый понял, что все попытки отдельных революционеров-интеллигентов поднять крестьянство кончатся ничем, что только рабочий сможет найти действительный доступ в деревню, и что только промышленный пролетариат окажется в состоянии всколыхнуть миллионную массу крестьянского населения, с которым он связан множеством крепких нитей. И тов. Ленин сразу же, как только он сформировался политически, отдал все свое внимание рабочему классу. В его бездонных недрах, в глубине фабрично-заводских кварталов черпал он свою неистощимую энергию, там вдохновлялся он на борьбу и там же искал ту силу, которая должна была ниспровергнуть царизм.

Первые шаги революционной деятельности тов. Ленина среди рабочих относятся к Петербургу. Здесь, за Невской заставой, а впоследствии и в других районах, он начал выискивать отдельных более развитых и подготовленных людей, с целью выковать из них будущих вождей русского пролетариата. Здесь он встретился с петербургским рабочим тов. Шелгуновым, который жив и сейчас, но, к сожалению, давно ослеп, и с И. В. Бабушкиным, которого в 1905 году, во время победы контр-революции, отряд Ренненкампфа расстрелял в Сибири. Здесь же, вместе с покойным меньшевиком Мартовым и со многими другими, еще живыми до сих пор единомышленниками, как, например, с тов. Кржижановским, электрифицирующим ныне Россию, тов. Ленин сплотил воедино уже возникшие первые рабочие кружки, начавшие изучать теорию марксизма и заниматься самообразованием, чтобы понять все происходившее не только в нашей стране, но и во всем мире.

Вначале эти первые горсточки сорганизовавшихся рабочих были вполне мирными и чисто пропагандистскими ячейками; но обстановка в России была тогда такова, что уже через несколько месяцев эти созданные для невинной теоретической работы кружки превратились в маленькие рабочие штабы,

заменившие, к тому времени, и профсоюзы — в области руководства экономической борьбой, и партию — в деле руководства борьбой политической. Особенно скоро и живо это почувствовалось в первом отношении, ибо эти крохотные организации — в которых, благодаря тому, что они были малочисленны, тщательно подобраны и состояли из лучших тогдашних рабочих, царил дух подлинного братства — начали активно вмешиваться в экономическую жизнь фабрик и заводов.

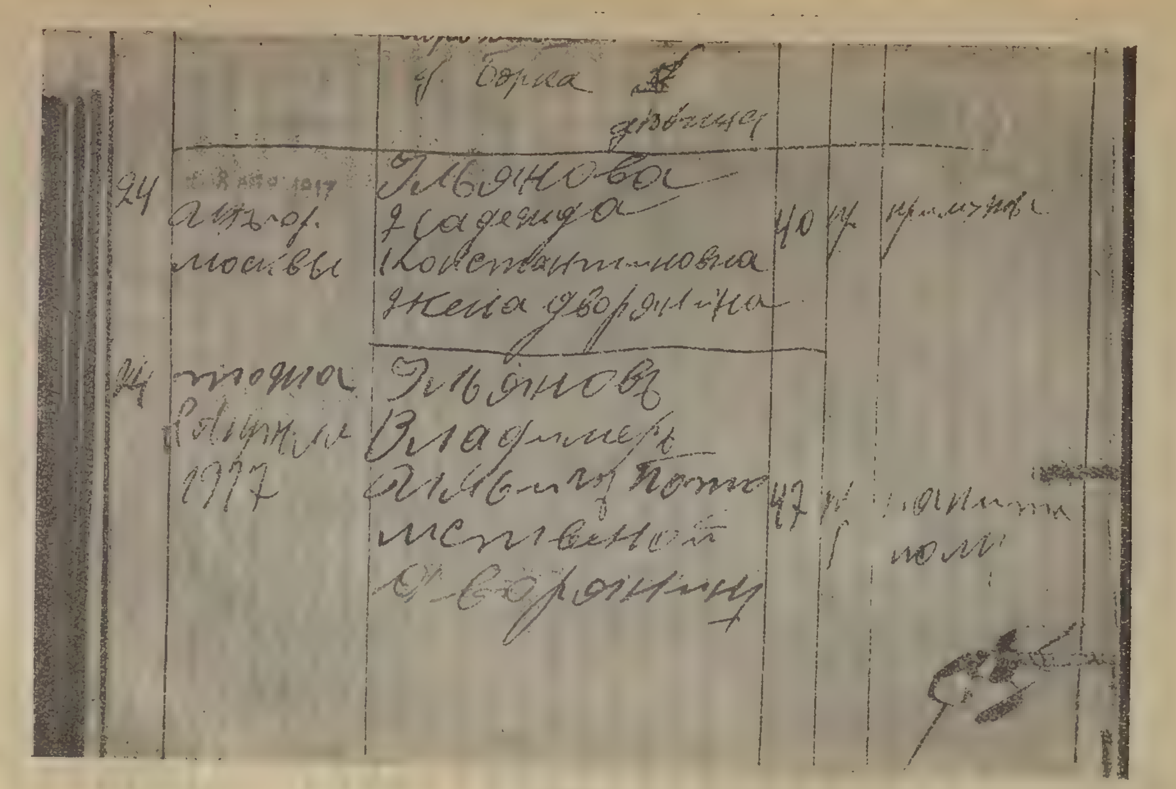
И мы видим, что первые литературные занятия тов. Ленина посвящены, действительно, самым простым повседневным вопросам. Это обстоятельство—весьма важная страничка в его биографии. Этот величайший, отметивший собою целую эпоху революционер начал свою литературную деятельность с самого скромного дела. Вместе с Бабушкиным, Шелгуновым и другими группировавшимися вокруг недавно народившейся социал-демократической организации рабочими, он принялся составлять и печатать на гектографе первые нелегальные листовки, посвященные экономическому быту заводов и фабрик. Только старые рабочие, стоящие у станков уже лет по тридцать, еще помнят условия прежней работы в промышленных предприятиях. Новое поколение наших рабочих, вступившее в трудовую жизнь с 1905 года, и не представляет себе, какой каторгой была работа на фабриках и заводах царской России в начале 1890-х годов. Вполне понятно поэтому, что первые рабочие кружки, объединившиеся вокруг тов. Ленина, пытались вызвать хотя бы самый элементарный протест рабочих против невыносимого фабрично-заводского ярма. И составленные в то время тов. Лениным листки именно об этом и говорят: об обращении инженеров и мастеров с рабочими — в особенности с работницами, над которыми в те дни издевались неслыханно,—о кипятке, о рабочем дне, о чрезмерных вычетах, о штрафах, словом, о вещах, которые кажутся нам теперь весьма и весьма второстепенными.

Но в то время это был единственный правильный подход к рабочим массам, единственная реальная возможность — вызвать в России к жизни рабочее движение, в истинном смысле этого слова. И тов. Ленин не ошибся: в ответ на его листовки на некоторых петербургских фабриках и заводах начались экономические стачки, очень скоро переходившие, по тогдашним условиям, в политические. Ибо в те годы, если рабочий, в том или другом предприятии, начинал «бунтовать», как тогда говорили,

то-есть требовать повышения заработной платы, сокращения вычетов, человеческого обращения, то фабрикант или, вернее, его управляющий сообщал о «бунте» градоначальнику, а тот посылал соответствующее число солдат или казаков для усмирения недовольных. Таким образом, — это необходимо еще раз повторить,—каждая сколько-нибудь крупная экономическая забастовка немедленно переходила в политическое событие, наглядно показывавшее рабочим Петербурга и других городов, что царское правительство—не что иное как исполнительный орган фабрикантов и заводчиков. И здесь, в этих мелких фактах экономической действительности, надо искать завязку тех великих боев, которые разыгрывались потом на протяжении десятилетий и привели к революции 1905, а затем и 1917 года.

В этот период своей деятельности тов. Ленин впервые попал в тюрьму. Но и в заключении он упорно, насколько это было возможно, продолжал начатое им дело, отсылая на волю, при помощи целого ряда конспиративных мер, свои листовки и письма к рабочим.

Своими более крупными теоретическими работами тов. Ленин начал заниматься в тюрьме и в Сибири, куда его отправили в ссылку. Здесь были написаны его наиболее значительные книги, как, например, его сочинение «Развитие капитализма в России», сыгравшее большую роль в деле создания русской рабочей партии. В этом труде тов. Ленин показал себя одновременно глубоким теоретиком и несравненным знатоком социальных и хозяйственных отношений нашей страны, а главное—обнаружил удивительное знание русской деревни. Со множеством цифр в руках, он изобразил, как в зеркале, не только тогдашнюю Россию, но и ту, какой она стала и должна была стать в течение ближайших десятилетий. Он показал путь, на который должны были выйти русская фабрично-заводская промышленность и сельское хозяйство, и, идя от одного вывода к другому, он утверждал, что рабочий класс в России превращается постепенно в огромную силу, что он должен, во что бы то ни стало, сложиться в определенную партию и, через своих передовых вождей, увлечь за собою, в решающий момент, крестьянство. И в этих положениях тов. Ленина—основа большевизма, который первый поставил, таким образом, на очередь вопрос о власти рабочего класса и поставил его не в отдаленном будущем, а как вопрос самого близкого времени.

24 | Ульянова Надежда Константиновна жена дворянина | 40

Ульянов Владимир Ильич потомственный дворянин | 47

Фотографический снимок с записи в домовой книге от 18 апреля 1917 года о Надежде Константиновне Крупской и Владимире Ильиче Ленине. (Левая сторона книги.)

В 1896 году тов. Ленин написал еще одну замечательную работу: «Задачи русских социал-демократов». (Как известно, до 1918 года мы все назывались «социал-демократами», пока это наименование не было опошлено, дискредитировано и замарано господами меньшевиками.) Эта книга является, в сущности, дополнением к вышеупомянутому труду «Развитие капитализма в России». Дело в том, что это сочинение вышло легально, и тов. Ленину, при царской цензуре, пришлось многого не договаривать, чтобы его книга могла увидеть свет. Работа же «Задачи русских социал-демократов» вышла нелегально заграницей, и в ней автор досказал то, о чем он умолчал тогда. На этот раз тов. Ленин поставил во весь рост вопрос о роли рабочего класса, как гегемона, как основной силы в революции, как главного избавителя нашей страны от ига самодержавия и ярма буржуазии.

После трех лет пребывания в ссылке тов. Ленин созвал во Пскове нелегальную партийную конференцию. Она была очень малочисленна: в ней участвовала, буквально, горсточка людей — человек десять, не больше. Это совещание решило, что тов. Ленин, вместе с Мартовым и Потресовым, уедут заграницу, чтобы там, совместно с Плехановым, уже жившим там, примерно, с 1884 года, основать первую значительную революционную рабочую газету — «Искру». Задание это было выполнено. Только самые старые работники революционного движения помнят эту газету. А между тем, в нашем идейном обиходе еще очень много осталось из того, что впервые вспыхнуло в наших умах благодаря «Искре». Это была первая революционная газета рабочих, смотревшая на пролетариат, как на главную революционную силу, как на восходящий класс, который должен будет и, в решительный момент, сможет низвергнуть буржуазию.

«Искра» сыграла огромную роль в истории революционного движения в России. Целое тогдашнее поколение рабочих называло себя по имени этой газеты «искровцами» или «искряками», подобно тому как впоследствии, в 1911—1914 годах, «Правда» и «Звезда» подняли целое поколение рабочих, называвшее себя «правдистами». Развивая постепенно свою деятельность, «искровцы» начали учреждать в каждом городе свои комитеты. Эти комитеты, которые до первого съезда партии, собравшегося в 1898 году, назывались «союзами борьбы за освобождение рабочего класса», покрыли сетью почти всю Россию. Первый такой

союз стал действовать, в конце 1890-х годов, в Петербурге, а потом такие же союзы появились в Москве, в Киеве, на Урале и в центральной, промышленной, части России...

Летом 1903 года, когда рабочее движение в России разлилось широкой волной, когда южные губернии (Одесса, Ростов) потрясали могучие стачки, собрался второй съезд нашей партии. Фактически этот съезд был первым, потому что на нем впервые нам удалось собрать представителей нашей организации со всей страны. Съезд этот происходил заграницей, ибо созвать его в России было невозможно. Начался он в Брюсселе и закончился в Лондоне. На этом съезде окончательно сложилось большевистское направление и произошел первый раскол между большевиками и меньшевиками. До тех пор мы работали с ними в одной партии, и только к тому времени, когда дело подошло почти вплотную к событиям 1905 года, — ибо летом 1903 года все чувствовали, что революция грядет, что она — вопрос недалекого будущего, — только к тому времени на этом съезде впервые наметилось расхождение между большевиками и меньшевиками. Тов. Ленин стал во главе того крыла, из которого впоследствии вышел большевизм.

Революция 1905 года застала тов. Ленина все еще заграницей, где он издавал, как уже сказано, сначала «Искру», а после раскола с меньшевиками — газету «Вперед». В это время он уже занял такое выдающееся положение в революционном движении, что все сколько - нибудь крупные деятели последнего приезжали к нему, иногда с другого конца света, чтобы только с ним посоветоваться. К началу 1905 года эти поездки русских революционеров к тов. Ленину приняли характер настоящего паломничества. Все наиболее выдающиеся деятели Петербурга, Москвы и других городов России шли на величайшие жертвы, чтобы только попасть к тов. Ленину. А он, со своей стороны, делал, разумеется, все возможное, чтобы таких свиданий было как можно больше. После январских событий Гапон тоже попал заграницу, и первая его встреча здесь с представителями революционных партий была с тов. Лениным. Последний относился с величайшим вниманием именно к таким революционерам, которые выдвигались снизу. В то время казалось, на первых порах, что Гапон — какая-то новая, свежая фигура, не прошедшая партийной школы, а поднявшаяся снизу и вскинутая могучим порывом на гребень революционной волны. И вот тов. Ленин усердно

учил Гапона азбуке марксизма — революционной борьбе. Он понимал, что имел перед собой человека, только что взмытого кверху рабочим шквалом, но лишенного всякого образования, всякого понимания сущности революционного движения. И несмотря на то, что уже тогда многие отшатнулись от Гапона и махнули на него рукой, тов. Ленин продолжал с ним встречаться, надеясь, что, может быть, удастся этого поднявшегося снизу человека сделать полезным для рабочего класса. Только впоследствии, когда окончательно выяснилась провокаторская роль Гапона, тов. Ленин порвал с ним бесповоротно.

В течение русско-японской войны, с самого ее начала, тов. Ленин занял последовательную интернационалистическую позицию. Бунт в Черноморском флоте, восстание на «Потемкине», приезд первых спасшихся моряков-революционеров с этого броненосца и появление их у тов. Ленина — все эти события были для него величайшими праздниками, ибо он видел уже воочию, что революционное движение в России входило в решающую фазу, и что оно развивалось неуклонно и даже бурно, раз смогло захватить флот и часть армии.

Нечего и говорить о том, что первые известия о революции 1905 года немедленно же заставили тов. Ленина бросить все и поспешить в Петербург. Он приехал в столицу в самый разгар движения, когда уже действовал первый Совет Рабочих Депутатов. Тов. Ленин был здесь в то время еще нелегально, ибо все мы чувствовали, что победа революции непрочна. Он не выступал слишком открыто и говорил мало, но, несмотря на это, только он, а не кто-либо другой, был уже тогда фактическим руководителем революционного авангарда в Петербурге, а через тогдашний Петербургский Совет — и всего рабочего класса. Тов. Ленин чаще всего сидел тогда на хорах Вольно-Экономического Общества, где собирался первый Совет Рабочих Депутатов. Ни одной речи в этом Совете он не произнес. Он, главным образом, слушал, ибо то были дни, когда, прежде всего, надо было уметь слушать и понять нового рабочего, который только что поднялся во весь рост и показал — чем он стал. И тов. Ленин, превращаясь весь в слух, сидел на хорах Вольно-Экономического Общества и жадно внимал каждому рабочему и работнице, которые поднимались на трибуну и, впервые в царской России, открыто говорили обо всех накопившихся в душе рабочего класса страданиях.

Как известно, первый Петербургский Совет Рабочих Депутатов был недолговечен. Он собирался арестовать Витте, но тот успел раньше арестовать его.

В декабре 1905 года вспыхнуло восстание рабочих в Москве. Это было первое пролетарское вооруженное движение в массовом масштабе, и движением этим руководила наша партия: среди боевых дружин, сражавшихся тогда с царскими бандами на Пресне и в других районах Москвы, громадное большинство принадлежало большевикам, а во главе всего движения находился член их Центрального Комитета.

Как раз незадолго до Пресненского восстания тов. Ленин приехал из Петербурга в Москву, где он жил тоже нелегально. Московское движение было разбито и потоплено в крови рабочих, после чего началась реакционная свистопляска, заработали военно-полевые суды и понеслись карательные экспедиции по всем линиям железных дорог, начиная от московского узла и почти до самой Сибири.

В связи с разгромом Петербургского Совета Рабочих Депутатов и первого вооруженного восстания московского пролетариата, спор между большевиками и меньшевиками сильно обострился. Последние сразу же обнаружили всю свою сущность, поставив, при первой же неудаче рабочего класса, под знак вопроса всю его революционную борьбу. Даже такой крупный деятель, как Плеханов, и тот, после московских событий, не нашел других слов, кроме такой фразы: «Ну, что же, не надо было браться за оружие. Я вас предупреждал!» Меньшевики стали пересматривать всю тактику рабочего класса. Они считали деятельность первого Совета Рабочих Депутатов ошибкой и утверждали, что рабочие зарвались в своих требованиях, оттолкнувших от них разумную оппозицию буржуазии и рассоривших их с раскинувшимся тогда по всей России Союзом Союзов, состоявшим из инженеров, техников, врачей и некоторых других категорий революционной интеллигенции. Они полагали также, что весь конец 1905 года был со стороны рабочих сплошным заблуждением; это было, как они тогда выражались, «безумие стихии»: рабочие потеряли голову и понеслись вскачь, не понимая, что их разобьют.

В этих спорах великая роль тов. Ленина сказалась с особенной силой. Конечно, если бы движение шло от одной победы к другой, тогда меньшевики остались бы, вероятно, с рабочим классом. Но истинные вожди познаются не тогда, когда все идет хорошо

Фотографический снимок с записи в домовой книге от 18 апреля 1917 г. о Надежде Константиновне Крупской и Владимире Ильиче Ленине. (Правая сторона книги.)

и гладко. Когда московские рабочие потерпели поражение, Петербургский Совет был арестован и отведен на Шпалерную, а рабочее движение разгромлено, тогда править по нем панихиду собрались именно пресловутые либералы из Союза Союзов. Они думали, что песенка рабочего класса спета, и что все сведется к конституционной монархии. Вот в этот исключительный момент и был необходим человек, который сказал бы рабочему классу, что его поражение — временное, что он в нем только еще больше закалился, и что наступит день, когда, собравшись с новыми силами, пролетариат всетаки победит своих врагов и выведет страну на широкую дорогу. И такой человек нашелся: это был тов. Ленин, голос которого зазвучал на всю Россию.

Тов. Ленин отнесся к московскому восстанию в декабре 1905 г. как к событию величайшей исторической важности. Еще в пылу борьбы, под гром выстрелов, тов. Ленин начал подбирать все решительно факты и сведения, имевшие отношение к этому движению, чтобы тщательно его изучить, и принялся разыскивать уцелевших боевиков, от которых можно было бы узнать малейшие подробности этого великого уличного боя. Тов. Ленин утверждал тогда, что московское восстание 1905 года имеет не меньшее историческое значение, чем выступление парижских коммунаров в 1871 году. Впервые, — говорил он, — русские рабочие, бывшие так долго рабами, представлявшие собою инертную, неграмотную массу, решились (и где же? — в первопрестольной столице, в богатой купеческой Москве) выйти на улицу, бросить вызов самодержавию и драться несколько дней с переменным успехом против тогдашней могучей царской армии. Впервые угнетенный рабочий класс решился принять бой. Его разбили, но это — одно из тех поражений, которое стоит многих побед.

Вскоре движение начало вновь уходить в подполье. Тов. Ленин оставался в Петербурге нелегально. В 1906 году партия заставила его переехать в Финляндию. Последняя входила тогда в состав бывшей русской империи, но пользовалась известными политическими свободами, которые царское правительство вынуждено было там терпеть. И вот, верстах в пятидесяти от Петербурга, на станции Куоккала, а затем — в Перкиярви, тов. Ленин разбил свой шатер, устроив свой революционный штаб, и сюда находили себе дорогу десятки и сотни лучших рабочих Питера и Москвы. То паломничество, которое наблюдалось сначала в Женеву, происходило теперь под боком у столицы.

Больше всего приезжало рабочих по субботам и воскресным дням, когда они заполняли целые поезда. На вокзале им приходилось проходить через строй сыщиков, но это было во время первой Государственной Думы, и царизм не решался бросаться на нас открыто. Можно поистине сказать, что в те дни нерв политической жизни Петербурга и русского рабочего движения бился в этой маленькой дачке в Куоккале и в крохотном домике на берегу моря, в Териоках. И здесь сотни рабочих, чьи имена известны ныне всей России, жизнью которой они теперь руководят — кто в профсоюзах, кто в деле советского строительства,— здесь сотни рабочих в 1906 году учились у тов. Ленина в самом непосредственном смысле этого слова и политически формировались под его влиянием. Достаточно назвать таких людей, как товарищи Калинин, Томский и ряд других, стоящих ныне во главе наших крупнейших организаций и даже целых областей нашей республики. В то время все они, эти сравнительно молодые петербургские рабочие, ходили в школу тов. Ленина в Куоккале и в Териоках и, под его непосредственным руководством, вели работу в Петербурге.

В 1906—1907 годах вся борьба между большевиками и меньшевиками шла на почве следующего спора. Меньшевики говорили: «Мы разбиты. Наше дело проиграно. Теперь нам остается только устроить как-нибудь легальную социал-демократическую партию, — такую же, как в Германии или в других странах. Революции больше не будет. Столыпинская Россия победила нас не на месяц, а на много лет». Большевики стояли на иной позиции. «Да, — возражали они, — мы переживаем тяжелый кризис, но революция не кончена. Пройдет год, два и она снова наступит. Наше дело — использовать время контр-революции, наступающий период затишья — на учебу, на формирование нашей партии, на сплочение наших рядов, на привлечение к нам смелых и мужественных рабочих, способных под ударами царского самодержавия подготовиться ко второй революции, которая неизбежна».

И исходя из этой мысли — что надо запастись терпением и ждать, — партия снова отправила тов. Ленина заграницу, так как пребывание в Финляндии стало для него небезопасным: было установлено, что царские опричники не раз рыскали вокруг дома, где он жил. Заграницей тов. Ленин приступил к изданию газеты «Пролетарий», которая продолжала ту же работу, которую раньше вела «Искра». А нелегальная организация большевиков ушла,

тем временем, поглубже в подполье, зарылась в нем, как крот, и стала действовать еще конспиративнее и осторожнее. Это время было для нас самым тяжелым. Тот, кто его не пережил, лишь с трудом представит себе настроение, охватившее рабочих в 1908 — 9 — 10 годах. Казалось, что необъятная каменная плита навалилась на грудь русских трудящихся масс и что гнету самодержавия не будет конца. Столыпин уставил всю Россию длинными рядами виселиц, истребив все, что было смелого и решительного в рабочем классе. Тюрьмы, социальный состав населения которых резко изменился, были забиты теперь рабочими, а также крестьянами, уже поднимавшими свои первые восстания.

Значительная часть интеллигенции перешла в черный лагерь или ударилась в порнографию. Студенты, выступавшие раньше вместе с рабочими и помогавшие им, взялись теперь за грязные книжонки, в роде арцыбашевского «Санина». Эта метаморфоза была ярким знамением времени. Так называемый интеллигент рассуждал так: «Рабочий класс разбит, и глупо мечтать о его победе; он останется навеки наемным рабом, и незачем связывать с ним свою судьбу. Рабочий тонет, — ну, и пусть: туда ему и дорога; а мы займемся чем-нибудь поинтереснее: уйдем в искусство». И все студенчество, шедшее раньше с пролетариатом, вся так называемая интеллигенция — распинала его и издевалась над ним. К этой травле присоединилась и значительная часть тогдашней печати и литературы. Рабочие кружки страшно поредели, многие совсем растаяли, и только самые закаленные и верные своему делу пролетарии еще не теряли мужества, инстинктивно чувствуя, что сегодняшнее поражение есть завтрашняя победа. Заграницей, где мы находились тогда, по поручению партии, в эмиграции, меньшевики без конца над нами смеялись, называли нас Дон-Кихотами. уверяя, что у нас, большевиков, единомышленников ровно полтора человека, что за нами никто не идет и никогда не пойдет. Рабочий класс, — торжествующе заканчивали наши противники,—спит беспробудным сном и, может быть, лет через десять или двадцать он создаст легальную и вполне мирную с.-д. партию, да и это еще неизвестно.

В те годы безвременья роль и деятельность тов. Ленина были поистине необъятны. Он вел, с одной стороны, работу теоретическую, а с другой — практическую.

Первая заключалась в том, что, сидя в библиотеке, он трудился по пятнадцати часов в сутки, отражая почти один,

в литературной форме, удары и нападения, сыпавшиеся на учение Маркса из лагеря меньшевиков и из недр литературной буржуазной братии. И работа эта была крайне важна, потому что в жизни человечества литература кое-что да значит, особенно в такой момент, как тогда, когда, после поражения, множество перьев скрипело против учения Маркса, стараясь подточить его идеи. В такой момент был необходим человек, который, как Маркс в свое время, отбивал бы все атаки и выпады. И опять такой человек нашелся, и опять это был — тов. Ленин. Защищая свою позицию, он написал ряд книг, являющихся ныне настольными для каждого мыслящего и сознательного пролетария. Он бился направо и налево со всеми врагами рабочего класса, отражая их удары со стороны философской, социологической, экономической и т. д.

Практическая работа тов. Ленина состояла в том, что в годы столыпинского засилья, во мгле черной и беспросветной реакции, он подбирал по кусочкам все то, что еще уцелело от поражения, — тех рабочих, которые не были перебиты и не гнили в тюрьмах, — подбирал и собирал их, чтобы снова под огнем неприятеля создавать будущий опорный пункт рабочего класса. В эту работу, очень тяжелую, тов. Ленин вкладывал всю свою душу. Он был способен неделями заниматься с одним рабочим, попадавшим в круг его влияния, если только этот ученик подавал хоть какую-нибудь надежду, если он имел хоть искру таланта, чтобы стать потом руководителем своего класса.

Среди этих занятий — теоретических и практических — наступили 1911—1912 годы, когда обнаружились первые признаки нового оживления: события на Лене, разбудившие рабочих Петербурга и других городов. В это время, впервые после поражения 1905 года, нам удалось поставить в Петербурге легальную газету «Звезда», которая выходила сначала по мере возможности, потом раз в неделю, а затем — два. Впоследствии из нее родилась «Правда». Многие еще помнят эти газеты, как и то ошеломляющее впечатление, которое произвели первые номера «Звезды», буквально встряхнувшие целую группу рабочих. Издание этих газет было сопряжено с огромными трудностями. Мы начали дело, не имея для него необходимых работников. Доходило до того, что нельзя было найти ни за какие деньги корректора: никто не хотел итти. Только сын депутата Полетаева, пятнадцатилетний гимназист, оказался единственным смельчаком - интеллигентом в нашей среде, реши-

вшимся взять на себя корректуру «Звезды», а затем и «Правды». Со средствами было не лучше. Газеты выходили на гроши, которые рабочие и работницы Петербурга собирали по копеечкам, в буквальном смысле этого слова. И тов. Ленин, живший тогда в Галиции, недалеко от русской границы, чтобы быть поближе к месту действия, каждой такой копеечке чрезвычайно радовался, ибо она служила ему лучшим доказательством того, как росло и крепло наше влияние. Он сидел со счетами в руках, подсчитывал число рабочих групп, внесших деньги на «Правду», и говорил: «Еще прибавилось. Нас стало больше». Царизм чинил нашей газете всяческие препятствия. Несколько раз ее конфисковывали, арестовывали наших сотрудников и разносчиков, но «Правда», тем не менее, все росла и увеличивала свое влияние.

В результате, когда, много позднее, мы созвали в Праге нелегальную конференцию без меньшевиков, зная, что они нам не попутчики, то на ней было представлено целое поколение новых рабочих, которые выросли и созрели в годы контр-революции и вместе с которыми мы стали строить нашу партию по-новому.

На выборах в Государственную Думу, имея на своей стороне всех рабочих, мы, несмотря на все ухищрения царского избирательного закона, провели от рабочей курии на все шесть депутатских мест — большевиков. Среди этих депутатов были Бадаев и обманувший нас провокатор Малиновский, который пролез к нам в доверие и, при нашей помощи, прошел в Думу.

События развивались бурно. Летом 1914 года, еще до войны, в Петербурге появились первые баррикады. Казалось, что грядет вторая революция, но в это время вспыхнула империалистическая война и сразу перерезала путь нараставшей революции. Петербургские рабочие и работницы выступили вначале против мировой бойни, но осадное положение разгромило революционную часть пролетариата, которая должна была сдаться и уйти в подполье. Рабочие депутаты Государственной Думы, ближайшие ученики тов. Ленина, для которых он писал речи и которых учил, как выступать на парламентской трибуне, были арестованы и сосланы на каторгу. «Правду» закрыли. Опять повеяло кладбищем, и снова русские рабочие-большевики, созревшие в период «Правды», были разогнаны и развеяны по тюрьмам и ссылкам. Опять наступило для партии исключительно тяжелое время.

Тем временем тов. Ленин, с очень небольшой группой своих соратников и учеников, продолжал заграницей свою работу. Он издавал там центральный орган нашей партии и вел борьбу против войны не только в русском масштабе, но и в международном. Он написал тогда ряд блестящих статей, которые вошли в известный сборник «Против течения»; статьи эти были направлены не только против русских меньшевиков, но и против всего международного меньшевизма, ибо весь II Интернационал переживал тогда повальное увлечение мировой бойней. Только горсточка людей, с тов. Лениным во главе, выступила, с первого же момента, против войны и приняла бой со всем II Интернационалом. Последний был в то время громадной силой, насчитывая до двадцати пяти миллионов организованных рабочих. Тов. Ленину пришлось взять на себя руководство движением против войны, против международного меньшевизма, поддерживавшего мировую буржуазию. Это был эпический по своему характеру литературный бой, имевший громадное историческое значение для судеб рабочего класса. В течение всей войны тов. Ленин был единственным вождем, до конца защищавшим интернационалистическую позицию. С первого же момента он выступил так называемым «пораженцем», то-есть имел смелость сказать, что для русского пролетариата выгоднее, чтобы самодержавная Россия потерпела в этой войне поражение, ибо разгром царского правительства будет победой революции. В ответ на это ему кричали: «Изменник! Он продает Россию! Он хочет, чтобы немцы расстреливали русских солдат!» Трудно себе представить атмосферу тех дней, когда буквально рвали на части человека, имевшего мужество сказать слово против войны. Его объявляли изменником и шпионом, на него натравливали рабочие и солдатские массы. Тем не менее, в течение всех тяжелых лет, с 1914 года по 1917, тов. Ленин высоко держал красное знамя, не уставая провозглашать идею создания III Интернационала. И брошенные им зерна дали богатые всходы.

Грянула Февральская революция. Тов. Ленин устремился в Россию. Но международная буржуазия не хотела его туда пускать, прекрасно сознавая, что если он появится в России, то станет главой русского революционного рабочего класса. И вот, Милюков (он был тогда министром иностранных дел) вошел в соглашение с английским и французским правительствами, чтобы не пропускать ни тов. Ленина, ни кого-либо из нас в Россию. Надо было

что-нибудь придумать, не останавливаясь даже перед авантюрой. Тогда, в одну из бессонных ночей, тов. Ленин решил пробраться, вместе с нами, через Швецию, со шведскими паспортами. Уже были заказаны все необходимые документы, когда человек, занимавшийся этим делом, вдруг спросил нас: «А вы знаете по-шведски?» Пришлось сознаться, что мы не понимали ни одного шведского слова. Но тов. Ленин и тут нашелся. Он сказал: «Мы разыграем роль глухонемых». Однако, нам на это ответили, что этот «номер не пройдет». Наконец, после долгих и бесплодных стараний найти путь в Россию тов. Ленин выдвинул очень рискованный, но единственно остававшийся нам выход — поехать через Германию, с которою русское правительство находилось тогда в войне.

Мы очень хорошо понимали, какую травлю поднимут против нас, если мы поедем через вражескую страну. Но ничего другого нам не оставалось. Мы столковались с германскими коммунистами, сторонниками Карла Либкнехта, вызвали коммунистов французских, швейцарских и шведских и, составив вместе с ними протокол, чтобы оправдаться перед международным рабочим классом, мнение которого для нас было крайне важно, решили проехать через Германию, если только правительство кайзера нас пропустит. Оно нас пропустило. Немцы полагали, что им будет выгодно, если большевики появятся в России. (Как известно, они потом пожалели о своей уступчивости.) Между ними и русскими шла бешеная схватка, и им казалось, что все, способное ослабить царское правительство, пойдет им на пользу. Они не заглядывали слишком далеко: им был важен лишь сегодняшний день. В конечном счете, нам подали к швейцарской границе знаменитый «запломбированный» вагон; кстати сказать, он был довольно грязен и оккупирован целой армией клопов, хотя тогда писали, что он был обставлен роскошно. Но мы были бесконечно рады и такому вагону со всеми его прелестями. Нас запломбировали. С нами поехало в Россию несколько товарищей швейцарцев. В пути с нами пытались повидаться немецкие социал-демократы. Но тов. Ленин велел передать им, что если они не желают получить оскорбление действием, то пусть лучше не входят в наш вагон. «Мы пользуемся услугами вашего правительства по причинам, которые известны всему миру, и с вами, социал-демократами, нам разговаривать не о чем», — сказал он им.

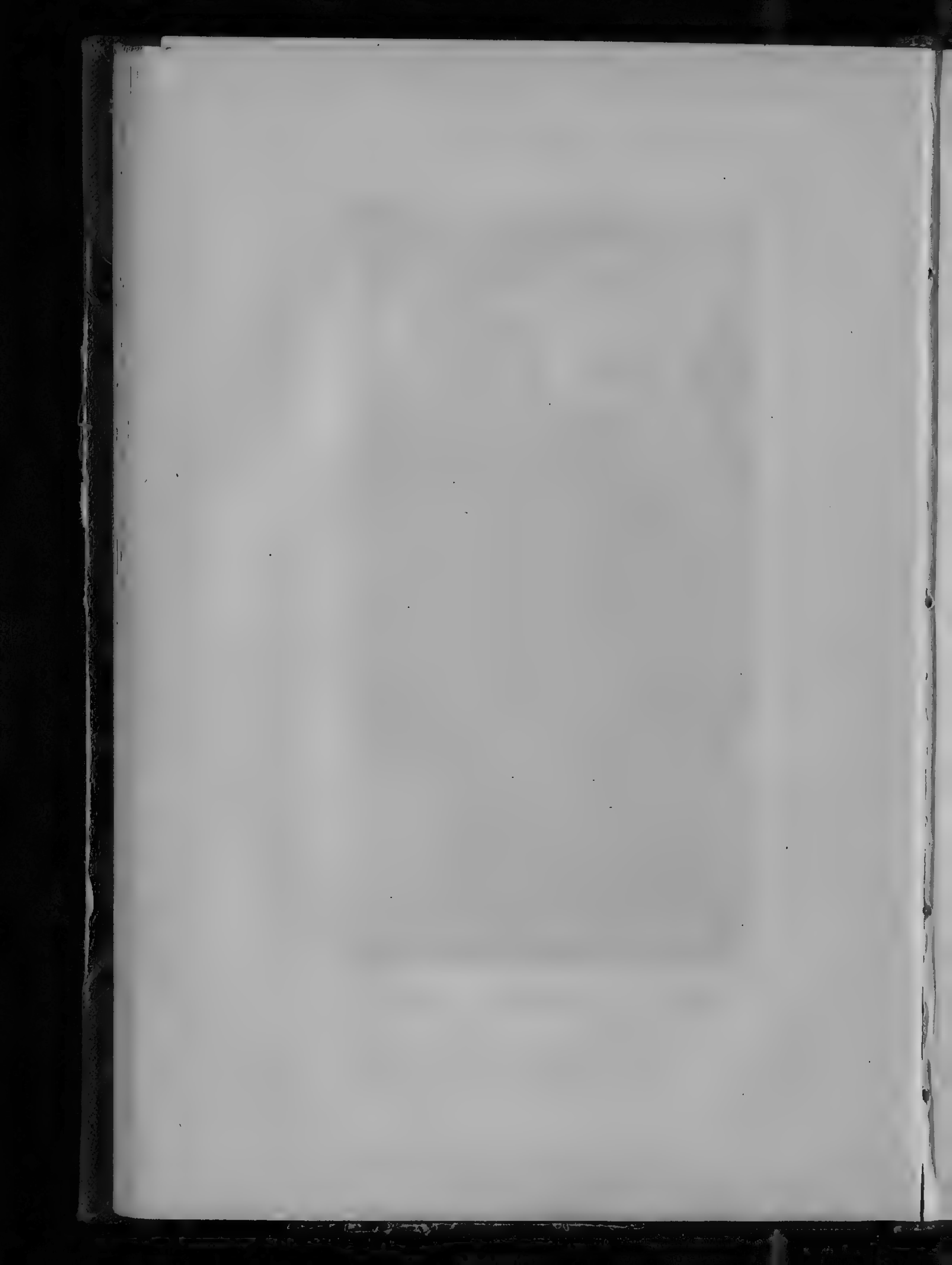
Наконец, мы прибыли на финляндскую границу. Всю дорогу тов. Ленин говорил нам: «Мы едем прямо в тюрьму». Он был

уверен, что в Петрограде все мы будем арестованы буржуазным временным правительством, которое будет нас судить, как государственных изменников. Но каково было наше удивление, когда, подъезжая к Белоострову, мы увидели первые группы революционных рабочих, встретивших нас с величайшим восторгом. А когда наш поезд подошел к дебаркадеру Финляндского вокзала, то тов. Ленин не только не был отправлен в тюрьму, а стал предметом бурной овации со стороны петроградского рабочего класса. Но тов. Ленин никогда не принадлежал к числу особенно доверчивых людей, и торжественная встреча не поколебала его прежнего пессимизма. Почти каждый вечер он говорил: «Ну, сегодня нас не посадили,—значит, посадят завтра». И дело пошло, действительно, так, что скоро против нас началась травля во всей белогвардейской печати, яростно на нас нападавшей за то, что мы приехали в запломбированном вагоне. Нас вызвали в Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, который тогда был меньшевистским. Здесь, заставив нас прождать три часа, Чхеидзе и иже с ним, покончив со своими важными делами, стали у нас выпытывать, как это случилось, что мы проехали через Германию. Но мы, вместо того, чтобы признать себя обвиняемыми, заговорили как обвинители, и эти господа увидели, что приходится поменяться ролями. Кончилось дело тем, что меньшевистский Исполком вынес резолюцию, оправдывавшую нашу поездку через Германию, и был вынужден напечатать в своих «Известиях», что нападки на нас ни на чем не основаны.

Дальнейший ход событий известен. Петроград разделился в ту пору на два лагеря: один стоял за большевиков, а другой бешено с нами боролся. Всем еще памятны, вероятно, направленные против нашей партии демонстрации, когда были мобилизованы, в первую очередь, несчастные инвалиды, которым поручили выражать патриотический народный гнев. К нашей редакции на Мойке, где мы ютились в нескольких комнатках, шли толпы буржуазных манифестантов, бросавших камни в наши окна и угрожавших нам револьверами. Помню, как однажды меня с тов. Лениным попросили уйти из редакции, чтобы спрятаться где-нибудь подальше. Мы отправились в конец Невского проспекта в одно учреждение, где служил один из наших товарищей — Данский. Старая работница, снимавшая пальто с тов. Ленина, сказала ему: «Эх, если бы этот Ленин попался мне

В. И. Ленин на похоронах тов. Елизарова.

в руки, я бы ему показала!» Тов. Ленин, воспользовавшись моментом, постарался выяснить, почему она так на него зла, и что он сделал ей плохого. В результате, они расстались друзьями. Надо сказать, что в то время очень многие честные труженики, в особенности в Петрограде, были уверены, что мы — злейшие враги России. Многие помнят, вероятно, первые собрания в Измайловском полку, в Ротах, когда люди делились на две живые стены, одна против другой, при чем бо́льшая, руководимая офицерами, вытаскивала револьверы и готова была в любую минуту нас уложить. Очень часто можно было слышать в то лето и пожелания, чтобы нас выкупали в Фонтанке. И во всех этих проявлениях вражды нередко участвовали значительные группы рабочих.

Наступили Июльские дни, когда роль тов. Ленина проявилась во всем своем исполинском размере, а потом — подполье при Керенском, когда Владимиру Ильичу пришлось провести некоторое время на станции «Разлив». Затем он опять уехал в Финляндию, откуда партия разрешила ему вернуться только в октябре. Таким образом, начиная с 1900-х годов, когда он работал в маленьких кружках, печатая на гектографе листовки о кипятке, тов. Ленин привел постепенно рабочий класс к 7-му ноября, к Октябрьской революции, к тому моменту, когда он, от имени пролетариата, при величайшем энтузиазме 2-го Съезда Советов и при неслыханном воодушевлении многомиллионной массы рабочих, крестьян и солдат, писал уже не о горячей воде на фабриках, а составлял всемирно известный документ — декрет о земле и мире, за которым последовал целый ряд других, ставших скрижалями всех трудящихся.

Роль тов. Ленина, начиная с Октября, достаточно известна, и останавливаться на ней нет надобности. Он был в те дни мозгом рабоче-крестьянской России, ее пламенным сердцем и твердой, надежной рукой. С Октября тов. Ленин превращается из подпольного работника в первого в России и во всем мире государственного деятеля. Но эта метаморфоза нисколько не меняет его, как человека. Он продолжает, как и раньше, ту же самую работу и, как истинный и старый революционер, жизнь которого принадлежит рабочему классу, он живет и теперь в тех же скромных условиях, как и тогда, когда он был руководителем небольшой группы рабочих.

Когда, на 2-м Съезде Советов, власть перешла в руки нашей партии, мы тотчас же приняли земельную программу, основанную

на наказах крестьян. И в этом деле тов. Ленину принадлежит большая заслуга потому, что, умея, как никто другой, проникать в глубину крестьянской души, он сумел занять в аграрном вопросе позицию, быстро приблизившую нас к деревне. Эс-эры говорили, что тов. Ленин их обокрал, взяв у них их земельную программу. Но он, в ответ на это, возражал: «Вся разница тут в том, что вы, эс-эры, эту программу только изобразили на бумаге, а на деле вы и ваш министр Авксентьев расстреливали крестьянские комитеты. Мы же эту программу, составленную нами, рабочим классом, совместно с хлебопашцами, взяли для того, чтобы претворить ее в жизнь, а не для того, чтобы махать ею перед носом крестьян и кормить их завтраками об Учредительном Собрании. Эта программа — наш взаимный договор с крестьянством, и мы выполним его до конца».

Переходя к дальнейшей деятельности тов. Ленина, надо вспомнить первые годы нашей революции, когда она шла по тяжелому крестному пути. Надо вспомнить самый тревожный момент: начало 1918 года, появление первых германских аэропланов над Петроградом, взятие Пскова немцами, нашу попытку организовать вооруженный отпор в то время, когда красногвардейцы не знали еще, как держать винтовку. Надо вспомнить и тот знаменательный вечер, когда мы дали из Смольного гудок по всем фабрикам и заводам Петрограда, призывая рабочих строиться в боевые колонны и итти против немцев, и то трудное время, когда пришлось итти на Брестский мир, а на заводах рыскали меньшевики и эс-эры, обвиняя нас в том, что мы продались иноземному врагу, торгуем Россией и вывозим русское золото в Германию. Надо вспомнить все эти тревожные дни, все эти тяжелые переломные моменты, чтобы уяснить себе, что не будь тогда тов. Ленина — неизвестно, что было бы с нашей революцией. В такое время был необходим именно такой человек: с железной волей, с гениальной проницательностью, с тридцатью годами работы позади себя; человек, которого уважали бы не только друзья, но и враги, человек, за которым шли бы и партия, и многомиллионный рабочий класс, и вся крестьянская масса. Только такой человек мог победить столь могучие препятствия. Не надо забывать, что когда решался вопрос о Брестском мире, противодействие ему было громадное даже в Центральном Комитете партии: голоса разделились там, примерно, пополам. В Совете Народных Комиссаров, в котором участвовали тогда и левые

эс-эры, мнения тоже расходились. Такой же раскол был и во Всероссийском Исполнительном Комитете. И вот, тов. Ленину пришлось добиться, во что бы то ни стало, желательного голосования во всех этих трех инстанциях, преодолевая повсюду упорную оппозицию со стороны даже искренних революционеров, которые думали, что лучше погибнуть, чем уступить немцам. Пришлось бороться с громадной волной, с целым рядом товарищей, у которых было золотое сердце, но голова работала плоховато. Тов. Ленин говорил им: «Вы предлагаете умереть с честью, подобно шляхтичам. Но мы — не шляхтичи, а я — представитель трудящихся масс и хочу не умереть с честью, а дать победу рабочему классу. Мы теперь в трудном положении; давайте же отступим, чтобы завтра наступать еще смелее. Подпишем Брестский мир, чтобы выиграть время, достроить Красную армию и дать отдохнуть крестьянину, который поможет нам создать новую вооруженную силу». Так говорил тов. Ленин. Только немногие соглашались с ним, а против него было сильное течение, при чем многие, со слезами на глазах, умоляли его не делать этого ошибочного шага. Но тов. Ленин всех переубедил и заставил пойти по указанному им пути. И вот результат: мы не умерли как шляхтичи, а добились, в необычайно трудной обстановке, полной победы.

А еще позднее, в самое тяжелое время, когда к Петрограду приближались белые, а к Туле подходил Деникин, — кто вдохновлял тогда партию и беспартийные массы, кто поднимал живую крестьянскую толщу? Кому больше всего верила сермяжная Россия? Всегда и во всем — только тов. Ленину. Это — человек, имя которого впитало в себя все, что есть лучшего в рабочем классе и крестьянстве: их коллективный разум, их ненависть к буржуазному строю, их готовность жертвовать всем ради высокой цели. Самые трудные годы революции (а их было целых четыре) тов. Ленин не отходил от руля, одинаково вникая и в большое, и в малое: и в крупные проблемы международной политики, и во внутренние экономические вопросы, и во взаимоотношения с крестьянами, и в жизненный быт отдельных рабочих и работниц. Тысячи людей, стоявших в решительные минуты на самых ответственных постах и охваченных теми или иными сомнениями, крепли духом после двух минут разговора с тов. Лениным и смело шли по той дороге, которую он им указывал. Все мы знаем, что за последние год — полтора нам приходится, к величайшему нашему горю, работать без непосредственного

участия в руководстве делами тов. Ленина; и если, несмотря на это, мы не наделали серьезных ошибок, то, главным образом, потому, что за тридцать лет работы тов. Ленин создал целое поколение опытных работников, старых «ленинцев», которые прошли его школу и работают, конечно, хуже, чем сам мастер, но вполне удовлетворительно, как его подмастерья.

И есть еще одна особенность в замечательной фигуре тов. Ленина: его невозможно отделить от нашей партии. Он блестяще доказал своей жизнью и работой, что, как бы ни была гениальна отдельная историческая личность, она никогда не будет обладать всей полнотой своей силы и мощи, если будет действовать в одиночестве или замкнуто. И если тов. Ленин — гигант мировой истории, то только потому, что он никогда не стоял в стороне, а был душою многочисленного авангарда рабочего класса. Работая в одиночестве, даже такие люди, как Либкнехт и Ленин, могли бы только указывать пути, но не могли бы помогать массам следовать этими путями, устранять с этих путей препятствия и побеждать. На примере тов. Ленина каждый беспартийный рабочий может убедиться, что наша партия — не замкнутая каста, не особо стоящая организация, принципиально отличная от рабочего класса. Нет, это—его глава, его первый ряд. И работа тов. Ленина, начиная с 1890-х годов и до последнего момента, то-есть в течение почти тридцати лет, протекала не в одиночку, не среди маленькой рабочей группы, а среди передовых элементов всего пролетариата. Вся работа тов. Ленина (это приходится повторить) к тому и сводилась, чтобы выбирать по зернышку из рабочего класса людей наиболее сознательных, развитых, решительных, честных и преданных, собирать их воедино и строить из них одну единую организацию, хорошо знающую свою дорогу. Вот почему можно сказать, что путь к Ленину, к его идеям и идеалам лежит через Российскую Коммунистическую Партию. И вот почему пора, уже давно пора, на седьмой год революции, покончить с делением на партийных и беспартийных. Беспартийные рабочие, которые верят в правоту тов. Ленина и во все то, что он сделал (а эта вера живет в громадном большинстве трудящихся масс, потому что правда берет свое, потому что ее чувствуют миллионы рабочих и не могут ее не чувствовать), беспартийные рабочие, готовые итти по этой дороге, должны понять, что итти по ней вразброд, в одиночку — нельзя. Всякий, кто хочет с успехом итти по

указанному тов. Лениным пути, должен помогать строить нашу великую Коммунистическую Партию, потому что только она могла родить такого человека, как Ленин, и сделать из него то, чем он стал для всей России и для всего международного пролетариата. Недаром годовщину Советской Республики празднуют также и все сидящие в тюрьмах Европы и Америки арестованные рабочие. Недаром в день этого праздника — их первая мысль о тов. Ленине, о великом вожде русской революции, о лучшем человеке российского пролетариата. Тов. Ленин чувствовал себя всегда только первым из рабочих, выдвинутым ходом истории на первое место. И психология его очень простая: «Я — только один из передовых рабочих; мне выпало на долю бо́льшее образование и дарование; мое дело — собрать всех остальных рабочих и повести их в бой». И это чувствуют все: и заключенные в фашистских тюрьмах итальянские рабочие, и попираемые железной пятой капитала американские трудящиеся, и беспартийные рабочие всего мира, которые называют своих сыновей по имени тов. Ленина, по имени героя, наиболее популярного ныне среди томящихся па капиталистической каторге иностранных рабов наемного труда. Среди самых отсталых рабочих и среди самых темных крестьян живет неугасимая вера в тов. Ленина, — вера, завоеванная им своим горбом, тридцатью годами героической работы, длинным рядом поражений и побед. И все эти рабочие и крестьяне, все честные трудящиеся пойдут — кто раньше, кто позже — по пути тов. Ленина. Они не могут не пойти за ним, ибо великая столбовая дорога к раскрепощению труда и к полной победе трудящихся над буржуазией ведет через Российскую Коммунистическую Партию. Пусть эта партия делала ошибки и еще будет их делать, пусть у нее есть слабости и недочеты, но это величайшая организация, которую рабочий класс создал за последние пятьдесят лет. Через долгие годы ссылки и каторги, через заблуждения и колебания, ценою беспримерных жертв — создали мы эту партию, во главе которой стоит тов. Ленин. И все должны быть в ее рядах!

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «В. И. Ленин». Краткий биографический очерк, написанный в конце 1923 г. и выпущенный Ленинградским отделением Госиздата в конце января 1924 г. Факты и даты из биографии в настоящее время проверены сестрой В. И. — А. И. Ульяновой.

ПОХОРОНЫ ИЛЬИЧА. (1)

Шесть дней, которых не забудет Россия.

Давно ли Надежда Константиновна говорила: «У нас все идет хорошо. Ездил на охоту. Меня не взял, — хочет без нянюшки. Занятия (чтение) идут хорошо. Хорошее настроение — шутит, хохочет. Врачи все теперь того мнения, что к лету будет говорить...»

И врачи все это подтверждали.

А сейчас позвонили: Ильич умер...

Через час мы едем в Горки к уже мертвому Ильичу: Бухарин, Томский, Калинин, Сталин, Каменев и я. (Рыков лежит больной.) В автосанях.

Как, бывало, мчишься в Горки на вызов Ильича, когда он был здоров, — как на крыльях! А теперь...

Смотрим на звезды. Пытаемся говорить о другом. Ильич умер, — что будет, что будет? А путь так долог — целых два часа. Дорога занесена снежными сугробами. Гудит телефонная проволока. Воздух так ясен. Ночь светла.

Горки. Уже у ворот столпилась кучка людей — это товарищи из охраны Ильича. Они усыпают сосновыми ветками снежную дорогу к дому, где лежит Ильич. Помню. Совсем недавно, несколько недель тому назад, через щелку окна мы с Каменевым и Бухариным смотрели в парк, когда Владимира Ильича вывозили на прогулку. Приветливо, с доброй Ильичевской улыбкой он снимал здоровой рукой с головы своей кепку, здороваясь с этими же товарищами из охраны. Как просияли все они. С какой любовью смотрят на своего Ильича эти рабочие, любившие его, как дети... А сегодня все они поникли головой, жмутся друг к другу, говорят шопотом, вытирают слезу.

Вошли в дом. Ильич лежит на столе. Уже успели переодеть в новую тужурку. Цветы. Сосновые ветки. Лежит в большой комнате. Тут же открыт ход на балкон. Мороз. На этом балконе летом 1920 года мы пили чай и решали вопрос о наступлении на Варшаву.

Светлая зимняя снежная ночь. В комнате, где лежит Ильич, холодно. Много света. Яркая луна. Много звезд. Крестьянские дома кажутся совсем близкими через открытый на балкон ход. Ильич — на фоне крестьянской России. Незабываемая картина.

Ильич, как живой. Прилег отдохнуть. Да он же дышит. Вот-вот приподымется грудь. Лицо спокойно-спокойно. Оно стало еще добрее. Разгладились морщины. Замшевые складки в нижней части лица, ближе к шее, остались. Недавно подстригся. Выглядит совсем молодым. Лицо доброе-доброе, нежное. Кажется, только, Старик недоволен, зачем мы так долго глядим на него, зачем набегает слеза. Где же видано, чтобы большевики плакали... Поцелуй в лоб — в прекрасный Ильичевский несравненный лоб. Лоб этот холоден сейчас, как мрамор. Сердце пронзилось мыслью: так это действительно навеки, навсегда!..

В два часа ночи назначено в Кремле заседание пленума Центрального Комитета. Едем поездом назад. Опоздали только на час. Вошли. Никогда не забыть и этой минуты. Сидят все 50 человек и... молчат. Гробовое молчание. Повидимому, они молчат уже довольно долгое время — с тех пор, как пришли сюда. Все они, бесстрашные ленинцы, отобранные всей партией бойцы, не раз смотревшие в лицо смерти, сидят с плотно сжатыми зубами. Слова не идут с языка. Потом заговорили. Просидели до утра. Осиротевшие. За эти часы ближе стали друг другу, чем за всю прежнюю жизнь, за долгие годы совместной борьбы.

Во вторник весь Центральный Комитет и вся Ц. К. К. едут в Горки. В двух вагонах третьего класса — весь генеральный штаб ленинской партии. Вагоны тускло освещаются кусочками стеариновой свечи. Забились отдельными кучками в различные углы. Молчат. Кой-где делятся почему-то тюремными воспоминаниями. Товарищ, который только что «шутил», рассказывая совершенно незлобиво, как его терзали на царской каторге в Орловском централе, через минуту, улучив момент, в углу вытирает слезу, чтобы никто не заметил.

Приехали к полустанку. Отсюда часть едет на крестьянских лошадях, часть пешком. Длинной лентой, по узенькой дорожке, гуськом тянутся в Горки члены Ц. К.

Прибывают все новые и новые товарищи и друзья. Первые почетные караулы у тела Ильича. Переложили его в красный

гроб, в головах — небольшая красная подушка. Еще нежнее, еще добрее его лицо. Рука, как живая. Она до самой последней минуты осталась наиболее живой.

* * *

В среду рано утром вынос тела из Горок. Снесли с лестницы. Вынесли на улицу. Здесь лицо сразу больше помертвело. Несколько мягких пушинок ложится на тужурку Ильича. Скорее сдунуть их... Четыре версты пешком. Несут, разумеется, на руках. По всей дороге толпы крестьян. 13-летние крестьянские мальчуганы в плохих тулупчиках кулаками вытирают слезы. Никто не крестится. Первые венки — простые, из сосновых ветвей.

Колонный зал Дома Союзов. Кто сделал этот зал столь прекрасным? Чья любящая и умелая рука так чудесно убрала этот зал, которому суждено стать историческим? И как хорошо, что мы во-время отказались от первоначального плана положить тело Ильича в одном из дворцовых зал Кремля! Как хорошо, что прощание народа с Ильичем будет происходить именно в Доме Союзов.

Прекрасный зал в Доме Союзов стал сказкой. Один этот зал — замечательная, чудесная, великая траурная симфония.

И тут началось главное, — великое, незабываемое: на улицах появился народ, рабочий класс, его дети. Что это была за прекрасная народная толпа! Бесконечный живой прибой людской волны. День и ночь, круглые сутки, в короткие зимние дни, в длинную ночную стужу на улицах Москвы стояли сотни тысяч рабочих, их матерей, жен и сестер, стояли крестьяне, красноармейцы, учащиеся, дети, весь, весь народ в ожидании своей очереди войти в Колонный зал и пройти около тела вождя и учителя. 700 тысяч людей прошли через этот зал за четыре дня. И эта волна катилась бы дальше, если бы в субботу перед похоронами она не была приостановлена. Величавее этой картины не видел мир. Толпа сорганизовалась сама. Пять милиционеров легко справлялись с задачей охраны порядка там, где было 50 тысяч людей. Дело просто: эти 50 тысяч сами соблюдали порядок. Молча, охваченная одной мыслью, спаянная одним чувством, эта безбрежная масса сама сорганизовала себя. Можно было почти физически слышать, как гений Ильича шевелил крыльями над этой изумительной народной массой. Все были как-то чрезвычайно мягки, вежливы и добры друг к другу. Все

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
ОРАТОР.

как бы заглядывали друг другу в глаза, ища утешения и понимания. Лица стали выразительнее. Каждый переживал исторический момент, и это запечатлелось на каждом лице.

Бесконечным могучим потоком волна эта вливалась в Колонный зал и оттуда через ряд других дверей столь же организованно выливалась назад. Как море ласкает утес, так эта могучая людская волна ласкала глазами мертвое тело любимого, родного, друга народа.

Уйти из этого зала было невозможно. Часами простаивал каждый из нас, наблюдая эту прекрасную толпу, вбирая в себя ее чувства. Нельзя было оторваться от этой картины. И днем, и в пять часов утра вы находили здесь сотни самых занятых товарищей. А толпа все шла и шла—все более прекрасная, все более спаянная. Рабочая масса второй раз переживала свою революцию...

Да, только так мы и должны были хоронить нашего Ильича. Простой народ, одухотворенный идеями Ленина, сымпровизировал эти похороны вместе с нами.

* * *

... Рыдающие звуки траурного марша. Марш этот всегда трудно слушать без волнения. А теперь его исполняют над гробом — кого же? — Ленина!..

Вся партия побывала тут у гроба любимейшего из любимых.

Рабочие и работницы подымали на руки детей, показывая им Ильича и шепча что-то на ухо.

В почетном карауле — в головах и в ногах почившего Ильича — перестояли все излюбленные люди рабочего класса. Чуть ли не с каждого завода приходили люди от станка. Из каждой казармы — простые красноармейцы. Только избранникам рабочих, тем, кого любит и кому доверяет вся масса, удалось постоять в этом карауле. Крестьянки и работницы, моряки и красноармейцы, партийные ветераны и восходящая молодежь, русские и немцы, коминтерновцы и «националы»! Постояли в карауле даже юные пионеры — славные, чудные дети рабочих. С какой лаской погладил бы их по головке живой Старик...

У стоявших в почетном карауле лица сразу менялись. Вот стоит на часах финский революционер. Кремень. После июльского поражения ему наша партия поручила охранять Ильича. В минуту величайших опасностей ни один мускул ни разу не

дрогнул у него на лице. Сейчас он бледен, как смерть. И — тщетно прячет слезу.

А Ильич лежит попрежнему спокойный, добрый, какой-то еще более мудрый, все понимающий. И правильно говорит Бухарин: Отдает свой последний приказ — пролетарии всех стран, соединяйтесь! Большевики всего мира, сплачивайтесь!

* * *

Суббота вечером. Второй Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Речь Надежды Константиновны. Кто забудет этот момент? Тишина. Слышно, как муха пролетит в этой громадной аудитории. Буквально, в десяти словах сказала она все существенное о Ленине и ленинизме.

— Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого не говорил он сам... Он не только говорил и рассказывал, он внимательно **слушал**, что говорил ему рабочий... Только как вождь всех трудящихся, рабочий класс может победить... Он хотел власти для рабочего класса, он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся. Он понимал, что историческая задача рабочего класса — освободить всех угнетенных... Русский рабочий одной стороной — рабочий, а другой стороной — крестьянин.

— Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной. Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое для Ленина знамя, знамя коммунизма. Товарищи рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма...

Да, эта речь была вполне на высоте исторической минуты. Да, она достойна была Владимира Ильича. Да, теперь мы еще и еще раз увидели настоящее мужество нашей Надежды Константиновны. Чем труднее был момент, тем Надежда Константиновна всегда была тверже и мужественнее. Например, в июльские дни 1917 г. Но — **теперь**! Только она могла в такую минуту сказать речь и притом — **такую** речь.

Пройдут года и десятилетия. А эта прекрасная речь будет читаться, проникая в сердце новых и новых поколений коммунистов.

Все мы, остальные ораторы, выступавшие на этом заседании Съезда, боялись разрыдаться на первом же слове. Мы старались

поэтому «напустить на себя холоду». И вышло не то, что мы хотели. Слова не шли с языка. Не до речей... Смоленский крестьянин, путиловский рабочий, краснопресненская работница, ораторы восточных народов скрасили вечер...

Поздно ночью перед гробом Ильича прошел еще раз весь второй Съезд. Вся Советская Россия.

Утром так же организованно прошла делегация от Петрограда (Ленинграда) — более 1.200 человек: рабочие, работницы, красноармейцы, молодежь. Все плакали. Уж где-где, а в Питере рабочие умели любить своего Ильича особенно нежной любовью. Они, первые пошедшие за Лениным в огонь, теперь пришли отдать ему последний привет. Бледные лица, придушенные слезы, благоговейное молчание. Два, прибывшие с питерцами, «свои», оркестра рыдают в течение всего того времени, пока проходит делегация... Привезли прекрасное знамя — лучшего мы не видели. Пристраивают это знамя поближе к гробу. Спокойно спи, Ильич...

* * *

Воскресенье. Утро 27 января. Последние почетные караулы. Звучит «Интернационал» — громко, стройно, победно. Выносим тело Ильича. Как хорошо, что это происходит ранним, ранним утром! Какое-то особое чувство облегчения.

В зимнюю стужу — как нарочно, грянул жестокий мороз в 26 градусов, — миллион людей пришли на Красную площадь поклониться праху Ильича. И опять — величавее этой толпы не видел мир.

Как хорошо, что решили хоронить Ильича в склепе! Как хорошо, что мы во-время догадались это сделать! Зарыть в землю тело Ильича — это было бы слишком уже невыносимо...

На склепе короткая, но и вполне достаточная надпись: Ленин. Сюда уж поистине не зарастет народная тропа. Здесь вырастет поблизости музей Ленина. Постепенно вся площадь превратится в Ленинский городок. Пройдут десятилетия и века — эта могила будет становиться все более близкой и дорогой десяткам и сотням миллионов людей, всему человечеству. Сюда начнется паломничество не только со всех концов нашего Союза Республик, обнимающего шестую часть всей суши, но и из Китая, Индии, Америки, со всего мира.

В 4 часа дня опускаем гроб в склеп при салютах. Салютует вся Советская Россия. В Петрограде на траурной демонстрации в этот день участвует 750 тысяч человек—больше, чем на какой-либо другой питерской демонстрации за все эти годы.

В Москве народ шел на Красную площадь поклониться останкам Ильича. Здесь, на виду у всего народа, высился гроб с телом Ленина. А в Питере народ шел на Марсово поле (поле Жертв Революции), где мог видеть только 53 пылающих костра — по числу лет Владимира Ильича. И все-таки пришел весь Ленинград.

В Харькове весь город демонстрирует в честь Ильича. В Ростове, в Костроме, в Киеве, в Архангельске—повсюду то же самое. Миллионы сердец бьются в унисон. В Париже, в Христиании, в Пекине, в Берлине, в Праге, в Лондоне, — во всем мире у миллионов людей на устах одно имя: Ленин.

В склепе мы прикрываем гроб с останками Ильича двумя знаменами — двумя из 10.000 знамен, участвовавших в траурной демонстрации. Это — знамена Коминтерна и Центрального Комитета Р. К. П. Но в последнюю минуту в склеп, вопреки караулу, пробирается пожилой крестьянин. Выждав удобную минуту, он передает нам маленькое траурное полотно при грамоте от крестьян Саранского уезда. Рядом с знаменами двух могучих организаций, заставляющих трепетать всю мировую буржуазию, пристроилось также знамя ... крестьян Саранского уезда.

Никогда не забыть минуты, когда вся Красная площадь, обнажив головы, пела на 25-градусном морозе «Вы жертвою пали». Никогда не забыть застывшей многотысячной толпы, когда гроб Ильича несли в склеп. Никогда не забыть биения сердец всех близких и родных. Никогда, никогда не забыть этих минут...

Почему-то вспоминается тот вечер, когда Ленин прибыл из-за границы в Петроград: ночь на Финляндском вокзале, встреча, десятки тысяч рабочих и солдат. Теперь—теперь миллионы. Тогда—канун великих боев. Теперь—теперь завершенные битвы и отдых после решающих побед. Теперь—признание всего народа, всех народов.

* * *

Умер Ленин. Камнем, глыбой ложится эта смерть на сердце каждого из нас. Нечеловечески тяжело. Никто никогда не переживал таких жутких минут. И все-таки, и все-таки нам почему-то кажется, что ленинизм не только жив, но что расцвет его

только еще начинается. Да, это несомненно так: настоящие победы идей Ленина в Европе, в Америке, на Востоке, во всем мире еще только впереди.

Кто из нас забудет эти шесть дней — бессонных, тревожных, свинцовых, но и жутко-прекрасных? Пусть назовут нам другое имя в новейшей истории человечества, которое заставляло бы так учащенно биться сердца миллионов и десятков миллионов людей во всем мире.

Эти шесть дней положили какую-то черту, некую грань между Россией до смерти Ильича и Россией после его смерти. Россия по-новому ощутила себя. До сих пор во все время болезни Ленина она считала, что Ильич

> ...и сейчас ведет Россию
> парализованной рукой.

Теперь она почувствовала, что все мы отныне предоставлены самим себе, что мы переходим через какую-то новую грань. Россия оглянулась на себя и увидела, что она новая, что она стала новая потому, что Ленин отдал ей лучшее, что было у него. Сосредоточенно, глубоко страна задумалась над собственной судьбой. И, смахнув слезу после похорон своего гениального вождя, твердой поступью с высоко поднятой головой, она пойдет дальше по той дороге, по которой вел ее Ленин.

Тем более в жизни нашей партии со смертью Ильича начинается новая глава. Партия наша особенно глубоко и сосредоточенно задумается над своими дальнейшими судьбами. Неимоверно тяжела, совершенно невознаградима потеря. Руководить жизнью великой страны, борьбой Коминтерна, работой партии без Ильича — какая это гигантская всемирно-историческая ответственность! Каждый из 400 тысяч членов нашей партии теперь, со смертью Ильича, должен стать лучше, глубже, чище, более мужественным, более осторожным, более стойким.

Каждый, кто хоть раз видел живого Ильича, до конца своих дней удержит этот образ в сердце своем.

> ...Портретов Ленина не видно,
> Похожих не было и нет.
> Века уж дорисуют, видно,
> Недорисованный портрет...

Что бы там ни было, что бы ни ожидало нас, образ Ленина всегда будет светить трудящимся и эксплоатируемым всего мира.

■

Дружнее, ряды ленинской рати! Мир не видел еще армии более готовой к борьбе и более достойной победы, чем наша.

— Прощай, Ильич! Прощай, Ленин! По всей стране, по всей земле перекатывается, как эхо, это прощальное приветствие вождю и учителю.

За работу, за работу, за работу!—как учил нас Ильич.

Ленин умер — ленинизм живет. Живет в нашей великой партии, в Коминтерне, в революционном движении всего мира. Когда пролетарская революция победит во всем мире, это будет прежде всего — победа ленинизма.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Похороны Ильича. Шесть дней, которых не забудет Россия». — Статья из № 23 газеты «Ленинградская Правда» от 30 января 1924 г.

НАШ ВОЖДЬ. (1)

Товарищи, друзья! Все мы, работавшие не год и не два под гениальным руководством Владимира Ильича, мы, пережившие в партии под руководством Владимира Ильича две войны и три революции, прекрасно отдавали себе отчет в том, что во главе нашей семьи, во главе нашей партии стоит великий человек. Мы говорили, мы писали, что фигура Владимира Ильича высится, как Монблан, над всем современным поколением революционных деятелей. И все таки, товарищи, только теперь, когда Владимира Ильича нет среди нас, мы впервые с особенной полнотой поняли, чем был для нас, чем был и пребудет для трудящихся всего мира Владимир Ильич. Как ни высоко ценили мы нашего учителя и вождя, ясно, что мы не дооценивали всего.

Действительное значение Владимира Ильича вырисовывается перед нашими глазами и перед глазами трудящихся всего мира только теперь. Больше всего, товарищи, я думаю, научили нас подлинным образом оценивать историческое значение Владимира Ильича те сотни тысяч рабочих, которых мы с затаенным дыханием наблюдаем за последние дни в одной только Москве.

Товарищи! Мы пережили три революции, мы видели не раз и не два могучую народную массу, охваченную одним порывом. Каждому из нас выпало на долю великое счастье видеть сплоченные ряды народа, видеть народ, охваченный высоким чувством. Но, товарищи, — и я думаю, вы все со мною в этом согласитесь, — видели ли мы за все пережитые годы картину более величественную, чем та, что мы четвертые сутки наблюдаем во всей Москве? И, несомненно, во всей России происходит то же самое.

Видели ли вы когда-нибудь ранее такую прекрасную единую народную массу, такой живой прибой сотен тысяч пролетариев, которые сами организуются тут же на улицах, которые день и ночь в нынешнюю зимнюю стужу стоят и ждут своей очереди зайти поклониться праху вождя? Это — пролетариат, вылитый из одного куска, высеченный из одного куска гранита, спаянный одной великой идеей. Видели ли вы, товарищи, в своей жизни что-либо более величественное, чем эта безбрежная волна рабочих, входивших в Колонный зал, уходивших оттуда с глазами,

увлажненными слезами, и все-таки с поднятыми головами, и все-таки охваченных одной великой идеей?

Я думаю, товарищи, никто из нас ничего более величественного не видел и вряд ли увидит. Народная масса как будто второй раз переживает великую Октябрьскую революцию. Такое чувство у всех у нас, когда мы наблюдаем этот бесконечный стотысячный поток. Еще и еще раз рабочий класс переживает эти великие годы и вспоминает решающий момент, Рубикон, через который перевел нашу страну Владимир Ильич. Еще и еще раз рабочие любовно вспоминают все, что было великого и героического в тот период. Оттого-то эта масса так сильно напоминает рабочие массы накануне Октября. Оттого-то наш комитет, который имеет печальную обязанность похоронить то, что было бренного во Владимире Ильиче, напоминает военно-революционный комитет накануне Октября. Все мы вместе с народными массами как бы переживаем во второй раз великие Октябрьские события и мысленно вновь обозреваем пройденный путь. Народные массы, народ в лучшем смысле этого слова, научат нас теперь еще лучше, чем до сих пор, понять, что же такое был и чем останется, несмотря на физическую смерть, Владимир Ильич для трудящихся всего мира и для всего человечества.

Читайте, товарищи, письма рабочих, которые помещаются у нас петитом в задних углах газет. Читайте их внимательнее всего, и вы поймете тогда, как подлинный народ, как подлинные рабочие массы чувствуют Владимира Ильича, как оценивают они его.

Позвольте мне, товарищи, два таких отрывка прочитать вам.

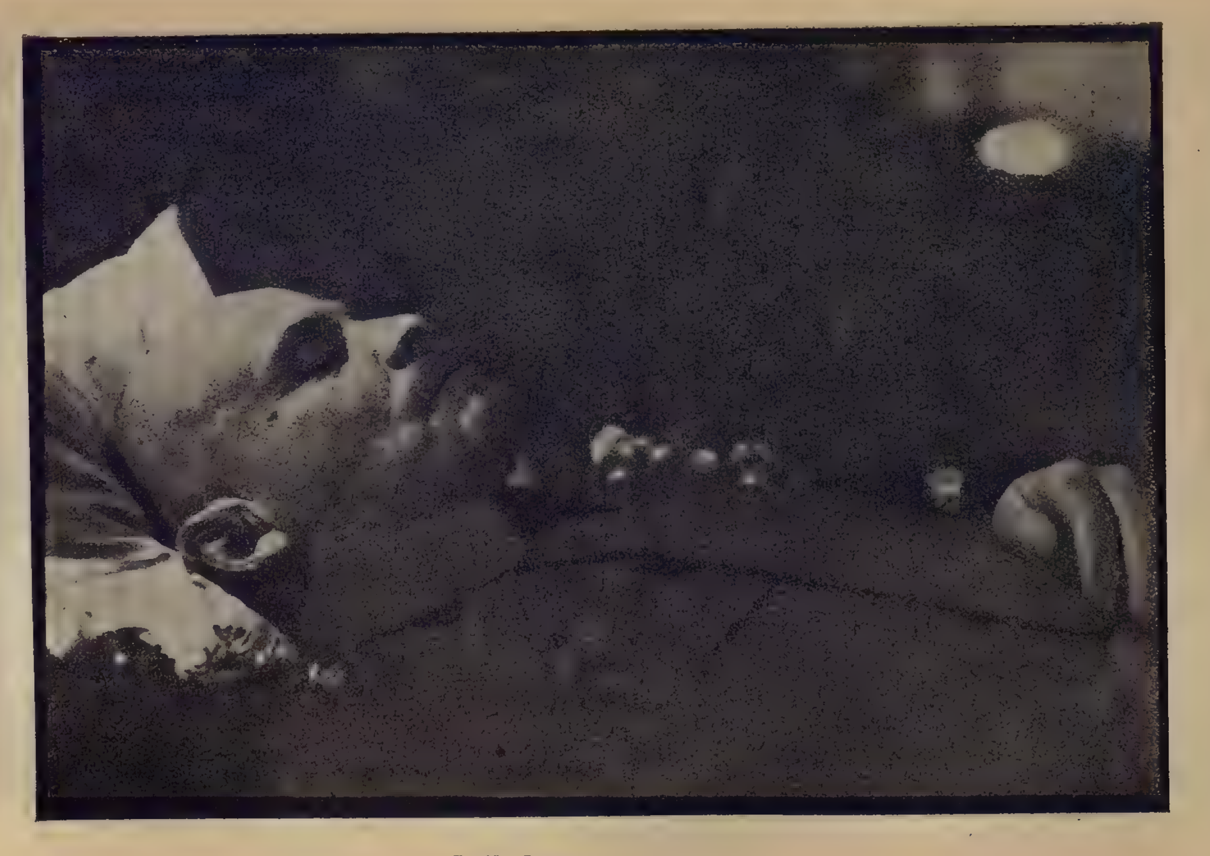
«Нашему отцу. Дорогой отец наш! Ты ушел от своих детей навеки, но твой голос, слова твои никогда не умрут в наших пролетарских сердцах.

Мы великими тысячами идем проститься с дорогим нашим вождем, мы плачем у гроба твоего.

Р.К.П. и В.Ц.И.К. и всем остальным мы дали свой отклик пролетарский.

Отец наш своей смертью нанес нам тяжелый удар. Мы, читая газеты, думали, что вернется он скоро к нам, и мы ждали его каждую минуту, но злая болезнь отняла у нас незабвенного отца — отца всего мира.

Мы знаем, что скоро настанет тот час, когда со всех стран мира посыпятся на твою горячую могилу венки; твоя могила

В. И. Ленин на смертном одре.

вечно останется в памяти каждого честного гражданина. Она вечно будет цвести, она никогда не будет сухой.

Не утренняя летняя роса будет кропить ее, а слезы твоих детей, которые так горячо тебя любили и будут вечно преданы тебе.

Вечная память незабвенному отцу Владимиру Ильичу Ленину.

Желаем возложить венок на могилу отца от всего пролетарского населения России».

Или вот что пишет рабочий-шахтер Тарасов:

«Солнце померкло, звезда закатилась.

Солдаты царской армии, кто из вас был в окопах, вспомните, чем был для вас окружающий мир! Вы устремлялись с мольбами и тоской к небу, а в ответ вам сыпались снаряды. Увы, напрасны были ваши молитвы!..

Но вот среди лесов и полей, где ежеминутно взрывались ужасные бомбы, между трупов и стонов раненых пронеслось: Ленин.

Из-за границы пришел Ленин.

— Вам тяжело, я знаю, — сказал он, — слушайте меня, идите за мной. Его клич был кличем вождя. Этот клич проник глубоко в каждое солдатское окровавленное сердце. За ним шли. За лозунги Ленина не было жаль жизни. Умирали с радостью, никто о себе не тужил.

То, что он обещал, пришло. Зацвели красные маки. Черная тоска сменилась радостью. Голод и разруху оставили за плечами, стали вдоволь есть хлеб.

Ленину нельзя было не верить. Такому мы верили. Мы говорили ему: «Зови, веди, пойдем, не обманешь!..»

Заболел. Дорожили каждым его часом. Ленин, живи! Ты один понимаешь нас, как никто! Нас, мужиков, царя растоптавших!

А сегодня у каждого на сердце черные пятна. Закатилась звезда. Москва, Россия, Союз Республик облеклись в траур. Солнце померкло.

Великого Ленина между нами не стало».

И такие же или подобные отклики несутся уже со всех концов мира, не только из тех стран, где живут и борются сотни тысяч и миллионы городских промышленных пролетариев, но и из таких стран, как Китай, как Индия. Именно угнетенные народы Востока больше всего воспринимают Владимира Ильича, как лучшего своего друга, как самого великого вождя.

Я вспоминаю сегодня, товарищи, одну оценку Владимира Ильича, данную великим художником современности А. М. Горьким. А. М. Горький, увы, не понял нашей революции. Но, несмотря на это, он, по крайней мере частью, очень недурно понял главнейшего героя нашей революции—Владимира Ильича, которого Горький близко знал, как все мы, горячо любил и который пользовался любовью и со стороны Владимира Ильича. К 50 летию Владимира Ильича Горький поместил статью в «Коммунистическом Интернационале» под заглавием «Владимир Ильич Ленин». Я очень хорошо вспоминаю обстоятельства, связанные с помещением этой статьи. Когда эта статья попалась на глаза Владимиру Ильичу, то мне, как редактору этого журнала, не мало влетело от Владимира Ильича за помещение статьи, которую он считал неуместной, преувеличенной. В этой статье у Горького в политических оценках было действительно не мало неверного. Но что касается оценки личности Владимира Ильича, то сегодня приходится сказать, что чутье великого художника подсказало Горькому несколько лет тому назад то, что народу, что всем нам становится вполне ясным только теперь. Когда Горький говорил о планетарном значении работ Владимира Ильича, многим это тогда казалось преувеличенным. Но мне кажется, товарищи, сейчас всякий чует настоящую правду в этой постановке вопроса.

Товарищи, вы не посетуете на меня, если я прочитаю вам несколько выдержек не из политических оценок Горького, а из его характеристики личности Владимира Ильича. Сейчас мы находимся в положении, когда нам всего лучше выражать свои собственные настроения словами или рядовых рабочих или таких людей, как Горький. Горький писал тогда:

«Я должен сказать, что мои личные симпатии к нему не играют никакой роли в момент, когда я пишу о нем. Я рассматриваю его как существо, подлежащее моему наблюдению, наравне со всеми другими людьми и явлениями, которые не могут не интересовать меня, как бытописателя моей родины.

«Вот этот человек говорит речь на собрании рабочих, он говорит удивительно простыми словами, железным языком, с логикой топора, но в его суровых словах я никогда не слыхал ни грубой демагогии, ни пошлого франтовства красивой фразой. Он говорит всегда одно: о необходимости в корне уничтожить социальное неравенство людей и о путях к этому. Эта древняя правда

звучит в его устах резко, непримиримо: всегда чувствуешь, что он непоколебимо верит в нее, и чувствуешь, как спокойна его вера.

«Иногда дерзость воображения, обязательная для литератора, ставит передо мною вопрос: как видит Ленин новый мир? И предо мною развертывается грандиозная картина земли, изящно ограненной кругом свободного человечества в гигантский изумруд. Все люди разумны, и каждому свойственно чувство личной ответственности за все, творящееся им и вокруг него. Повсюду города-сады — вместилища величественных зданий, везде работают на человека покоренные и организованные его разумом силы природы, а сам он, — наконец, — действительный властелин стихий. Его физическая энергия не тратится больше на грубый, грязный труд: она переродилась в духовную, и вся мощь ее направлена к исследованию тех основных вопросов бытия, над решением которых издревле безуспешно бьется мысль, распатанная, раздробленная необходимыми усилиями объяснения и оправдания явлений социальной борьбы, измученная неизбежной в мире этих явлений драмой признания двух непримиримых начал. Облагороженный технически, осмысленный социально, труд стал наслаждением человека. Действительно освобожден, наконец, разум человека, самое драгоценное начало в мире — и, действительно, разум стал бесстрашен.

«Ленин больше человек, чем кто-либо иной из моих современников, и хотя его мысль, конечно, занята по преимуществу теми соображениями политики, которые романтик должен назвать «узко-практическими», но я уверен, что в редкие минуты отдыха эта боевая мысль уносится в прекрасное будущее гораздо дальше и видит больше, чем я могу представить себе. Основная цель всей жизни Ленина — общечеловеческое благо, и он неизбежно должен прозревать в отдалении веков конец того великого процесса, началу коего аскетически и мужественно служит вся его воля. Он — идеалист, если вложить в это понятие соединение всех сил натуры в одной идее — в идее всеобщего блага. Его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым.

«Суровый реалист Ленин постепенно становится легендарной личностью. Это хорошо.

«Из глухих деревень Индии, проходя сотни верст по горным тропинкам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробираются

в Кабул, в русскую миссию, индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают: что такое Ленин?

«А на другом конце земли норвежские рабочие говорят русскому безразличному человеку: Вот, Ленин — самый честный парень. Такого еще не было на земле.

«Я говорю: Это хорошо. Большинству людей необходимо верить для того, чтобы начать действовать».

Вы видите, что чутье художника, близко знавшего Владимира Ильича лично, помогло Горькому, делавшему не мало ошибок в оценке нашей революции, отметить уже несколько лет тому назад, когда еще не так ясна была великая личность Владимира Ильича, то, что делало тов. Ленина уже тогда легендарной личностью, что делало его уже тогда вождем всего человечества.

Товарищи. Дар провидения, дар предсказывания событий свойствен был Владимиру Ильичу в величайшей степени. Когда мы изучим его великие сочинения так, как они того заслуживают, мы должны будем произвести специальную работу, которая должна будет выяснить, какие из предвидений Владимира Ильича оправдались. Найдутся, разумеется, такие, которые не оправдались. Но, товарищи, замечательно не то, что целый ряд предсказаний, сделанных этим гениальным человеком, не оправдался, а то, что столь многие из них сбылись. Позвольте мне и тут говорить словами не своими, а в данном случае словами самого Владимира Ильича. Я хочу напомнить только два из предсказаний Владимира Ильича, относящихся к довольно далекому времени. Одно из них сделано 30 лет тому назад, т.-е. тогда, когда Владимир Ильич был еще совсем молодым, когда ему не было 25-ти лет, и другое, которое сделано было лет 15 тому назад.

В известном сочинении тов. Ленина «Друзья народа», которое только недавно получило широкое распространение и которое писалось почти 30 лет тому назад, Владимир Ильич говорил:

«Когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой

дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Товарищи. Сейчас эти слова звучат более или менее обычно. Но если вы вспомните, что они были сказаны 30 лет тому назад молодым деятелем, только еще выходившим на широкую политическую арену, в обстановке, когда рабочий класс только еще начинал создавать первые свои сколько-нибудь значительные организации, в годину мертвящей царистской реакции, в момент, когда рабочий класс делал только первые шаги в области экономической борьбы, — вы признаете, что эти слова были пророческими словами.

Другое предсказание относится к вопросу о борьбе между марксизмом и меньшевизмом, к вопросу о той исторической тяжбе между III Интернационалом и II, — тяжбе, которая исторически взвешена судьбой, но все-таки еще не вполне закончена. В небольшой работе, писанной на спех в 1908 году, в сборнике, посвященном Карлу Марксу, в небольшой статье, которая называется «Марксизм и ревизионизм», тов. Ленин обронил следующие слова: «Совершенно естественно, что мелко-буржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда, вплоть до перипетий пролетарской революции... То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

«Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела, вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства».

Вдумайтесь в эти слова. Кто из вас не скажет вместе со мною, что это были пророческие слова. После первых схваток во время революции 1905 года, когда мы еще были только фракцией

II Интернационала, когда мы еще были членами одной с меньшевиками партии, в момент, когда мы все их считали еще товарищами и спор между нами и ими носил характер спора между двумя фракциями одной общей партии, в момент, когда эти споры в наших глазах были только литературными спорами, — в этот момент Владимир Ильич предсказал, что литературные споры между нами и меньшевиками суть не что иное, как преддверие грядущих революционных битв, как преддверие тех битв, которые развели нас теперь с международным меньшевизмом по разные стороны баррикады, поставили друг против друга с оружием в руках и заставили нас решать эти разногласия в ходе гражданской войны.

Я выхватил, товарищи, только два момента: их можно было бы удесятерить. И каждый из нас мог бы назвать, в большом и малом, целый ряд предсказаний Владимира Ильича, которые сбылись целиком.

Даже наши противники, международная буржуазия, даже II Интернационал не смогли не отдать невольной дани уважения Владимиру Ильичу. Вы читали эти отклики, и вы видите, как Владимир Ильич исторг у отъявленных противников признание его величайших, мировых исторических заслуг.

Писатели этого лагеря ищут сравнений Владимира Ильича с историческими фигурами прошлого. Они сравнивают его с Наполеоном, с Робеспьером, с Кромвелем, с Петром Великим и с другими историческими фигурами. Они не понимают главного: они не понимают того, что тщетно искать в предыдущей истории человечества такую фигуру, которую можно было бы примеривать к исполинскому росту Владимира Ильича. Да, конечно, все названные мною исторические фигуры крупны, каждая по-своему. Но возьмите Робеспьера, разве он не ребенок по сравнению с Владимиром Ильичем? Конечно, Робеспьеру вышало на долю сыграть большую роль в истории великой буржуазной революции. Но разве стоял он на твердом фундаменте марксизма, разве был он спаян с величайшим классом современности—рабочим классом, разве мог он иметь тот дар предвидения, который имел Владимир Ильич? Не мог и не имел. Вот почему невозможно найти в предыдущей истории человечества такую фигуру, к которой можно было бы примерить фигуру Владимира Ильича. К его фигуре следует примеривать всех его предшественников, а не наоборот.

Я вспоминаю, товарищи, один момент: июльские дни 1917 года, когда после первого разгрома питерских рабочих и кронштадтских моряков Владимир Ильич должен был укрываться недалеко от Сестрорецка, в шалаше, о котором многие рабочие и крестьяне уже знают. Сравните этот момент,—а ведь это было не так уже давно,—с тем, что мы видим теперь. В те времена, по крайней мере вначале, после разгрома, лишь одна часть рабочего класса попрежнему горячо верила в звезду Владимира Ильича. Колебания были в среде рабочего класса и даже недалеко от партии. Владимир Ильич прятался в течение двух недель в шалаше, окруженный только небольшой группой рабочих, семьей одного рабочего Сестрорецка,—товарища Емельянова и его детей. Весь буржуазный Петроград, весь «демократический» Петроград в эту эпоху Керенского и Церетели был на ногах, чтобы найти Владимира Ильича. Его травили в буквальном смысле слова. В газетах тогдашнего времени вы можете прочитать о том, как все собаки-ищейки,—я говорю о настоящих, четвероногих собаках, которые находились в распоряжении уголовного розыска и тогдашнего «демократического» правительства,—все они были пущены по тем следам, которые, казалось, давали надежды нашим врагам затравить Владимира Ильича. Если бы он был найден, он, разумеется, был бы растерзан тут же на месте. Сравните, товарищи, этот момент, когда великий Владимир Ильич, уже тогда имевший за собою огромные заслуги, должен был прятаться в шалаше и мокнуть под ночным осенним дождем и когда его травили все, кроме горсточки рабочих, сравните тот момент с нынешним, когда Владимир Ильич объединил вокруг себя не только весь рабочий класс нашей страны, не только все, что есть мыслящего, честного и революционного в нашем крестьянстве, но объединил весь народ и исторг дань уважения даже из уст тех, которые имеют все основания относиться к Владимиру Ильичу без особой нежности: я говорю о международной буржуазии.

За несколько лет Владимир Ильич прошел сам и провел рабочий класс по громадной исторической дороге, на которую в другое время понадобились бы столетия. За это время Владимир Ильич стал родным всей нашей стране. Когда мы видели 13-летних крестьянских мальчуганов, плакавших навзрыд при проводах тела Владимира Ильича из деревни Горки, когда мы видим стотысячные толпы в Москве, когда мы слышим гул сочувственных голосов во всей России, когда мы видим, что каждая

сколько-нибудь грамотная крестьянка в нашей стране носит в сердце траур по Владимире Ильиче,—мы имеем право сказать: ни одному из революционных борцов, ни одному из водителей человечества не выпадало еще на долю такое великое счастье, какое выпало на долю Владимира Ильича.

Я не исполнил бы своего долга, товарищи, если бы я сегодня не сказал здесь хотя бы несколько слов о том, как чувствуют, как думают рабочие-коммунисты тех 42 партий, которые входят в Коммунистический Интернационал и от имени которых я должен сегодня сказать несколько слов, потому что их самих здесь нет. Нет никаких сомнений, товарищи, в том, что, как это было и раньше, десятки и сотни тысяч итальянских рабочих, заточенных в фашистских тюрьмах, рабочие, находящиеся на каторге в Америке, рабочие и крестьяне-повстанцы, брошенные на вечную каторгу в Болгарии, после только что совершившегося там восстания, рабочие и крестьяне, томящиеся в тюрьмах буржуазной Польши, сотни и сотни пролетарских борцов Германии и всего мира, — нет ни малейшего сомнения в том, что все эти лучшие борцы международного рабочего класса, если только через железную решотку до них донеслась весть о кончине Владимира Ильича, что все они в тиши своих одиночных и каторжных камер рыдают вместе с рабочими России, вместе с нами переживают то тяжелое бремя, которое такой большой тяжестью ложится на спину каждого рабочего и каждого крестьянина в нынешние скорбные дни.

Я только что получил телеграмму о том, что даже германские социал-демократы, пытающиеся запретить и затравить германскую коммунистическую партию, не решились отказать берлинским рабочим-коммунистам в праве устроить в воскресенье, в день похорон, ряд траурных митингов в память Владимира Ильича. Даже эти люди, на совести и на руках которых кровь Розы Люксембург и Карла Либкнехта, даже они, чувствуя угрозу со стороны всего рабочего класса Германии, должны были это разрешить.

Мы имеем телеграммы из Франции о том, что оттуда выехали делегации французского рабочего класса и что в день похорон там будут остановлены работы. Такие же сообщения получены из Норвегии, такие же сообщения идут со всего мира.

Рабочие всего мира, как только они почувствовали, что открывается новая страница в истории их борьбы, когда они сознали и почувствовали, что близится международная пролетарская революция, чутьем отметили, как своего избранника, как

своего международного вождя, Владимира Ильича. Через Владимира Ильича наша партия и наш рабочий класс стали важнейшей составной частью международного пролетариата и его международной коммунистической организации. В великом неисчерпаемом наследстве Владимира Ильича основное — это: 1) Союз Советских Социалистических Республик и 2) международная организация пролетариата — Коммунистический Интернационал. То и другое являются в одинаковой мере детищем Владимира Ильича, который как никто выразил настроение, душу самых широких масс трудящихся. Никто не вложил столько труда в дело создания Коммунистического Интернационала, как это сделал тов. Ленин. И никого рабочие всего мира, рабочие-коммунисты и, смею думать, также десятки и сотни тысяч рабочих, еще входящих в социал-демократическую партию, еще не порвавших со II Интернационалом, никого не чувствуют в такой мере, никого не любят такой глубокой интимной любовью, как Владимира Ильича.

Владимиру Ильичу выпало на долю стать героем не только своего родного народа, но и героем всего международного пролетариата. В этом нет ни капли преувеличения. Это непреложный факт, который будет для нас выясняться с каждым днем и с каждой неделей все больше и больше.

Осиротел международный рабочий класс, осиротела больше всего наша родная Российская Коммунистическая Партия, которая имела величайшее счастье трудиться, работать, бороться, побеждать, а иногда терпеть горькие поражения под руководством Владимира Ильича. Его роль оказывалась особенно великой именно в момент поражения. Пусть вспомнят товарищи тяжелое лихолетье контр-революции 1908—1911 годов, когда все революционные партии были разбиты, когда и наша партия была разбита. Побежденная армия неизбежно подвергается, хотя бы частично, деморализации. Вспомните эту полосу безверия, уныния, распада. Вот в этой полосе Владимир Ильич, как звезда, сиял всем нам своею бодростью, своей верой, своим знанием, своим глубоким проникновением в ближайшее будущее. Он бодрил уставших, он собирал по горсточке оставшихся, уцелевших бойцов. Из этих горсточек, из этих маленьких групп людей он стал опять, в упорном труде, выковывать заново партию, и он подвел ее к годам нового подъема, когда в нашу опустевшую было организацию вновь устремился поток всего, что было живого и героического в рабочем классе нашей страны.

Товарищи! В течение месяцев и годов мы будем еще пытаться отдавать себе отчет в том, что же сделано для нашей страны. для всего международного пролетариата Владимиром Ильичем. Наше нынешнее собрание есть только первая, слабая, робкая попытка,—робкая, неумелая и слабая потому, что слишком еще велика горечь утраты, еще слова не идут с языка и еще тяжело нам сколько-нибудь объективными глазами посмотреть на то, что сделано Владимиром Ильичем для нашей страны. Нынешнее собрание, говорю я, есть только первая слабая попытка отдать отчет себе, отдать отчет лучшим представителям рабочего класса и крестьянства нашего Союза, а через них и всей нашей стране, а через нее и всему миру, отдать отчет в том, что сделал Владимир Ильич для нашей страны.

Владимира Ильича больше нет. Мы завтра опустим его в могилу.

Что будет дальше?

Разумеется, товарищи, этот вопрос должен быть поставлен и ставится уже каждым из нас, каждым рядовым участником нашей партии, каждым рядовым участником советской власти.

Что будет дальше? Сумеем ли мы, оставшиеся в живых, сумеет ли созданная Владимиром Ильичем партия и советская власть провести нашу страну дальше, в тот край обетованный, который носился перед духовным взором Владимира Ильича? Сумеем ли мы хотя бы с грехом пополам, напрягая все силы коллективного разума и коллективной организованности, выполнить то, чему учил нас Владимир Ильич?

Товарищи! Электрическая искра пролетела по рядам не только всей нашей партии, но и всего рабочего класса и очень значительных слоев крестьянства.

Наша партия будет единой. Наша партия теперь больше чем когда бы то ни было сплотится. Каждый рядовой и нерядовой участник нашей партии или советской власти лучше даст отрезать себе правую руку, чем сделает какой бы то ни было шаг, который хотя бы в малейшей мере может нарушить единство железных рядов Российской Коммунистической Партии или советской власти. Единство партии, это — основное, величайшее достояние, которое осталось нам от Владимира Ильича. Мы должны суметь сберечь его, как зеницу ока. С этим настроением мы разъедемся с этого траурного, но и великого съезда. Мы примем решения относительно того, как нам придется действовать дальше. Мы принесем клятву каждый в своем сердце.

Каждый на своем месте, куда его поставит партия или советская власть, куда его бросят превратности судьбы, куда его бросят потребности революции, каждый из нас, на каком бы он ни был посту, где бы ему ни пришлось работать, когда ему придется принимать решение, чреватое ответственностью, пусть он поставит себе вопрос: А что посоветовал бы в таком положении Владимир Ильич? А что сделал бы на моем месте товарищ Ленин? Что сказал бы он нам? Как присоветовал бы он нам?

Товарищи! Вы знаете, что многим и многим из нас приходится действительно почти каждый день принимать именно такие решения, которые чреваты величайшей ответственностью и крупнейшими последствиями не только для партии, но для всей страны, а иногда для ряда партий.

В особенности в последних случаях мы должны быть осторожны. Никто не относился так бережно к судьбам братских рабочих партий, как это делал Владимир Ильич. Если он вкладывал всю свою душу, всю свою добросовестность и всю осторожность в каждое решение, относившееся к судьбам нашей собственной партии, то еще гораздо более осторожно он подходил к тем решениям, которые касались братских партий других стран. Не было для него ничего более святого, чем дело помощи рабочим других стран, чем дело действительного выполнения долга интернационалиста. Нашей партии, как передовому отряду Коммунистического Интернационала, придется, и не раз, и в будущем принимать решения, которые близко касаются судеб рабочих партий в целом ряде стран. Товарищи! Для того, чтобы мы могли со спокойной совестью принимать решения, иногда, быть может, и ошибаясь, и поправляя честно и искренно свои ошибки, для того, чтобы мы могли продолжать сколько-нибудь удовлетворительно ту великую работу, которую завещал нам Владимир Ильич, для этого нам нужно больше и прежде всего единство наших собственных рядов.

Владимир Ильич провел нашу страну через самое глухое, через самое трудное время. Мы все уже теперь чувствуем: Россия становится, стала и будет становиться с каждым днем и с каждым годом все более богатой, все более великой рабоче-крестьянской страной.

Наш Союз Советских Социалистических Республик усилиями Владимира Ильича уже выведен на широкую дорогу. Самое трудное, что ни говорить, осталось позади. Неужели же мы промотаем

столь великое наследство, неужели все мы, все вместе, ученики Владимира Ильича, прошедшие школу у такого гениального руководителя, неужели все мы, имеющие за спиной три революции, неужели все мы, имеющие за собой неразрывную связь с такой превосходной пролетарской массой, которую мы наблюдаем в Москве и во всем Союзе Социалистических Республик, неужели же мы, окруженные доверием и любовью рабочих партий всего мира, всего, что ни есть честного, революционного в международном пролетариате, — неужели мы не сумеем выполнить эту сравнительно уже теперь не такую трудную задачу, какой она была в первые годы, в первые месяцы существования Советской власти?

Сумеем!

И как нам ни тяжело, товарищи, — выше голову!

Ответственность, которая ложится на нас, тяжела, но она не должна раздавить никого из нас. Эта ответственность ложится на железные плечи Российской Коммунистической Партии и Советской власти. Мы должны, мы обязаны суметь выполнить то, что завещал нам Владимир Ильич. Мы обязаны свет его учения понести в еще гораздо более широкие, беспредельные народные массы, мы обязаны облегчить и ускорить тот момент, когда десятки и сотни миллионов населения Китая, Индии, всего Востока, всего того Востока, историческую роль которого так высоко оценил и так хорошо сознавал Владимир Ильич и учил нас сознавать, — придут нам на помощь и вступят с нами в союз. Угнетенные народы мира уже идут навстречу к нам. Уже близок момент нашего с ними стыка. Неужели, товарищи, мы не сумеем выполнить той, повторяю, сравнительно не столь уже трудной задачи, какой она была несколько лет тому назад.

Мы должны, товарищи, разъехаться отсюда с сознанием того, что на нас легла нечеловечески трудная ответственность, но и с сознанием, вместе с тем, того, что Владимир Ильич оставил нам ключ к разрешению всех основных задач современности и оставил нам могучую организацию, которая имеет, если она будет едина, если она даст себе клятву до конца крепко стоять на том посту, который завещал Владимир Ильич, — имеет все основания надеяться, что она выполнит свою великую историческую миссию.

Близко время, когда на наших глазах будут лопаться, как мыльные пузыри, ныне еще большие с.-д. партии, желтые профессиональные союзы и т. д. Близок тот момент, когда десятки

и сотни тысяч ныне еще с.-д. рабочих перейдут к нам, когда из рядов рабочего класса будут выходить новые борцы, новые титаны мысли. Не может быть, чтобы грядущая развивающаяся на наших глазах международная пролетарская революция не дала нам новых крупных вождей. Она даст их нам. Наш собственный народ, талантливый и даровитый, сам будет выдвигать, вероятно, десятки и, может быть, сотни новых талантливых вождей, работников деревни, работников города, тех людей, которые сумеют завершить дело Владимира Ильича. И тем более такие вожди выдвинутся из рядов международного рабочего класса.

Пусть же заветы Владимира Ильича будут для нас святыми, в лучшем смысле этого слова. Будем помнить те простые, но замечательные слова, которые мы слышали сегодня из уст Надежды Константиновны и которая высказала их так, что лучше не мог бы сказать и сам Владимир Ильич. Будем достойны, товарищи, своего великого учителя, будем помнить, что на нас теперь больше чем когда бы то ни было смотрят не только трудящиеся Союза наших республик, но и трудящиеся всего мира. Будем же достойны, как сказала Надежда Константиновна, нашего великого учителя Владимира Ильича Ленина.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Наш вождь» — речь на заседании Второго Съезда Советов от 26 января 1924 г.; напечатана в экстренном выпуске, выпущенном 28 января 1924 г. редакциями газет «Ленинградская Правда» и «Красная Газета».

ЛЕНИН И РАБОЧИЕ [1].

В статье, посвященной памяти Карла Маркса, покойная Роза Люксембург писала:

«Если бы мы захотели в немногих словах сформулировать все, что сделал Маркс для современного рабочего движения, то мы бы сказали, что Маркс открыл современный рабочий класс как историческую категорию, т.-е. как класс с определенными историческими условиями существования и определенными законами исторического развития».

В. И. Ленину выпало на долю большее счастье: теоретически «открытый» Марксом рабочий класс он **повел** в бой. Под его руководством рабочий класс, по крайней мере одной из стран, превратился из «низшего» класса в **господствующий** класс. Его гением создана международная организация рабочих, поставившая себе эту же задачу в интернациональном масштабе.

Но если В. И. Ленину не пришлось уже «открывать» рабочий класс, то рабочий класс «открыл» самого В. И. Ленина. При первых же признаках начинающейся мировой пролетарской революции международный рабочий класс почувствовал именно в В. И. Ленине своего избранного вождя. Сам В. И. Ленин чувствовал себя всегда только первым из рабочих, выдвинутым ходом истории на первое место. Всем своим образом действий он как бы говорил нам: «Я только один из передовых рабочих; мне выпало на долю большее образование и дарование; мое дело собрать всех остальных рабочих и повести их в бой».

Это основное настроение В. И. Ленина тысячами невидимых нитей по «беспроволочному телеграфу» передавалось от сердца к сердцу в самые широкие круги беспартийных рабочих масс.

Глубоко любовное, интимно-любовное отношение широчайших слоев беспартийных рабочих масс к Владимиру Ильичу впервые отчетливо обнаружилось с особой силой в 1918 году, когда раненый эс-эровской пулей тов. Ленин боролся со смертью. Кто не помнит тогдашнего массового потока резолюций, заявлений, писаных самими рабочими и носивших какой-то совершенно особый отпечаток любовности, ласки и поклонения, в лучшем смысле этого слова.

Рабочая масса не слишком щедра на похвалы и громкие эпитеты. Рядовой рабочий скромен и застенчив в выражении

Вынос тела В. И. Ленина из дома в Горках.

своих чувств даже к любимому вождю. Но по отношению к В. И. Ленину этот рабочий-рядовик нашел в 1918 году такие слова, которые делали из некоторых резолюций беспартийных рабочих настоящие образчики художественной прозы.

То же самое, в еще большем масштабе, наблюдаем мы теперь, когда Владимир Ильич закрыл глаза навеки.

Прочитайте следующий отрывок письма работницы на смерть тов. Ленина. Безработная Никифорова пишет:

«Дорогой отец наш! Ты ушел от своих детей навеки...

Мы знаем, что скоро настанет тот час, когда со всех стран мира посыплются на твою горячую могилу венки...

Не утренняя летняя роса будет кропить ее, а слезы твоих детей, которые так горячо тебя любили и будут вечно преданы тебе»...

Кто усомнится в том, что эти слова выражают настроение всего того, что есть лучшего в рабочем классе?...

Одна слезинка такой работницы есть лучшая награда для пролетарского вождя.

Кто видел десятки и сотни тысяч рабочих, в благоговейном молчании ожидающих своей очереди, чтобы войти в Колонный зал и отдать последний долг усопшему, тот никогда не забудет этого зрелища, величавее которого не знала мировая история...

Кто знает отношение русских рабочих к Владимиру Ильичу Ленину, тот не сомневался в том, что в ответ на смерть учителя широкая беспартийная рабочая масса скажет какое-то свое особое слово. Мы не знали только, в чем именно оно будет заключаться. Теперь это уже ясно. Беспартийная рабочая масса отвечает тем, что массовым потоком устремляется в ряды той партии, которую создал В. И. Ленин.

В Петрограде и Воронеже, в Киеве и Харькове, в Москве и Иваново-Вознесенске, в Донецком бассейне и на Кавказе — всюду мы наблюдаем одно и то же явление: обнажая голову перед свежей могилой В. И. Ленина, беспартийные рабочие твердо и без лишних слов заявляют о желании вступить в ряды нашей партии.

Целые заводы постановляют — всем вступить в партию. Или — «отобрать лучших и послать в члены партии».

Это — совершенно исключительное явление. Важность его трудно переоценить. Партия должна внимательнейшим образом

изучить это явление, понять его и сделать из него все надлежащие практические выводы.

«В потрясенный утратой своего учителя и вождя организм Р.К.П. мы решили влить свою беспартийную силу путем нашего вступления в ряды славной Р.К.П.» Так пишут беспартийные рабочие патронного завода в Москве.

На совместном летучем митинге рабочих чугунного завода «Москуст» и «Мотомашина» утром 23 января присутствовало около 400 рабочих; 99 из них заявили желание немедленно вступить в партию. В ячейку завода «Красный кожевник» поступили десятки подписей беспартийных рабочих с такими же заявлениями. «Кто покрепче — в ряды Р.К.П.; будем стремиться к тому, чтобы все лучшее отдать в ряды Р.К.П.»

Эти голоса несутся из кругов беспартийных рабочих крупнейших заводов-гигантов Петрограда и других городов. «Собравшиеся 50 беспартийных рабочих выделили из себя наиболее крепкую пятерку и посылают ее в ряды членов Р.К.П.» Такие резолюции начинают поступать десятками.

Это движение только еще начинается. К нему надо суметь прислушаться, его надо суметь поддержать. Недавно закончившаяся наша всесоюзная партконференция постановила в течение ближайшего года привлечь в ряды нашей партии не менее чем 100.000 новых членов партии исключительно из рабочих от станка. Решение это принято до смерти Вл. Ильича. Если решение это было правильно и глубоко жизненно до 21 января, — день, когда Владимир Ильич закрыл глаза навеки, — то оно еще гораздо более правильно и жизненно теперь.

Мы не говорим уже о тех сотнях и тысячах резолюций беспартийных рабочих, которые только в общей форме говорят о необходимости «укрепить нашу Р.К.П.» Мы не говорим о тех рабочих, которые исключительно под влиянием чувства заявляют сейчас о своей верности нашей партии, мы не сомневаемся, что если бы проходящим в течение последних дней к Колонному залу Дома Союзов сотням тысяч рабочих мы предложили записываться в партию, добрая половина сделала бы это с величайшей искренностью. Мы говорим здесь исключительно о той наиболее крепкой, закаленной части беспартийных рабочих, для которых их нынешнее отношение к Р.К.П. есть нечто вполне созревшее и обдуманное.

В такие дни, как переживаемые ныне, каждый из нас с особенной ясностью видит, насколько сильна наша партия, насколько

срослась и сроднилась она, несмотря на все наши слабости, с глубочайшей массой беспартийных рабочих. С тревогой спрашиваем мы на наших съездах и конференциях: а сколько у нас членов партии, работающих у станка? а не слишком ли мала эта группа? а не отрываемся ли мы от масс? Это—законная тревога. Мы не были бы последователями тов. Ленина, если бы не задавали себе такие вопросы и не старались во-время принимать необходимые меры. Но тот отклик, который встречает кончина Владимира Ильича у сотен тысяч и миллионов беспартийных рабочих нашего Союза Республик, показывает, что, в конце концов, вопрос о том, как велика количественно группа членов нашей партии, работающих непосредственно у станка, все же есть вопрос только подчиненный. Мы были и остаемся партией рабочего класса, плотью от плоти его. Рабочие массы нашей страны не знают и не хотят знать никакой другой партии, кроме той, которую создал и выпестовал Владимир Ильич.

Пусть наша партия обратит самое пристальное внимание на то замечательное движение, которое началось в широких кругах беспартийных рабочих в последние дни. Мы должны пойти всеми силами навстречу этому движению. Если нам удастся в ближайшее время привлечь целый новый слой рабочих от станка в нашу партию, это будет лучшим венком на свежую могилу Владимира Ильича. Тот новый слой рабочих, который после необходимого отсеивания войдет в нашу партию в связи с наметившимся в последние дни подъемом среди беспартийных пролетариев, будет, мы уверены, не худшим слоем. Эти свежие слои вчера еще беспартийных рабочих, при помощи нашей партии, сумеют получить надлежащий закал и марксистское воспитание, и они станут достойными продолжателями дела Владимира Ильича.

Вчера мы случайно подслушали разговор двух рабочих.

Первый: Что же мы будем делать теперь без него (Владимира Ильича)?

Второй: Эх, теперь все ж не так уже трудно будет. Что делали бы мы, если бы он умер три-четыре года тому назад?

Так простые рабочие переводят на свой язык слова поэта:

> . . . Не говори с тоской: их нет.
> Но с благодарностию: были . . .

Несчастье, обрушившееся на голову нашей партии, воспринято **всем рабочим классом** нашей страны, как свое собственное несчастье. Умер лучший друг народа. Но и самой смертью своей

он еще и еще раз сплотил тот класс, знаменосцем которого он был.

Ближе, еще ближе к рабочим массам — вот наше ответное движение на начавшийся подъем среди беспартийных рабочих. Только такая политика нашей партии будет достойна Владимира Ильича.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Ленин и рабочие» — статья из № 22 газеты «Ленинградская Правда», от 27 января 1924 г.

КОНЧИНА ЛЕНИНА И ЗАДАЧИ ЛЕНИНЦЕВ (1).

Можно ли представить себе человека, который когда-либо слышал Владимира Ильича и забыл бы об этом? А слышали его живую речь сотни тысяч, если не миллионы людей. Каждому, кому выпадало на долю счастье непосредственно слышать Владимира Ильича, тов. Ленин как бы передавал частицу самого себя. Где бы ни были сегодня эти сотни тысяч и миллионы людей, слышавших Ленина или даже только слышавших о Ленине, как бы разбросаны ни были эти люди по всему свету, многие и многие из них, если не все, вспомнят сегодня о Владимире Ильиче с просветленным чувством глубокой душевной благодарности к тому, кто, как никто, с такой неслыханной силой ударил по сердцам всего борющегося за лучшее будущее человечества. Во всем мире, на всех языках миллионами и миллионами трудящихся сегодня повторяется одно имя: Ленин.

У каждого, кто знал Ленина, кто слышал Ленина, сегодня прежде всего просится наружу чувство личной благодарности к тому, кто поднял на такую недосягаемую высоту идею рабочего класса, кто сделал человечество выше на целую голову. С тем большей силой такое чувство просится наружу у всех нас, членов той партии, которую создал гений Владимира Ильича, у тех учеников Владимира Ильича, которые в течение двадцати лет и больше работали бок-о-бок с ним, вместе с ним переживали горечи поражений и радости побед, учились у него и знали его не только как гениального вождя, но и как человека и учителя.

14 марта 1883 г., в день смерти Маркса, Энгельс писал старому товарищу Маркса — Зорге:

«Все явления, даже самые ужасные из них, совершающиеся по законам природы, чреваты утешением. Так и в данном случае. Искусство врачевания могло бы, может быть, продлить ему пару лет растительного существования, жизнь беспомощного, лишь во славу искусства докторов, не сразу, а медленно умирающего существа, но такой жизни наш Маркс не перенес бы. Жить, имея перед собою ряд незаконченных работ, и испытывать муки Тантала при мысли о невозможности довести их до конца — было бы для него в тысячу раз тяжелее спокойной смерти... По моему мнению, после всего пережитого, другого исхода не было; это я знаю лучше всех врачей».

Сегодня, когда пред нами лежит сухой протокол врачебного вскрытия тела Владимира Ильича, приходится, к несчастью, повторить эти слова Энгельса в применении к тов. Ленину. Упорный склероз — результат нечеловеческого перенапряжения сил на непосильно тяжелой умственной работе — сделал положение Владимира Ильича безнадежным и до того последнего удара, который разразился 21 января и привел к катастрофе. Ленин, лишенный возможности говорить, писать, вести людей на борьбу, работать и работать! — можно ли себе представить бо́льшие муки для этой мятежной натуры, для этого бунтовщика из бунтовщиков и мыслителя из мыслителей?..

Но возьмем сердце в руки. Пусть каждый сам с собой переживет те чувства, которые естественно будит в нас кончина Владимира Ильича. Попробуем уже сейчас со всей холодностью и спокойствием, которым учил нас Владимир Ильич, наметить задачи, поставленные перед ленинцами кончиной тов. Ленина.

До самого последнего времени все мы, вся наша партия, не переставали верить в то, что Владимир Ильич вернется еще к работе. Верили в чудо: ведь Ленину десятки и сотни раз удавалось то, что казалось совершенно неразрешимым. Теперь — свершилось. Партия должна работать без Ленина.

«Движение пролетариата пойдет своим путем, но не будет уже центра, к которому в критические минуты спешили за помощью французы, русские, американцы и немцы, получавшие от него всегда ясные и верные советы; такие советы, которые мог дать только гений и человек, в совершенстве владеющий предметом». Так писал Энгельс в день смерти Маркса.

Это чувство осиротелости переживаем сегодня все мы.

Задачи, которые стояли перед марксистами в 1883 году—после смерти Карла Маркса—были трудны и сложны. Но во сколько же раз труднее и сложнее те задачи, которые стоят перед нами, марксистами-ленинцами, в 1924 г., когда нас покинул тов. Ленин?!

После смерти Маркса перед марксистами стояли задачи в первую голову теоретические. Международное рабочее движение переживало полосу глубокого безвременья. Первый Интернационал распался, Второй еще не успел сложиться. Французское рабочее движение—да и не одно оно—все еще не оправилось после тяжелого разгрома Парижской Коммуны 1871 г. Международное революционное рабочее движение только еще выходило на широкую дорогу. Главная задача заключалась в том,

чтобы великое теоретическое наследие, оставленное Марксом, сделать достоянием широкого рабочего движения.

Задачи марксистов-ленинцев теперь — куда сложнее и ответственнее. Международная пролетарская революция началась. Она одержала свои первые победы в одной из крупнейших стран мира. И в то же время все трудности великой борьбы за осуществление пролетарской диктатуры в международном масштабе еще впереди. Второй Интернационал миазмами своими все еще отравляет международное рабочее движение. Задачи Коммунистического Интернационала, созданного Владимиром Ильичем, усложняются с каждым днем. Путь становится все более извилистым и тяжелым. Идущий к своей победе международный пролетариат в лице своих отдельных отрядов еще не раз и не два собьется с пути и, обливаясь кровью, будет искать новую дорогу. Разгромленный в первой мировой империалистической войне, распятый и обманутый лже-вождями из Второго Интернационала — международный пролетариат еще не освободился от кошмарного ощущения бездорожья. Перед марксистами-ленинцами, которые должны теперь руководить международным рабочим движением без нашего несравненного мастера и вождя, стоит непочатый край труднейшей не только теоретической, но и практически-политической работы.

Первая задача ленинцев в России заключается в том, чтобы в отсутствие Ленина закрепить прежде всего основную идею ленинизма — союз рабочего класса и крестьянства. Коренная и основная задача Р.К.П. после смерти Ленина заключается прежде всего в этом. Своей работой мы должны добиться того, чтобы в кратчайший срок миллионы и миллионы российского крестьянства поняли: Ленин умер, но ленинская партия в основном вопросе, определяющем судьбы всей русской революции, будет с еще большей энергией вести прежнюю политику. Добьемтесь того, чтобы в кратчайший срок среди активных слоев крестьянства не осталось ни одного человека, который не знал бы: партия большевиков ведет попрежнему и еще с большей силой политику нерасторжимого союза рабочего класса и крестьянства.

Вторая задача Р.К.П. заключается в том, чтобы еще больше укрепить связь партии с беспартийной массой рабочих. Смерть Ленина задела за живое не только рабочего-коммуниста, но и рабочего-беспартийного. Если мы хотим исполнить заветы Владимира Ильича, мы должны работать так, чтобы

через короткое время миллионы и миллионы беспартийных рабочих нашего Союза республик поняли: Ленин умер, но созданная им партия не промотает ленинского наследства, а сумеет с еще большей силой устанавливать связь передовиков-коммунистов со всей остальной беспартийной рабочей массой; она сумеет ленинским плугом подымать новые, все более глубокие пласты; она сумеет поднимать с низов беспартийных рабочих; она сумеет поддержать каждого рабочего, в котором есть хоть искорка дарования; она сумеет помочь многомиллионной рабочей массе учиться и учиться, поднимать свой культурный уровень, приобщаться к делу социалистического строительства.

Третья задача, стоящая перед ленинцами, заключается в том, чтобы во что бы то ни стало уберечь единство созданной Владимиром Ильичем партии. Самое великое, что создал гений тов. Ленина, это — взрощенная и взлелеянная им Российская Коммунистическая Партия. Все лучшее, что было у Владимира Ильича, он отдал нашей партии. Кровью своего сердца спаял он ее. Партию нашу Владимир Ильич всегда мыслил, как монолитное целое, как вылитую из одного куска организацию, которая умеет собрать воедино все, что есть сильного во всем рабочем классе. В этом смысле наследство, оставляемое Владимиром Ильичем Лениным, несравненно более драгоценное наследство, чем даже то, которое оставил марксистам Маркс, когда он умирал в 1883 г. Российская Коммунистическая Партия была и должна остаться авангардом рабочего класса, его главой, его коллективным вождем. Выполнить эту задачу наша партия может, разумеется, лишь в том случае, если она останется единой. Еще во много раз острее, чем до сих пор, вся партия, как один человек, будет реагировать на всякую попытку разбить ее ряды.

Четвертой нашей задачей является — остаться партией воинствующего большевизма. Через пестрядь нэпа, через трудности переходного периода, маневрируя в окружении буржуазных врагов, отступая, когда это нужно, для того, чтобы завтра лучше наступать, — остаться партией воинствующего большевизма, какой нашу партию создал тов. Ленин. И для этого — видеть все опасности, связанные с эпохой нэпа, не закрывать глаза на существующие опасности перерождения, беспощадно бороться с извращениями ленинизма и с рецидивами мелко-буржуазных взглядов, откуда бы они ни шли.

Вспоминаются первые дни Смольного после великого октябрьского переворота. Сотни и тысячи солдат из окопов, крестьяне, одетые в солдатские шинели, загорелые и обросшие, лавиной стремились в Смольный, чтобы посмотреть на Ленина, перемолвиться с ним несколькими словами, спросить его о том, что будет с Россией, что будет со всеми нами дальше. Тысячи и тысячи таких крестьян-солдат пытливо заглядывали в глаза Владимиру Ильичу, в котором все они чутьем действительных представителей народа угадывали нового вождя России. Иные из этих солдат буквально изучали тов. Ленина. Каков ты есть? Сумеешь ли ты повести нас к победе, к новой жизни? Теперь, когда этот колосс скошен безжалостной смертью, русский рабочий и крестьянин обратит столь же пытливые взгляды ко всей нашей партии, созданной тов. Лениным. Рабочий и крестьянин спросит нашу партию: «А поведешь ли ты нас к победе теперь, когда Ленина не стало».

Давайте же работать так, чтобы мы имели право ответить и рабочему классу и крестьянству: поведем! Партия, которую выпестовал тов. Ленин, сумеет оказаться на высоте требований, предъявляемых нам великой исторической эпохой.

Перед ленинцами русскими, перед ленинцами в Коммунистическом Интернационале и во всем мире стоят неизмеримой важности грандиозные задачи. Важнейшее наследие, оставляемое нам усопшим учителем, это 1) Союз Советских Социалистических Республик и 2) Коммунистический Интернационал вместе со своим авангардом — Р.К.П.

В сознании неизмеримой важности стоящих перед нами задач, которые отныне мы вынуждены будем решать собственным коллективным опытом, без гениальных советов Владимира Ильича, мы во что бы то ни стало должны сплотиться в еще более тесную семью. Смерть тов. Ленина не может не послужить сигналом для братского сплочения всех тех, кто действительно являются ленинцами. Будем стараться работать так, чтобы всем вместе, хотя бы в малой степени, заменить Владимира Ильича. Давайте вносить в то великое дело, которое завещал нам Владимир Ильич, его преданность, его осторожность, его спокойствие, его энергию и мужество, его любовь к делу и хоть немного его дальновидности.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Кончина Ленина и задачи ленинцев» — статья из № 20 газеты «Петроградская Правда» от 25 января 1924 г.

В. И. ЛЕНИН — ГЕНИЙ, УЧИТЕЛЬ, ВОЖДЬ И ЧЕЛОВЕК (1).

1. Мировое значение Ленина.

Товарищи! Уже около месяца прошло с того дня, как Владимир Ильич закрыл навеки глаза. За эти несколько недель каждый из нас стал старше на добрых двадцать лет.

Понесенная нами утрата принадлежит к числу тех, которые едва ли смягчаются даже все сглаживающим временем. Не подлежит сомнению, что на всем протяжении дальнейшего пути, как нашего, так и следующих за нами поколений рабочего класса, мы будем, на каждом повороте, ощущать с острою болью эту жестокую потерю. Как в минуты тяжелых поражений все до одного трудящиеся будут вспоминать о том, кто лучше и легче всех мог бы вывести их из злой беды, так и в час торжества их дела они будут с горечью думать о том, что уже нет впереди них того, кто заложил основу их победы.

Товарищи! Говорить о Владимире Ильиче — значит говорить о судьбах нашей великой страны, о двух войнах и трех революциях, которые она пережила за последние десятилетия, о переломных годах, наметивших грань целой эпохи, о трехсотлетнем рабстве, еще совсем недавно отошедшем в прошлое. Больше того: говорить о Ленине — значит говорить о борьбе международного рабочего класса за свое освобождение, об империалистической бойне и о брошенных ею повсюду семенах пролетарской революции, о начале восстания угнетенных народов; это значит говорить о том новом человечестве, о той новой эре, свидетелями и современниками которой являемся мы все. Словом, говорить о Владимире Ильиче в настоящую минуту — очень трудно.

Мне уже пришлось однажды, с этой же трибуны, подробно изложить биографию Владимира Ильича. Это было в 1918 году, когда он начал оправляться от тяжелой раны, нанесенной ему эс-эровской пулей. Это было в то время, когда при известии о том, что Владимир Ильич был на пути к выздоровлению, у всей трудящейся России вылетел вздох облегчения от сознания, что мы вырвали нашего вождя из цепких объятий смерти. Это было в момент, когда он возвращался в наши ряды, и у нас учащенно бились от радости сердца.

А теперь?!

Мы знаем, товарищи, что в широких народных кругах ныне интересуются не столько той ролью, которую Владимир Ильич сыграл в истории нашей партии и первой революции, в деле организации, скажем, первой революционной газеты «Искра» или на втором съезде партии; мы знаем, что народ интересуется гораздо больше тем, как Владимир Ильич жил, и разными отдельными штрихами и эпизодами из его повседневного существования. Есть люди, которых занимают даже такие подробности, как квартирная обстановка Владимира Ильича и вопрос о том, курил ли он. Одним словом, народ интересуется всем тем, что создает в его воображении не только образ учителя и вождя, но и лик человека. И я знаю, поэтому, заранее, товарищи, что беру на себя непосильную и почти невыполнимую задачу — сказать в немногих словах о том, чем был Владимир Ильич для международного рабочего класса и — теперь об этом можно говорить громко и смело — для всего нового человечества.

Ильич был могуч, как океан. Врагам нашим он был так же страшен, как тот суровый 27-градусный мороз, при котором мы опускали в могильный склеп его останки. Он умел быть, для враждебного ему мира, для буржуазии и социал-предателей, неприступным и грозным, как Монблан. Но, в то же время, каким близким, ласковым и доступным умел он быть для каждого рабочего и труженика, с которыми ему приходилось встречаться на своем жизненном пути. Сынов нашего класса он умел согревать, как теплое южное солнце, лучами своей великой любви. Он был *товарищем* в полном и подлинном смысле этого слова, оправдывая высказанное несколько лет тому назад Горьким мнение, что это слово — символ нового человечества. Да, Владимир Ильич умел быть товарищем в этом отныне великом значении этого слова, будучи нам в то же время и учителем, и братом, и вождем, и другом.

Вместе с тем, Владимир Ильич никогда не старался подлаживаться к массе и никогда не принижал своих идей к уровню ее предрассудков, от которых она не свободна. Будучи ей близким и родным, в самом лучшем смысле этого слова, он видел свою задачу в том, чтобы поднимать массу к пониманию тех великих задач, знаменосцем, провозвестником и пророком которых он был.

Владимир Ильич стал лицом историческим уже давно. Все мы, работавшие под его ближайшим руководством, не всегда

отдавали себе в этом отчет. Мы очень высоко ценили его личность, но мы все же недооценивали ее. Так бывает, когда стоишь слишком близко к высокой горе: не видишь ее истинных размеров и постигаешь их лишь тогда, когда отойдешь на некоторое расстояние.

Можно сказать, что за последние десять лет почти каждый шаг Владимира Ильича приводил в движение миллионы людей во всем мире.

Когда Владимир Ильич, в апреле 1917 года, приехал в наш город и произнес десятиминутную речь с броневика на площади у Финляндского вокзала, в тот день сразу же дрогнула вся Россия; в тот день вся буржуазия в нашей стране и во всем мире грозно ощетинилась против него, сразу почувствовав в его лице смертельного врага; но в тот же день громадная рабоче-солдатская масса, которую пытались восстанавливать против Владимира Ильича, сразу поняла. своим чутьем истинных сынов народа, что к ней приехал ее вождь, лучший друг и верный руководитель. И с тех пор почти каждое выступление Владимира Ильича становится мировым событием. В течение мая - июня 1917 года и в Петрограде, и во всех других крупных революционных центрах клокочут революционные страсти, все потоки которых скрещиваются у имени Владимира Ильича. Одни ненавидят его безграничной ненавистью, другие бесконечно ему верят, третьи безоговорочно за ним следуют. И когда, в отплату за июльские дни, позорной памяти меньшевистско-эс-эровское правительство бросило комом грязи во Владимира Ильича, пытаясь обвинить его в шпионстве, — этот ком грязи отскочил от него и попал в тех же эс-эров и меньшевиков. И опять не только вся Россия, но и весь мир разделился на два лагеря: за Ленина и против Ленина, твердо и непоколебимо стоявшего в центре бушевавшей вокруг него революционной и контр-революционной бури.

Нечего и говорить о том, что еще значительнее была роль Владимира Ильича в великие Октябрьские дни 1917 года, положившие начало новой эпохе не только для нашей страны, но и для всего человечества. Появление Владимира Ильича, после долгой нелегальной жизни, на первом после Октябрьской революции заседании Петроградского Совета стало мировым событием. Я не знаю в истории борющегося человечества другого момента, столь насыщенного содержанием, столь много предопределившего, как тот, когда Владимир Ильич появился на этом

заседании—через полчаса после взятия Зимнего дворца — перед собранием боготворивших его тогда — и вполне справедливо — петроградских рабочих. А когда Владимир Ильич потребовал заключения Брестского мира, его слова моментально стали историческими, и вокруг его выступления снова забушевали страсти и сосредоточились чаяния сотен тысяч и миллионов людей.

То же самое мы видим и дальше, на протяжении всей его беспримерной деятельности. Когда, в 1918 году, он был ранен и в течение нескольких дней боролся со смертью, вместе с ним чутко страдали миллионы людей и в нашей стране, и на всей земле. Многие из нас помнят эту неделю, когда бесчисленная, как морской песок, пролетарская семья ждала с затаенным дыханием момента, когда можно будет сказать, что жизнь товарища Ленина вне опасности. Да, в те дни, когда он боролся со смертью, Владимир Ильич еще глубже вошел в сердце трудящегося человечества. И впоследствии, в каждую трудную минуту, когда революция проходила свой тернистый, крестный путь, в годы голода, блокады и беспощадной гражданской войны, каждое выступление Ленина становилось событием не только в России, но и на всем земном шаре. За эти годы Владимир Ильич стал вождем рабочего класса, руководителем всего честного в крестьянстве, светлой надеждой угнетаемых национальностей всего мира.

Вот почему теперь, когда Владимир Ильич умер, когда его жена за несколько часов до его похорон нашла в себе достаточно сил и мужества, чтобы выступить с речью о роли Владимира Ильича в истории, — вся Россия, от мала до велика, от рабочих до маленьких детей, плачет о потере дорогого человека. И мы видим в эти великие и печальные дни, что даже своей смертью Владимир Ильич сослужил рабочему классу всего мира и, прежде всего, своей родной стране такую службу, которую не могла бы сослужить даже целая партия во всей ее совокупности. Даже в гробу Владимир Ильич остается апостолом коммунизма, даже в могиле он продолжает быть призывом и кличем для рабочего класса нашего государства и всей земли.

Кто мог бы представить себе, всего несколько часов тому назад, то могучее движение, которое мы наблюдаем сейчас в самых широких кругах рабочего класса, устремившегося в ряды нашей партии после кончины Владимира Ильича? Пусть назовут в нашей истории, и даже в летописях всего человечества, событие, хоть сколько-нибудь похожее на то, которое мы переживаем.

Мировая история знала не мало великих людей, но никогда еще смерть одного человека не будила в миллионах сердец столь могучего порыва, под влиянием которого десятки и даже сотни тысяч рабочих неудержимо устремились теперь в нашу партию.

II. Ленин—теоретик и политик.

Я попытаюсь, товарищи, указать, в самых основных чертах, чем был и чем остается Ленин для всего международного рабочего класса.

Мы все знаем, что Ленин, это—пророк нового человечества и апостол коммунизма, в лучшем смысле этого слова, что это—человек, одно имя которого заставляет учащенно биться сердца миллионов людей.

Говорят, что в каждой школе будет устроен «уголок Ленина». Это очень хорошо: пусть дети рабочего класса, пусть все дети Советского Союза имеют в каждой школе такой уголок. Но еще важнее тот факт, что такой «уголок Ленина» существует в сердце каждого из мыслящих рабочих и в нашей стране, и во всем мире. В этом уголке каждый из нас знает полновесную цену тов. Ленину.

Но задача настоящей речи не в том, чтобы дать исход тем чувствам, которые должен переживать могучий коллектив в целом и каждый из нас про себя, а в том, чтобы попытаться уяснить себе сколько-нибудь хладнокровно значение Владимира Ильича в области теории и в области практики.

Обратимся, прежде всего, к Ленину, как к теоретику.

Владимир Ильич продолжал дело Карла Маркса, причем ему удалось внести в его учение не мало нового, своего. Мне думается, что в революционный марксизм Владимир Ильич внес следующие пять новых, решающих моментов. Первое, это—взгляд на крестьянство. Это, пожалуй,—самое основное в ленинизме, главнейшее открытие Владимира Ильича: соединение рабочей революции с крестьянской войной. Второе, это—соединение гражданской войны пролетариата против буржуазии с национально-освободительной борьбой угнетенных национальностей. Третье, это—теория государства. В. И. не только нарисовал нам новый тип человеческого общежития, новую форму государственного устройства, но еще

провел его в жизнь, вчерне закончив эту постройку. Четвертое, это — оценка империализма, как последнего этапа загнившего капитализма. Эта оценка была, в общих чертах, дана Карлом Марксом, но он не мог предвидеть последнюю фазу заката капитализма, связанную с империалистическими войнами и с происходящим на наших глазах загниванием буржуазного строя. И, наконец, в пятых, это — теория и практика диктатуры пролетариата.

Владимир Ильич больше всего интересовался теми вопросами, которые составляют суть и основу человеческого общежития и касаются миллионов людей; он интересовался тем, какое значение придает масса всем происходящим в мире событиям, и, по этой причине, он больше всего думал о таких простых, но коренных вещах, как о жизни рабочего в городе, об укладе деревенского быта, об условиях существования и взаимоотношениях отдельных национальностей, об идеальном типе государства, о раскрепощении женщины, о воспитании молодежи, об освобождении колониальных и полуколониальных народов и о многом другом в этом роде. И если приглядеться к каждому из этих вопросов, то станет ясно, что они—из тех, которые интересуют не столько умственную аристократию, сколько толщу человеческого общества.

III. Ленин и его отношение к крестьянству.

Как уже сказано выше, вопрос о роли крестьянства является в большевизме или в ленинизме—основным. Еще у Маркса есть беглое замечание о необходимости соединения борьбы рабочих с войной крестьян против помещиков. Но Владимир Ильич поставил этот коренной вопрос пролетарской революции иначе: он сумел обосновать его не только в теории, но и далеко продвинуть вперед на практике. Кто не понял всей новизны того, что Владимир Ильич сказал в этом вопросе, тот не понял и не может понять сущности ленинизма и основной тактики большевиков. Надежда Константиновна правильно заметила в своей речи в Москве, что наш русский рабочий является одной стороной — рабочим, а другой — крестьянином.

Мало того. В настоящее время вполне ясно, что вышеприведенное положение Владимира Ильича имеет значение не только общерусское, но и международное. Коммунистический Интернационал, который в недалеком будущем отметит лишь первое

пятилетие своей работы, который, другими словами, только начинает расправлять свои крылья, будет черпать из оставленной нам Владимиром Ильичем сокровищницы полными пригоршнями, зная, что дальнейшее развитие пролетарской революции пойдет именно по линии соединения классовой борьбы рабочих и войны крестьян против помещиков.

Очень долгое время точку зрения Владимира Ильича в этом вопросе не понимали. Даже такой выдающийся человек, как Плеханов, и тот говорил ему в 1906 году, на Стокгольмском съезде: «В новизне твоей — нам слышится старина», т.-е. что от идеи Ленина о союзе рабочих и крестьян против помещиков пахнет-де ветхим народничеством. Да, даже такие светлые умы, как Плеханов, и те не могли рассмотреть ту великую разницу, какая была между постановкой вопроса о крестьянской революции у Владимира Ильича и у лучших представителей народничества. Даже Плеханов не разглядел, что именно здесь Ленин нашел то оружие, с помощью которого рабочий класс нашей страны и всего мира получит возможность не только поднять восстание, подобное Парижской Коммуне, но и добиться полной победы. А между тем, эта простая и ныне вошедшая в плоть и кровь каждого большевика идея объединения рабочего класса и крестьянства, идея соединения гражданской борьбы рабочих и войны крестьян, — одно из великих и гениальных открытий Владимира Ильича. Оно создало для рабочего класса нашей страны не только конкретную возможность подняться, не только восстать, как это было в 1905 году, но и победить, разгромить буржуазию, переломить ей спинной хребет и взять власть в свои руки, чтобы повести народ дальше по пути строительства нового государства. И все же надо сказать, что в этом вопросе об отношении большевизма к роли крестьянства мы стоим лишь у истока дальнейшего интернационализирования взглядов Владимира Ильича.

IV. Ленин и освободительное движение угнетенных национальностей.

Мысль о соединении гражданской войны пролетариата с национально-освободительной борьбой угнетенных народов высказал вскользь еще Маркс. Он был гениальным человеком, но он жил в более раннюю, чем Владимир Ильич, эпоху и такого рода идеи мог, поэтому, выражать лишь в самой общей форме. Глядя

на борьбу ирландцев с их угнетателями—англичанами, он бросил свою замечательную фразу о том, что не может быть свободным тот народ, который угнетает другие. Он учил тогда английский пролетариат — поддерживать угнетенных ирландских рабочих и крестьян против их собственной, английской буржуазии. Но то, что у Маркса было лишь гениально брошенным словом, у Ленина облеклось в плоть и кровь, стало одной из основ всей его политики. И это дало ему возможность в такой стране, как наша, населенной десятками различных национальностей, найти какие-то еще незатронутые струны в сердцах сотен тысяч, миллионов и десятков миллионов людей.

Ленин велик не только тем, что он сплотил наш родной рабочий класс и, как одного человека, повел его за собой: величие Владимира Ильича заключается еще в том, что, став во главе пролетариата, он сумел найти для него союзников, которые дали ему полную и прочную победу. Первым таким союзником было крестьянство, вторым — угнетенные национальности. Величие Ленина заключается не только в том, что он, как никто, знал душу рабочих, но и в том, что он сумел достучаться до сердец других слоев населения, затронуть самые чуткие струны и у крестьян, и у миллионов людей угнетенных национальностей, среди которых еще нет пролетариата, нет развитых классовых противоречий, а местами господствует даже средневековой уклад. Благодаря своей прямой, честной и неустрашимой политике в национальном вопросе, Ленину удалось в кратчайшее время, стоя во главе Совнаркома, завоевать беспредельное доверие миллионов угнетенных прежде национальностей, привыкших презирать все русское и ненавидеть Россию, когда она была царской и буржуазно-демократической. Светлый гений Владимира Ильича подсказал ему, что одной из первых задач пролетарской революции должна быть не только организация пролетариата, но и завоевание крестьянства и полного и непоколебимого доверия десятков миллионов угнетенных национальностей, живущих в нашей стране и во всем мире.

V. Теория государства.

Теперь перейдем к теории государства. Как только в Европу прилетела первая весть о Февральской революции, Владимир Ильич, находившийся еще в Цюрихе, в эмиграции, немедленно прочитал свой первый реферат, в котором он проводил идею

государства-коммуны. Заграницей жили тогда лучшие умы нашей собственной партии и самые видные представители меньшевиков и эс-эров. Громадное большинство людей, слушавших реферат Ленина о новом типе государства-коммуны, сочли его идеи сплошными бреднями и пустой фантазией. Дальше буржуазной демократии типа американской или французской республики ни один из орлов революционной эмиграции и революционных партий вообще не шел. И только Владимир Ильич, за тысячу верст, приложив ухо к земле, почувствовал то новое, что несла наша революция. Еще в тот момент, когда председателем совета министров был князь Львов, а военным министром — Гучков, Владимир Ильич издалека учуял, что это была не просто одна из буржуазных революций, а что это поднимался народ-гигант, что пришла в движение невиданная дотоле человеческая масса, что дело шло о начале социалистической революции.

Мы все еще помним, как на другой день после своего исторического выступления на площади у Финляндского вокзала Владимир Ильич произнес, перед собранием меньшевиков и эс-эров и небольшим числом наших товарищей, свою знаменитую речь, в которой он развивал конкретный план советской республики. Еще в вагоне, когда мы переезжали из Швеции на финляндскую границу, через Торнео, произошла,—я хорошо это помню—наша первая встреча с революционными солдатами того времени. Правительство Керенского послало встретить нас небольшой воинский отряд. Мы думали, что оно сделало это для того, чтобы нас арестовать, и, на всякий случай, мы завели с солдатами беседу, которая продолжалась целый день и всю ночь. Надо было видеть это первое знакомство Владимира Ильича с первой группой революционных войск. Начальником посланной навстречу нам команды был немолодой солдат, убежденный оборонец, приходивший в ярость при слове «Германия»: до того он был заражен шовинистским дурманом. Надо было видеть, как Владимир Ильич, выщупывая каждую косточку у этих солдат-одиночек, представлявших огромную массу «добросовестных оборонцев», как называл их Ленин, старался выпытать у них, чем жил и дышал народ. Владимир Ильич ни на одну минуту не забывал, что громадное большинство было тогда против нас.

Присутствуя на заседаниях тогдашнего Петросовета, где наши товарищи и единомышленники составляли ничтожное меньшинство, какую-нибудь одну пятидесятую часть всего зала, Владимир

Н. К. Крупская у гроба В. И. Ленина.

Ильич умел слушать в оба уха, о чем говорили «добросовестные оборонцы», умел выспросить у каждого из них, что его привязывало к оборонческой тактике; и он делал это удивительно спокойно и выдержанно, будучи глубоко уверен в том, что завтрашний день будет наш. Он шел против этого течения, разъясняя ошибки оборончества и надеясь, что рано или поздно ему удастся переубедить громадное большинство инако-мыслящих людей.

Вспоминаю свое совместное с ним выступление в Ротах, в Семеновском полку, который тогда усиленно на нас натравливали. Товарищи убеждали Ильича туда не ездить, опасаясь, что его выступление может плохо для него кончиться. Когда мы приехали в казарму, нам пришлось пройти через строй молодых офицеров, которые, глядя на Ильича, скрежетали от ненависти зубами, считая нас подосланными Германией шпионами. Больше получаса пришлось Владимиру Ильичу объяснять, почему он ехал через Германию, после чего он постарался перейти к вопросу о земле и войне. Он знал, как никто из нас, народ, знал крестьянина и солдата из деревни. И это свое знание он использовал, как виртуоз, как величайший агитатор всех времен, ибо он говорил со своими слушателями так, что их сплошная серая масса, которую незадолго до того против него восстанавливали, которая, в первую минуту, смотрела на него волком, — что эта сплошная серая масса уже через час вынесла его на руках. Я уверен, что все солдаты и значительная часть бывших там офицеров, — независимо от их образа мыслей и если они еще живы, — хорошо помнят эту речь Владимира Ильича и считают ее до сих пор величайшим событием своей жизни... Или возьмем выступление Ленина перед броневиками в манеже, где громадное большинство было не с нами, где были люди, которых также натравливали на Владимира Ильича, которые смотрели на него косо и были даже готовы, частично, поднять его на штыки. Это было до Июльских дней, когда мы были еще меньшинством. Надо было видеть и здесь, в этой казарме, как умел Владимир Ильич одним своим видом, подходом и правдивым словом, которое шло от сердца к сердцу, достигать удивительного результата, когда каждый простой человек не мог не понять, что перед ним был истинный друг народа, за которым можно было итти с закрытыми глазами, зная, что он приведет, куда надо.

В это неимоверно трудное время, когда надо было итти против течения, Владимир Ильич проявил исключительное величие.

Несмотря на то, что громадная часть России не хотела сначала взять в толк его слов о новом типе государства, несмотря на то, что Плеханов еще раньше говорил о взглядах Ленина, как о смешной мечте, а другие называли их просто-напросто нелепой фантазией, — несмотря на это, Ленин все же шел против этого широкого и враждебного ему фронта и сумел в короткий срок сделать лозунг «Вся власть Советам» самым популярным не только среди рабочих, но и среди мелких тружеников, не только среди трудящегося Петрограда, но и среди всей трудящейся России. Этот лозунг «Вся власть Советам» кажется нам теперь чем-то элементарным, азбучным, само собою разумеющимся, а между тем далеко ли то время, когда он был чем-то новым и неслыханным, когда даже для самых острых революционных умов он звучал небывалой утопией.

Ныне, в переводе на простой язык, этот лозунг означает новую теорию государства, которую нам дал Владимир Ильич.

VI. Ленин и империализм.

К вопросу об империализме, как последнем этапе капитализма, гниющего и разлагающегося, Владимир Ильич подошел сначала как чистый теоретик. Все мы знаем его небольшую, но насыщенную содержанием книгу «Империализм, как последний этап капитализма», которая была написана еще в эмиграции, до Февральской революции. Владимир Ильич должен был, в надежде, что она пройдет через царскую цензуру, говорить в ней эзоповским языком. Это сделало книгу, в некоторых отношениях, еще более ценной. Необходимо читать эту работу Ленина, надо изучать ее, подобно тому как он сам изучал Маркса, которого он перечитывал по пять и десять раз. Это сочинение написано не обычным пламенным стилем Владимира Ильича, и в нем нет ни одного открытого революционного призыва, но каждая его цифра дышит огнем борьбы и каждое его положение открывает нам новые горизонты.

VII. Ленин и диктатура пролетариата.

Немало нового сказал Владимир Ильич и в вопросе о диктатуре пролетариата. Эту теорию Маркс разработал детальнее, чем остальные части революционного марксизма, но и в этой области он мог выступать лишь как теоретик, ибо что̀ было перед

ним в то время? Движение чартистов в Англии и первая великая попытка восстания парижских коммунаров, по поводу которой Маркс писал, обращаясь к буржуазии: «Вы хотите знать, господа буржуа, что такое диктактура пролетариата? Взгляните на Парижскую Коммуну!» Но движение французских коммунаров было раздавлено и потерпело поражение, причем одной из главных причин его неудачи была та, что оно не составляло единого целого и что французские рабочие не имели своей коммунистической партии. Парижская Коммуна была конгломератом отдельных течений и фракций в рабочем движении, не скрепленных и не связанных одним общим узлом, то-есть, другими словами, в ней не было вылитой из одного куска партии, не было единого руководства.

Маркс мог говорить о диктатуре пролетариата лишь в самых общих чертах, и только Владимир Ильич в своей книге о роли государства и в своих многочисленных и в высшей степени ценных работах и речах дал нам подлинную теорию диктатуры пролетариата, законченную от начала до конца, и такую богатую и неисчерпаемую тактику ее, что понадобятся десятки лет для ее изучения и приложения к жизни.

VIII. Ленин — русский и международный революционер.

Владимир Ильич был одинаково великим революционером русским и международным.

Он был русским, можно сказать, с головы до ног. Он был воплощением России, он знал ее и чувствовал. Несмотря на свое многолетнее изгнание и на долгие годы эмигрантской жизни, от него, как говорят, веяло русским духом. Когда он жил в каких-нибудь семи верстах от русской границы, в Кракове, он часто ездил на границу, чтобы «глотнуть русского воздуха». Он дышал Россией, он ее чувствовал, он ощущал каждую пылинку на русской дороге; он был, повторяю, русским с головы до ног. Никто не знал лучше него русского рабочего и всего того, чем последний отличается от немецкого и французского. Никто не знал лучше него и русского крестьянина со всеми его слабостями и со всей его мощью. Владимир Ильич — этот классический тип пролетарского революционера — сумел найти местечко в сердце каждого крестьянина... Но вместе с тем, больше чем

кто либо из русских революционеров, Ленин был революционером международным. Мы знаем на страницах истории несколько крупных фигур русских революционеров, получивших интернациональное значение. Это — Бакунин, отчасти — Герцен, Кропоткин, в значительной мере — Лавров и, наконец, Плеханов, стоявший во главе определенного течения не только в русском рабочем движении, но и во главе всего II Интернационала.

Владимир Ильич — международный революционер в гораздо большей степени, чем все эти пять человек, вместе взятые. Он сумел воплотить в себе, для пролетариата всего мира и для мировой революции, все то, что было сильного в Бакунине, в Герцене, в Кропоткине, в Лаврове и в Плеханове, прибавив к этому свое несравненное, прямо изумительное знание массы и бесконечную в нее веру. Никто так не верил, как он, в творческую силу рабочего класса не только своей страны, но и всего мира. Никто так не умел дышать одной грудью с рабочими, где бы они ни жили — в Москве или в швейцарском городе Берне, — как Владимир Ильич. Все это, а также глубокая уверенность в непосредственной близости пролетарской диктатуры, — не через двадцать пять лет, а сейчас, завтра, — сделало его международным революционером, в подлинном смысле этого слова, еще задолго до того, как он стал председателем Совета Народных Комиссаров нашей республики.

Именно этим объясняется тот факт, что смерть Владимира Ильича больно задела рабочих всего мира, нисколько не меньше, чем русских. Как-то инстинктивно международный рабочий класс, — когда он стал чувствовать, если уже не сознавать, что в его истории переворачивается новая страница, — начал искать того, кто возглавит международную революцию, кто возьмет в свои руки ее знамя и поведет вперед мировой пролетариат. И такого вождя международный рабочий класс нашел в лице Ленина. Вот чем объясняется, что теперь, когда Владимир Ильич закрыл навеки глаза, по нем плачут не только миллионы русских рабочих и крестьян, но с такою же искренностью и с такою же глубиною его оплакивают и крестьяне в Албании, и труженики в Мексике, и пролетарии в Нью-Йорке, в Париже, в Копенгагене и в Пекине, — всюду и везде, где есть рабочие и трудящиеся. Негры в Америке и китайские кули, сотни тысяч и миллионы людей, знавших Ленина только по наслышке и, может быть, не читавших ни одной его книги, людей, знавших только эти пять

букв: Ленин, — поняли, что он воплощал в себе новое человечество, новое знамя, новую главу истории, новое и уже недалекое светлое будущее. Ленин сумел стать вождем назревающей международной революции еще задолго до того, как он сделался главою Советской власти, а такая честь и такое счастье выпадают лишь на долю избранных.

IX. Ленин—строитель Р. К. П.

Как строитель нашей партии, Ленин проявил, в особенности в первом периоде ее организации, небывалую «твердокаменность» и необычайную «узость», как говорили наши противники. Он смело выступал против предрассудков, распространенных даже в рабочем классе,—против «широкого» демократизма внутри собственной партии, и это в такое время (теперь это, конечно, не так), когда этот демократизм мог быть полезен только самодержавию и был бы гибелен для нас. Владимир Ильич твердо настаивал на том, что партию необходимо строить сверху, что надо, путем личного отбора людей, создать такой генеральный штаб будущей массовой пролетарской партии, который в тот день, когда начнется революция, поведет за собою массы.

Он неустанно требовал от нас железной дисциплины. Мы знаем, что это не всегда приятная вещь, когда и днем, и ночью, из года в год, слышишь одно и то же суровое требование неуклонной железной дисциплины в своих собственных рядах. Дисциплина сама по себе—вовсе уж не такое благо, которое могло бы прельщать всех и каждого. Для многих и очень многих из нас, это—крест, это—теневая сторона нашей работы. Товарищ Ленин все это, конечно, знал, но он знал также, что без беспощадной железной дисциплины ничего не добиться, и он упорно требовал ее и от себя, и от других. Он высмеивал то, что он называл «интеллигентской хлюпкостью», то-есть недостатком дисциплины, метаньем из стороны в сторону, погоней за модными словечками и «течениями». Он бичевал каждого из нас, кто поддавался этой интеллигентской хлюпкости, свойственной, увы, не только интеллигенции, но иногда и отдельным рабочим, и неумолимо вытравлял ее каленым железом из наших рядов. Он стремился выковать и выковал несравненное оружие освобождения рабочего класса: величайшую из партий, равной которой не было до сих пор во всем мире. С особенной силой, в середине 90-х годов, Владимир Ильич подчеркивал необходимость создания самостоя-

тельной рабочей партии. Теперь нам и это кажется азбукой, а было, между тем, время, когда многие деятели из искренних сторонников пролетариата считали, что, пока не будет свергнут гнет царизма, рабочий класс самостоятельной политической партии не сорганизует, что он должен на время соединиться с демократической буржуазией и только уже потом строить свою самостоятельную рабочую партию. Никто, как Ленин, не ненавидел так царский режим; никто, как он, не питал такой жгучей ненависти к романовскому отродью; но, вместе с тем, он понимал, что «откладывать» дело создания самостоятельной политической партии—нельзя, и, понимая это, он сумел использовать для этой цели и для борьбы с самодержавием каждую буржуазно-демократическую силенку. С середины 90-х годов Владимир Ильич неустанно пропагандирует свою идею создания самостоятельной политической партии, не переставая смотреть на рабочий класс, как на гегемона, как на коренника революции, как на основную силу, которая свергнет царя, а затем—буржуазию. Товарищ Ленин создавал нашу партию в кропотливой повседневной работе; он строил ее камень за камнем, и часто то, что он создавал годами, царские жандармы разрушали в одну-две недели. Но Владимир Ильич не смущался и снова принимался возводить здание нашей партии. И только сочетание его будничной работы с гениальным полетом его ума помогло ему довести до конца это великое дело.

X. Ленин—строитель Коминтерна.

Поскольку можно говорить о роли личности в каком нибудь деле, Коммунистический Интернационал — детище Ильича. Если создание партии было важнейшей задачей всей его жизни, то еще с бо́льшим благоговением Владимир Ильич подходил к той работе, которая касалась не только русских, но и рабочих партий всего мира. Для него это место было свято. Ошибиться в рамках собственной партии — конечно тяжело, но это еще полбеды. А вот сделать ошибку, которая отразится на рабочих других стран, — этого Владимир Ильич боялся пуще всего. И каждому из нас он, прежде всего, внушал свое чувство благоговения к делам Интернационала. К вопросам международного рабочего движения, ко всему тому, что касается немецких крестьян, китайских кули, американских негров или французских рабочих, он учил нас подходить с особенно горячим сердцем, но с холодной и всегда ясной головой.

«Сем раз отмерь, один раз отрежь» — ибо это святое дело рабочего класса всего мира, — вот чему учил нас Ильич.

На первых конференциях в Циммервальде и Кинтале, где собирались небольшие горсточки революционеров, Владимир Ильич, в минуту разгрома всего международного рабочего движения, когда знамя пролетариата было затоптано в грязь, попрежнему твердо верил в звезду мирового рабочего движения. Мы подымаем это знамя, — говорил он, — мы его почистим от грязи, мы понесем его дальше и создадим III Интернационал. И начавши с небольшой работы, с чисто личной обработки каких-нибудь пяти или десяти человек швейцарских рабочих, продолжая, затем, это дело в Коминтерне, с его I конгресса до IV, на котором Владимир Ильич выступал, несмотря на отговаривание его близких, уже больным, с надломленными силами, он неутомимо трудился над международным сплочением рабочего класса. Мы все помним его небольшую речь на немецком языке на IV всемирном конгрессе Коминтерна. Когда он кончил, он едва держался на ногах, до того он устал. Он был весь мокрый от пота. И все же он не хотел отказаться от выступления перед конгрессом. Он хотел, хоть в нескольких словах, сказать рабочим всего мира, что у нас в Советской России дело идет вперед, что нэп нас не загубит, и что мы останемся коммунистической партией; он с гордостью говорил конгрессу, что мы уже заработали на нэпе восемь миллионов рублей золотом, и, как бы показывая это золото представителям международного пролетариата, он говорил, что мы употребим эти деньги на электрификацию России, на поднятие нашей социалистической промышленности. Он говорил делегатам конгресса: «Мы вас поддержим, надейтесь на нас, у нас крепкие плечи; готовьтесь солиднее, не принимайте боя слишком рано; копите силы и бейте буржуазию наотмашь, разите ее прямо в грудь только тогда, когда вы будете уверены в том, что победите ее». Таков был смысл его речи на IV конгрессе, речи, ставшей его лебединой песнью.

Возьмите маленькую брошюру Ленина «о болезнях левизны в международном коммунизме». Разве это не евангелие для всего рабочего класса? В ней учтены все трудности и ухабы, через которые приходится итти интернациональному рабочему движению. Для тактики компартии эта работа имеет не меньшее значение, чем «Капитал» Маркса для теории коммунизма. Каждая строчка насыщена в ней опытом рабочего движения, подобранным во всех

уголках земного шара. Владимир Ильич знал, как никто, рабочее движение не только в Европе, но и в Америке, и во всем мире. Он старался узнавать его руководящих людей, чтобы создать настоящий международный Ц. К. — Исполнительный Комитет Коминтерна. Вот почему Владимир Ильич, как руководитель огромного государства, был всегда обременен всяческими тяготами и заботами, просиживая день и ночь на наших конгрессах, продолжавшихся иногда по месяцу. Часто можно было видеть, как где-нибудь в уголке Кремлевского зала он стоит, бывало, час-другой с каким-нибудь рабочим из Англии, Германии или Франции и, держа его за пуговицу, втолковывает ему историю нашей революции или указывает на те трудности, которые будут стоять на пути европейского пролетариата. Владимир Ильич предвидел между прочим великобританское рабочее правительство уже на втором конгрессе Коминтерна, когда ни один английский коммунист еще и не думал об этом. Он говорил тогда об этом будущем событии со многими из нас и рассматривал его во всех подробностях, предсказывая те громадные затруднения, те плюсы и минусы, которые будет заключать в себе такое «рабочее» правительство. Он интересовался малейшими деталями международного рабочего движения ничуть не меньше, чем самыми серьезными нуждами Советской России. Он принимал самое деятельное участие во всей не только политической, но и организационной работе Коминтерна. Я вспоминаю знаменитые двадцать одно условие для вступления в Коммунистический Интернационал. Они были написаны мною, но были вдохновлены целиком тов. Лениным, ибо именно он был отцом той мысли, что надо на десять засовов закрыть двери перед теми «вождями», которые идут к нам только под давлением масс, а не по убеждению. Именно он учил молодых коммунистов Запада строить свои партии при помощи тщательного отбора их членов, так сказать, зернышко за зернышком. И он был, конечно, прав, потому что во многих партиях еще и сейчас совсем не такое положение, чтобы они могли подобно нам принимать к себе сотни тысяч единомышленников. Еще во многих странах, где коммунистические партии только создаются, они переживают еще свои 90-е и 900-е годы.

Владимир Ильич чувствовал великое уважение к своим предшественникам, ко всем строителям новой жизни, к борцам революции, но столь же великое презрение питал он к пигмеям 2-го

и $2^1/_2$-го Интернационалов. Сегодня мне попался номер газеты за 1922 год, в котором была помещена статья тов. Ленина по поводу десятилетнего юбилея «Правды». Владимир Ильич, вспоминая в ней о ходе нашей революции, о судьбах Интернационала, писал следующее о нынешних представителях 2-го Интернационала:

«Они никак не могут сообразить, что, с точки зрения развития международной революции, переход от чартизма к лакействующим перед буржуазией Гендерсонам, или от Варлена к Реноделю, или от Вильгельма Либкнехта и Бебеля к Зюдекуму, Шейдеману и Носке похож на «переход» автомобиля от гладкого и ровного шоссе, которое тянется на сотни верст, к грязной и вонючей, в несколько аршин, лужице, застоявшейся на той же дороге».

«Люди сами творят свою историю, — продолжает Владимир Ильич в той же статье. — Но чартисты, Варлены и Либкнехты творят ее своей головой и своим сердцем, а вожди 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов производят сие совсем другими частями тела: удобряют почву для новых чартистов, для новых Варленов и для новых Либкнехтов» *).

Тов. Ленин говорил об этих господах довольно грубо, но зато, повторяю, он питал величайшее уважение к таким своим предшественникам, как Варлен и Вильгельм Либкнехт и даже как Август Бебель, который одной своей половиной принадлежал к старой героической эпохе, а другой был оппортунистом. Владимир Ильич глубоко чтил и Плеханова, внушая и нам уважение к таким деятелям.

Из того наследства, которое нам осталось от Ленина, важнейшим является Коммунистический Интернационал, международное коммунистическое движение, воплощающее чаяния и надежды не только русского рабочего класса, но и всего международного пролетариата. И к этому делу борьбы рабочего класса всего мира мы должны подходить с величайшим вниманием, с трепетной заботой о том, чтобы машина работала правильно, чтобы она шла по верной дороге, чтобы она не сбилась с указанного ей Ильичем пути. И мы подойдем к этому делу с той безграничной в него верой, какую нам внушил Владимир Ильич.

*) «Московская Правда», № 98, 1922 г.

XI. Ленин и империалистическая война.

Я хотел бы коснуться еще одного момента: периода империалистической войны. Я думаю, что это событие было самым важным, так сказать, переломным в жизни Владимира Ильича, каким оно было, впрочем, и для всего человечества. Тов. Ленин, этот титан мысли, реагировал на него и в своей личной жизни, и в своей политической деятельности чрезвычайно остро. Если он был *большим* до 1914 года, то после того он стал *великим*.

Империалистическую войну Владимир Ильич воспринимал почти болезненно, как оскорбление, нанесенное и ему самому и всему человечеству. Я помню, что он был напряжен тогда, как натянутая струна; вес преобразился — словно переживал каждый выстрел, раздававшийся на полях сражений.

Тов. Ленин не принадлежал к числу людей, которые боятся пуль или не могут равнодушно видеть кровь. Все мы знаем, как спокойно он мог слушать, работая у себя в кабинете, грохот пальбы, а в те дни, когда наша советская страна вся дрожала, находясь на волоске от гибели, он невозмутимо смотрел десятки раз в лицо смерти.

Владимир Ильич так болезненно реагировал на каждый залп во время империалистической войны не потому, что он относился сантиментально к разрушению какого-нибудь замечательного собора или к гибели человеческих жизней. Нет. Он подходил к этому не как пацифист, а как революционер. В ту минуту каждая жилка дрожала в нем потому, что он чувствовал в ходе событий роковой перелом: либо буржуазия физически истребит цвет международного рабочего класса и на десятки лет отгонит его назад, либо мы, сумев воспользоваться моментом, когда миллионы людей находились под ружьем, а у рабочих были в руках винтовки, продвинемся далеко вперед. Он бросил тогда лозунг: империалистическую войну надо превратить в гражданскую.

Владимир Ильич жил тогда больше всего в Швейцарии, в Цюрихе, в бедном квартале, у одного сапожника, с которым он был в дружеских отношениях; после того он переехал в Берн. Ему негде было расправить свои орлиные крылья. Они были связаны. У него не было ни крупной газеты, ни значительной аудитории. Мы были оторваны от России, вести откуда приходили крайне редко. Вполне понимаю, что в это время Владимир

Ленинградская делегация в Москве.

Ильич действительно томился, как орел в клетке, но именно в это время он становился, повторяю, из большого великим. Он рос не по дням, а по часам, впитывая в себя все то революционное недовольство, которое в эти годы сеяли ужасы войны во всем мире. Все то, что рабочие Англии, Франции, Германии, Польши и России передумали, лежа в окопах, все их разговоры он как будто бы подслушал; он как будто бы собрал воедино все слезы матерей, и все стоны, которые исторгала у трудящихся мировая империалистическая бойня, отзывались, словно на арфе, в сердце тов. Ленина. С необыкновенной чуткостью переживал он все тогдашние события. Он худел, и с каждым днем обострялись черты его лица. Он как бы накоплял весь гнев революционного рабочего класса, который буржуазия и капиталисты гнали на убой. И вот тогда в мозгу его зародились идеи, сделавшие его бессмертным и славным на вечные времена. Его сочинения того времени были, по моему мнению, чем-то в роде перевода романа «Война и мир» на язык пролетарской революции. Как известно, в этом своем произведении Толстой, как величайший художник, отразил, объективировал и увековечил многие проблемы войны и мира. Владимир Ильич также собрал все стоны и слезы с полей битв, все возмущение революционного рабочего класса, который разбойники-империалисты тогда задавили, засунув ему в рот кляп. И всему этому он дал выражение в своих блестящих сочинениях и воззваниях, вскоре зазвучавших, словно набатный колокол, по лицу всей земли.

XII. Ленин—провидец.

В то время, в начале империалистической войны, когда кризис социализма невыносимо тяжким бременем давил на каждого из нас, когда среди рабочего класса и его передовых отрядов лишь отдельные люди, вроде Либкнехта, решались робко протестовать против дьявольской войны, — в то время, повторяю, Владимир Ильич рос не по дням, а по часам, крылья его ширились и крепли, он складывался постепенно в того великого вождя, который стал потом пророком международной пролетарской революции.

Товарищи! Нет ни одной области, к которой почти вплотную не подошел бы тов. Ленин, и в которой он не сказал бы своего вещего слова. Переберите важнейшие темы: Ленин и рабо-

чий, Ленин и крестьянин, Ленин и «кухарка», которая должна, по его мнению, научиться управлять государством, Ленин и молодежь, Ленин и работница, Ленин и красная армия, Ленин и советское государство, Ленин и народное образование, Ленин и дети, Ленин и профсоюзы, Ленин и Парижская Коммуна, и так далее. Все эти вопросы Владимир Ильич трактовал, обогатил и в каждом из них он сказал что-либо новое и почти всегда пророческое.

Мы знаем, что никто не относился так отрицательно к громким фразам, как тов. Ленин, и он наверное запротестовал бы. если бы его назвали пророком и ясновидцем. Да, конечно, это — затасканное слово, и оно, действительно, мало подходит к облику Владимира Ильича, но все же нельзя не изумляться тому, сколько подлинного предвидения проявил он в своей деятельности. Повидимому, это в порядке вещей, и всегда так бывает, что когда на рубеже двух эпох родится человек, мозг и сердце которого воплощают все, что есть лучшего и прогрессивного во всем человечестве, в его передовом классе (в данном случае — в рабочем), то такой человек, сам того не замечая, естественно и просто разбрасывает вокруг себя пророчества, а изумленные люди смотрят и видят, как мало-по-малу исполняется все, что он предсказал.

Возьмите вопросы о пролетариате и крестьянстве, о соотношении классов в революции. Разве то, что сказал по этому поводу Владимир Ильич, не истинное пророчество? Если в 90-х годах он мог предсказать подлинное соотношение, основную координацию двух великих классов — крестьянства и рабочих — в огромной стране, насчитывающей 150 миллионов населения, если он мог это предсказать и если это исполняется точка в точку, то разве это не удивительное историческое предвидение? Возьмем, далее, его идею гегемонии пролетариата. Разве не пронес он ее через три революции, разве не пропагандировал он ее четверть века? А кто же не видит теперь, что то была не выдумка литератора и теоретика, а ясновидение острого ума. А когда, в 1914 году. Владимир Ильич сказал о превращении империалистической войны в гражданскую, — разве это не было удивительным пророчеством? Ведь в то время не нашлось бы, пожалуй, десяти человек во всем мире, способных этому поверить. Да и в нашей собственной партии таких людей не нашлось бы: почти все считали тогда, что это революционное увлечение — и только.

В 1894 году Владимир Ильич написал свое первое крупное произведение, задержанное царской цензурой и опубликованное лишь несколько месяцев тому назад. Оно называлось: «Что такое друзья народа». Автору его было тогда только 25 лет; он еще был юным революционером, только что появившимся на арене борьбы, молодым орленком с неотросшими еще крыльями. Рабочий класс был в то время еще очень слаб, и не было никакой партии. И вот Ильич, в конце этой книги, бросил пророческие слова:

«Когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Это тов. Ленин написал в 1894 году, тридцать лет тому назад, в эпоху неслыханной царистской реакции. Разве это не великое предвидение? А в течение последующих тридцати лет своей деятельности Владимир Ильич только и делал, что развивал эту небольшую фразу со столь огромным содержанием. Когда все это вспомнишь, начинаешь понимать, что в 1894 году тов. Ленин, в сущности говоря, уже вполне сформировался, и что дальнейшая его деятельность была направлена лишь на внесение в массу того, что он тогда высказал.

Когда мы были в одной партии, в одном Интернационале с меньшевиками, Ильич бросил в 1908 году фразу, что наша литературная борьба с ними была предвестницей надвигавшейся гражданской войны, которая будет решаться на баррикадах. Много ли было тогда людей, бравших всерьез эти слова. Я полагаю, что во всей партии не нашлось бы и сотни таких. Все думали: «Это не так страшно, нас только две фракции одной и той же партии, — как-нибудь обойдется». А теперь мы все хорошо знаем, что еще пятнадцать лет тому назад Владимир Ильич уже ясно предвидел то, чему нас научила только революция 1917 года. То же можно сказать и о государстве-коммуне и о Коминтерне. Когда тов. Ленин бросил лозунг — «Третий Интернационал», — ему поверила только маленькая кучка людей. Никто и мысли не допускал, что это когда-либо сбудется. То же

относится и к электрификациии нашей страны, если перейти в область других примеров. Совершенно ясно, что и тут тов. Ленин предвидел многое из того, во что верили только немногие, считая такое чудо невероятным и не представляя себе, что оно скоро станет совершившимся фактом. То же можно сказать, наконец, и о Союзе Советских Республик, в который, в свое время, верили очень немногие.

XIII. Ленин, как человек и товарищ.

Я хотел бы сказать еще о Ленине, как о товарище и человеке, сказать о том, что так интересует — по вполне понятной причине — каждого члена нашей партии и каждого рабочего вообще. Надежда Константиновна верно заметила, что Ленин умел не только говорить с рабочими, но умел и слушать их. А это великое искусство, которым обладают далеко не все. На свете гораздо больше таких людей, которые умеют говорить, чем таких, которые умеют слушать по-настоящему. Владимир Ильич принадлежал к числу последних. Именно поэтому он и сумел, как никто другой, впитать в себя, как губка, все то, что есть здорового и реального в жизни рабочего класса. И он умел делать это во всех положениях: и в 1905 году во время первого Петербургского Совета Рабочих Депутатов, когда он, сидя на хорах Вольно-Экономического Общества, прислушивался к словам рабочих и работниц, жадно поглощая каждое их слово; и на массовых собраниях, когда, сидя на ступеньках крыльца, среди рабочих, он разговаривал с ними, прислушиваясь к каждому их звуку. При этом он умел из нескольких слов составлять себе целую картину. Я помню, как в те дни, когда нас травили и подготовляли погром редакции «Правды», а Владимир Ильич был принужден прятаться на случайных квартирах, он умел, поговорив со случайно встреченной им работницей или кухаркой, уяснить себе, как преломлялась у нее буржуазная травля и что ее отталкивало от большевизма. Он сумел, за долгие недели своих скитаний в Июльские дни, скрываясь в окрестностях Сестрорецка, в шалаше, где-то у стога сена, поговорить по-настоящему с приютившей его рабочей семьей и составить себе ясное понятие о том, как она живет.

У тов. Емельянова, у которого мы тогда прятались в жалкой лачуге, был 16-летний сын, считавший себя в то время

левее тов. Ленина: он был анархистом. И вот надо было видеть, товарищи, сколько часов потратил Владимир Ильич на беседы с этим юношей, стараясь выяснить, как пришел он к анархизму, и переубедить его, доказав, что мы правы. В каком бы положении ни оказывался Владимир Ильич, он всегда умел использовать каждую возможность, чтобы войти в соприкосновение с живым, истинным рабочим. Он любил рабочий класс не как абстракцию, не как отвлеченную категорию, как зачастую любят пролетариат кающиеся интеллигенты,—нет, у него была настоящая, живая, действительная любовь к каждому подлинному труженику: к маляру, красившему дом в Горках, к сапожнику, шившему ему сапоги, к кухарке-латышке, готовившей ему обед, и к каждому встреченному им на своем пути работнику, со всеми его сильными и слабыми сторонами. Удивительно хорошо сказала Надежда Константиновна, что сердце Ильича горячо билось для каждого трудящегося. Владимир Ильич мог казаться иногда неприступным, ибо не любил, чтобы его считали сентиментальным, хотя этим последним качеством, в лучшем смысле этого слова (т.-е. настоящей человечностью), он обладал. Всякий чувствовал, что в его сердце горел яркий огонь — высшая любовь к каждому истинному труженику. Я не скажу, чтобы Владимир Ильич не знал себе цены. Он знал ее, но он был человеком рабочей артели, частью коллектива; никакого эгоцентризма в нем не было. Он не говорил: «я считаю нужным» или «я требую», а всегда—«п а р т и я считает нужным» или «п а р т и я требует». Но свое историческое призвание он знал, причем это выходило у него всегда очень просто и естественно, ибо всякий понимал, что Ленин говорил от имени миллионов, что он был призван для этого историей. В этом смысле Владимир Ильич часто ощущал себя так: «Я, Ленин, и крестьянская Россия»; «я, Ленин, и рабочий класс»; «я, Ленин, и буржуазные государства», и даже еще больше: «я, Ленин, — вождь русского народа, — и вся остальная вселенная». Без трескучих фраз, без малейшего преувеличения своей роли, Владимир Ильич понимал, что ему выпало на долю возглавлять великую революцию; он сознавал свое историческое призвание, но, вместе с тем, он был человеком большой человечности, редкой простоты и замечательной теплоты. Он как бы воплощал в себе коллективную волю, энергию, любовь и мужество всего рабочего класса. За то на него и устремлялась вся любовь угнетенных и вся ненависть угнетателей.

Не было человека более доброго и ясного, более сердечного, чем тов. Ленин. Всюду и везде он был одинаков. Например, в тюрьме. Я знаю из хорошего источника, что, попав в первый раз в заключение, он сразу повел оттуда кипучую работу: посылал на волю листовки, писал там статьи и быстро стал душою всего своего тюремного коридора. Он, бывало, часами выстукивал своему соседу: «Крепко закрывай форточку тряпкой, чтобы у тебя не слишком сквозило», и, в то же время, излагал ему теорию гегемонии пролетариата и разъяснял ошибки народников. Я видел тов. Ленина в тюрьме в Галиции, где в начале войны он был арестован австрийским правительством по обвинению — ни больше, ни меньше — как в военном шпионаже. Он сидел в деревне Новый Тарг, недалеко от Кракова, и мы его там посещали. Он сразу стал любимцем всей тюрьмы, где отбывали наказание несколько крестьян за недоимки и с десяток уголовных преступников. И вот все эти люди сошлись на том, что сделали тов. Ленина чем-то вроде своего старосты, и Ильич с величайшей готовностью отправлялся, под конвоем тюремной стражи, покупать для всей этой компании махорку. В то же время он разъяснял арестованным крестьянам местные законы, которые изучил по книжкам, стремясь помочь темным поселянам выбраться из поглотившей их долговой ямы. И галицийские мужики сразу полюбили тов. Ленина за бодрость духа, за силу воли, за готовность помочь им и за ласку к простому человеку. И подобно тому как в этой чужеземной тюрьме, в самом смешанном обществе, с людьми, с которыми он с трудом мог объясняться на ломанном польском языке, Ильич сразу стал душою общества, так бывало и везде, куда только он ни попадал.

Сила воли у Владимира Ильича была необыкновенная. Она не оставляла его и в болезни, до самых последних дней. Об этом свидетельствует ряд примеров. Но рассказать о них еще не настало время... Тов. Ленин не переставал шутить, смеяться и напевать в такие трагические минуты, когда каждый другой на его месте мог бы только плакать... И чем больше была сила его воли, тем меньше замечал ее он сам. Он не сознавал, насколько он был силен во всем том, что сделало его не только гигантом мысли, но и гигантом воли, не только великим теоретиком, но и настоящим вождем. Казалось, что собранные воедино воли всего рабочего класса, все упрямство давно угнетаемого, но ныне освобождающегося и идущего к власти пролета-

риата, весь его талант, вся настойчивость русского мужика и многомиллионной массы русского народа, все дарования и способности нашей страны, все его леса, долины и реки, вся духовная мощь огромного государства, — все это, казалось, собралось в одном его мозгу, в одном его сердце, в одной его воле. И это делало Ильича не только великим революционером, не только великим учителем, но и человеком прежде всего. Каждый, кто имел с ним хотя бы самое незначительное, мимолетное соприкосновение, уносил с собой самое светлое о нем воспоминание.

Почитайте, товарищи, отзывы о нем его врагов. Какую дань уважения и изумления сумел исторгнуть у них Владимир Ильич. Люди, которые никогда его не видели, как будто чувствовали исходивший от него и пробегавший через океаны электрический ток. И одни из них с радостью вбирали в себя эту электрическую волну, в то время как другие чувствовали, что она смоет буржуазию. Но и те, и другие понимали, что Ленин — величайшая фигура, которую когда-либо знало человечество. Как государственного деятеля, как теоретика и вождя, Владимира Ильича, конечно, знал и знает весь мир. Как человека, — его знало гораздо меньше людей. Но одно можно сказать: всякий, кто знал его, никогда не забудет этого образа истинно великого человека... Владимир Ильич любил природу во всех ее видах и проявлениях. Этот величайший мыслитель умел резвиться как юный комсомолец. Он бывал первым запевалой на прогулках, самым быстрым конькобежцем в нашей компании, лучшим велосипедистом, прекрасным туристом; он ловче всех лазил на снежные горы, любил охоту и был готов одним из первых выкупаться в ледяной воде горной галицийской речки; он умел, как никто, смеяться с заражающим весельем, насвистывать и петь.

Тов. Ленин, на плечах у которого было такое огромное дело и такая великая ответственность, работал последние годы так, словно он родился председателем и руководителем Коминтерна, словно он всегда управлял громадным государством, а не был жившим на чердаках голодным эмигрантом, тюремным сидельцем и ссыльным. Вся машина управления партией и страной двигалась в его руках так плавно, как будто она была давным-давно налажена и шла сама собой. И это в такие годы, какими были 1918 и 1919. А в самые тяжелые минуты, когда Деникин под-

ходил к Орлу, когда в нескольких верстах от Петрограда стоял враг, когда утром убили Урицкого, а вечером стреляли в самого Ленина, когда на фронтах косили целые полки, когда мы не умели еще обращаться с оружием, когда история громоздила на каждом нашем шагу невероятные препятствия, — в эти тяжелые минуты Владимир Ильич становился еще спокойнее, еще сдержаннее, и еще плавнее шла у него государственная машина. Он не спал иногда по целым ночам, но если вам случалось провести ночь в соседней с ним комнате, то на утро он беспокоился о том, что вы плохо спали, делая вид, будто сам он выспался отлично... Так жил и работал этот замечательный человек.

И не удивительно, товарищи, что он, буквально, сгорел на работе. Мы это знаем после результатов вскрытия, после того как специалисты-анатомы видели его мозг и объяснили нам каждую его извилину. Лучшие немецкие профессора сказали: «Мозга, не сгоревшего на работе, осталось у Владимира Ильича только четверть». И приходится удивляться могучему организму тов. Ленина, сумевшему в таких условиях сохранить так много интеллектуальной силы и понимать положение вещей гораздо глубже, чем человек со здоровым мозгом. Вам, конечно, известны, товарищи, все те глупые измышления, которые наши враги пытались пустить в ход, чтобы «объяснить» причины болезни Ильича. Ныне виднейшие представители науки не оставили камня на камне от этих сплетен, светила медицины сказали: «Этот человек сгорел, свой мозг и кровь он отдал без остатка рабочему классу».

Все время Владимир Ильич оставался на своем посту и бессменно стоял на вышке правления, напрягая последние остатки своих сил, ибо чувствовал, что нес ответственность за всю политику страны как в целом, так и за все ее детали: и за назначение начальника дивизии, и за решение более или менее важных стратегических вопросов гражданской войны, и даже за всякие конфликты в разных организациях и наркоматах. Он вникал решительно во все. Его интересовала даже работа какого-нибудь волисполкома или комитета крестьянской бедноты. Он входил во все вопросы народного образования и вникал даже в такие вещи, как кинематограф и учебники. Одним словом, все, из чего складывается жизнь государства, — все это проходило через мозг Владимира Ильича. Он принимал десятки людей в день, он не жил, а горел, но и горение его было какое-то

плавное, постепенное. Никто не сказал бы, что этот человек был болен, потому что тов. Ленин умел тщательно скрывать все внутренние стороны своей собственной работы. Он заставлял других отдыхать и лечиться, говоря им: «Вы—частицы живого инвентаря нашей партии», но о собственном отдыхе и собственном лечении он никогда не думал.

Конечно, партия делала все возможное, чтобы поставить тов. Ленина в нормальные условия работы и дать ему максимум помощников. Но все ее усилия в этом направлении оказывались тщетными, ибо воля Владимира Ильича во всем, что касалось его личной работы, была непреклонна. Тов. Ленин был самым дисциплинированным членом партии. Ее решения были для него законом. Но в вопросе о своей собственной работе он дисциплину нарушал, и тут все постановления Центрального Комитета нашей партии, обычно для него ненарушимые, он упорно обходил.

Теперь, когда виднейшие врачи-специалисты дали нам возможность оценить напряженную деятельность его мозга, очевидно, что Владимир Ильич сгорел на работе, что не только свой выдающийся талант, не только весь огонь своего сердца, но и свой мозг, с его необыкновенным количеством извилин, он отдал целиком и безвозвратно рабочему классу и на служение первой победоносной пролетарской революции.

Тов. Ленин ясно отдавал себе отчет в состоянии своего здоровья: еще в 1922 году он говорил иногда близким и друзьям: «Помяните мое слово: кончу я параличом». Каждый раз мы пытались, конечно, превращать его слова в шутку, но он, ссылаясь на примеры, твердил: «Как бы не кончить свой век так же, как такой-то, а может быть, еще и хуже». В 1922 году, когда обнаружились первые признаки его болезни, он стал изучать медицинские книги и по ним поставил сам себе диагноз. Но несмотря на то, что он знал серьезность своего недуга, он считал, что, находясь на таком ответственном посту, он обязан до последней минуты, до последнего своего вздоха руководить выпавшей ему на долю гигантской исторической работой.

Так сгорел наш великий вождь и учитель, наш товарищ и друг, который по возрасту своему мог бы еще поработать добрых десять лет, чтобы помочь нашей стране преодолеть наиболее серьезные затруднения.

XIV. Похороны Ленина. — Заветы Ильича.

Я не буду говорить, товарищи, о том, как прошли похороны Ильича. Я описал их, как мог, в печати. Все — и враги, и друзья — признают, что такой печальной церемонии не было еще во всей истории человечества. Миллион человек пришли в Москве проводить тело в 25-градусную стужу. По всей России, во всем Союзе Советских Республик, во всем мире было то же самое. Я слышал недавно рассказ вернувшегося из-за границы тов. Лозовского, который был тогда в Париже. Самая большая демонстрация, какую рабочие французской столицы видели за последние 25 лет, была организована в связи со смертью тов. Ленина. На берегах Сены были такие же траур и плач женщин рабочего класса, такая же печаль их детей, как и у нас на родине Ильича. И так было не только в Париже, но и в Христиании, и в Италии, так было во всем мире. Всюду, где есть рабочие и сознательные крестьяне, всюду, где люди сидят в тюрьмах за дело пролетариата, всюду, где есть угнетенные национальности, поднимающиеся на новую борьбу, — всюду день похорон Владимира Ильича стал глубочайшим по нем трауром. Более величественной картины, прошедшей перед нашими глазами в Москве в течение шести дней и ночей, еще не видел мир.

Мы знаем из рассказов рабочих, как это печальное событие переломилось в их жизни. Если мы, члены Центрального Комитета и ближайшие ученики Владимира Ильича, не думали в эти дни ни о чем другом, кроме как о его могиле, — это вполне понятно. Но оказывается, что в Москве (да, вероятно, и в нашем городе) были сотни и тысячи рабочих семейств, которые в эти дни не думали даже об обеде. Вся их жизнь перевернулась вверх дном. Я слышал рассказ одного рабочего, у которого жена — ярая меньшевичка. А между тем, она три дня простояла у гроба тов. Ленина, забросив свое хозяйство. Я думаю, что этот случай не единичный. Смерть Владимира Ильича заставила признать его величие даже тех, которые до сих пор считали его дело неправым. Его смерть, сама по себе, стала величайшим событием в жизни нашей страны. Я думаю, что мое чувство меня не обманывает, когда оно говорит мне, что вся Россия после смерти тов. Ленина почувствовала себя по-новому. Какой-то рубеж положен между Россией д о смерти Ильича и Россией п о с л е его смерти.

Некоторые политики, желая сделать Владимиру Ильичу лучший комплимент, говорят, что он был чем-то вроде Петра I, или приводят подходящие сравнения из всемирной истории. Слепцы! Они взяли совсем не ту мерку. Конечно, и Петр I, и Наполеон, и Кромвель — все это великие люди, но разве можно сравнивать с ними Ленина? Такого великого человека мир еще не знал, и все исторические фигуры, о которых я упомянул, — карлики по сравнению с этим гигантом идеи, с этим великаном чувства и воли, с этим провозвестником братства и царства труда. Движение беспартийных, которое началось сейчас у нас, является лучшим памятником Владимиру Ильичу, и не надо бояться прилива в нашу партию неподготовленных сил, новых сотен тысяч рабочих от станков. Не надо бояться этой маленькой революции в партии: пусть они войдут в нее, эти сто тысяч рабочих от станков, и если нам удастся вытеснить из нее затесавшийся в ее ряды наносный элемент, являющийся для нее балластом, то это будет обновлением нашей партии: она выиграет в величии и сплоченности, она станет истинно пролетарской, ленинской.

В последние годы своей жизни Владимир Ильич чаще обращал свои взоры на Восток, чем на Запад; он смотрел с некоторым пессимизмом на развитие революции в некоторых странах Европы и Америки, хотя ни минуты не сомневался в том, что пролетарская революция на Западе одержит там в недалеком будущем полную победу. В той же статье от 2 мая 1922 года, которую я уже приводил, тов. Ленин говорит:

«Мучить, истязать и убивать буржуазия может пока свободно. Но остановить неминуемую и — со всемирно-исторической точки зрения — совсем недалекую и полную победу революционного пролетариата она не может».

Но особенное внимание он обращал на такие страны, как Китай, Индия, Персия и Турция. Он смотрел на нашу Советскую Республику как на государство, стоящее на рубеже между Востоком и Западом. Этого завета Владимира Ильича мы тоже не должны забывать, как и его пророческих слов о том, что нам необходимо подлинное и глубокое знание угнетенных народов Востока. Сам тов. Ленин прекрасно знал их положение, хотя не сталкивался с ними вплотную и не знал их языка; но он угадывал их чувства, радовался, встречаясь с их представителями, жил и для них, был их надеждой и упованием...

*

Все мы, вся наша партия, все рабочие должны внимательно и прилежно и з у ч а т ь оставленное нам тов. Лениным наследство. Это потребует многих лет. Пусть. Каждый из нас обязан и з у ч а т ь важнейшие сочинения Владимира Ильича. На нас лежит отныне неслыханно великая ответственность: не расплескать оставленный нам сосуд с драгоценной влагой, не промотать завещанное нам Ильичем великое достояние; под знаменем Ленина мы должны неустанно бороться с нашими врагами, чтобы они неизменно встречали не только лес штыков и винтовок, а еще находили бы нас вооруженными железной волей к победе, знанием ленинизма. Мы должны исполнить заветы Ильича и довести до конца оставленное им нам великое дело. Честно послужить делу Коминтерна — значит послужить великим идеалам тов. Ленина.

Мы должны неустанно следить за тем, чтобы ни малейшая трещина не нарушала сплоченности основного отряда Коминтерна — освободительницы человечества, Российской Коммунистической Партии... Наследие мы получили такое, какого никогда ни одна партия не получала. Мы — богатейшие наследники в мире. Наша армия достойна победы, ибо нет более великой армии, чем армия коммунаров, которую возглавлял Владимир Ильич. И эта армия, утерев свои слезы по усопшем великом учителе, сказала: «Теперь за работу. Приготовимся выполнить на деле заветы Владимира Ильича».

Я думаю, что у нас, в Ленинграде, мы отнесемся к этой задаче особенно серьезно, бережно и деловито. Надежда Константиновна в своей краткой речи напомнила нам и вполне правильно, что основные мысли Владимира Ильича складывались в Петрограде, когда он работал в местных рабочих кружках, когда он завязывал первые связи с петроградскими рабочими. Надежда Константиновна, знающая каждый час его жизни, прямо сказала, что основные мысли великой пролетарской революции были навеяны Ильичу петроградским пролетариатом, который он учил, но у которого он также учился, начиная с 90-х годов... И потому на нас падает особенно почетная обязанность. Наш город и наша организация носят теперь имя тов. Ленина. В моменты колебаний или каких-нибудь раздоров, в моменты, когда нам придется принимать какие-либо тяжелые и ответственные решения, — пусть каждый в своей совести вызовет нетленный образ Ильича и вспомнит, что он работает в организации, нося-

щей его имя. Все рабочие нашей страны завидуют рабочим Ленинграда, завидуют счастью нашей организации, связанной отныне навеки с именем тов. Ленина. Конечно, мы имеем на это все исторические права, но это также возлагает на нас и величайшие обязанности.

Давайте же, товарищи, прежде всего, изучать Ленина, и, изучив его, давайте проводить в жизнь его заветы. Помните, что величайшим счастьем для каждого из нас является тот факт, что мы — современники Владимира Ильича, что мы работали вместе с ним, что мы дышали с ним одним воздухом, что мы учились у этого великого учителя, у этого замечательного человека, который родился, чтобы стать рубежом в истории человечества, стать знаменосцем и вождем не только рабочего класса и крестьян нашей страны, но и всего мира.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «В. И. Ленин — гений, учитель, вождь и человек» — речь произнесенная на заседании Ленинградского Совета, посвященном памяти В. И. Ленина, 7 февраля 1924 г. Первоначально была помещена в № 33 газеты «Ленинградская Правда», от 10 февраля 1924 г.

НОВЫЙ «ЛЕНИНСКИЙ ПРИЗЫВ» И НОВАЯ ГЛАВА В ЖИЗНИ НАШЕЙ ПАРТИИ (1).

Статья первая.

Партию нашу постиг неслыханно тяжелый удар: кончина Владимира Ильича. Но «жив ленинизм» — эти слова со знамен и плакатов с невиданной быстротой перешли в жизнь.

В партию вливается громадная живая волна рабочих от станка. Лучшая часть рабочего класса—примерно, каждый десятый рабочий, занятый в государственной промышленности, — входит теперь в нашу партию: входит с энтузиазмом, с подъемом, зачастую с благоговением.

На фоне медленного, но неуклонного хозяйственного роста, постепенного, но верного улучшения нашего международного положения, факт этот приобретает глубокое значение и явно открывает новую главу в жизни нашей партии.

Задача привлечения в ряды нашей партии новых 100 тысяч рабочих от станка в первой своей части может считаться разрешенной. Цифра эта, очевидно, будет даже значительно больше. Поскольку речь идет только об увеличении состава и тем самым об обновлении и «орабочении» нашей партии, дело сделано.

Вливающаяся в нашу партию новая рабочая волна является новым «ленинским призывом». Разумеется, вся наша партия есть ленинский призыв — особенно тот кадровый слой старых коренных рабочих-большевиков, которые являются фундаментом, цементом нашей партии. Нынешний призыв является «ленинским» в том смысле, что вступление этой сотни тысяч рабочих непосредственно связано с кончиной Ильича. Однако не подлежит сомнению, что нынешняя сотня тысяч рабочих немного раньше или немного позже, все равно, влилась бы в ряды нашей партии. Жатва, которую собирает ныне партия, подготовлена всеми последними годами ее работы.

Процесс этот подготовлялся исподволь. Ленинградская организация нашей партии, например, поставила вопрос о массовом привлечении рабочих от станка еще в начале декабря 1923 года. Резолюция Ленинградской конференции посвятила этому вопросу целый пункт, ясно, категорически и настойчиво выдвинувши этот

вопрос, как центральную задачу дня. Приток наметился к этому времени уже совершенно явственно, За январь-март 1923 г. в ленинградской организации было принято рабочих — 61, за апрель-июнь — 648, за июль-сентябрь — 395 («отпускные настроения»), за октябрь-декабрь — 2.183.

Теперь вербовка рабочих от станка в связи со смертью Владимира Ильича сразу увеличила приток, рабочих, по сравнению со всем 1923 г., в среднем по всему Ленинграду, на 460% (в наиболее рабочем Московско-Нарвском районе — на 810%).

Такой же рост мы видим в Москве, и в Донбассе, и в Нижегородской губернии, и в Баку, и в Туле.

В одних только двух столицах число новых членов партии от станка превысит 50.000. Задача привлечения рабочих от станка ясно была формулирована и в резолюции Политбюро от начала декабря, и в резолюции Всесоюзной партконференции, закончившейся, как известно, до смерти Владимира Ильича.

В партию входят не просто, рабочие, новички. Нет. Значительную часть составляют рабочие, так или иначе уже соприкасавшиеся ранее с работой нашей партии и рабочих организаций вообще. Входят наиболее активные пролетарии. Это — делегатки работниц, цеховые делегаты профсоюзов, члены завкомов (бывшие беспартийные), рабочие, проходившие наши кружки, вечерние школы, члены культкомиссий, беспартийные рабочие, посещавшие более или менее регулярно наши коллективы, и т. п. И, вместе с тем, это настоящие «потомственные» пролетарии, лучшие рабочие на заводе, настоящие коренные производственники. Смерть Владимира Ильича, до глубины души потрясшая весь рабочий класс, только ускорила приход этой сотни тысяч в наши ряды. Потенциальная энергия превратилась в кинетическую.

Во всяком случае, на наших глазах происходит событие громадной важности. Мы имели до сих пор в рядах нашей партии 150 с лишним тысяч рабочих. Из них только 50 с лишним тысяч работало у станков, а 100 тысяч (мы округляем цифры) рабочих-большевиков находилось и находится на хозяйственных должностях, в аппарате профсоюзов, в партаппарате, в административном аппарате, в Красной армии и т. д. Мы будем иметь теперь в рядах нашей партии 250 тысяч (а может быть, и 300 тысяч) рабочих. Из них не менее, чем 150 (или 200) тысяч — у станков. Таким образом, соотношение реши-

тельно меняется в благоприятную сторону. Социальный состав партии улучшается. Партия орабочивается. Цифра 150 тысяч при правильной нашей работе будет иметь тенденцию увеличиваться и увеличиваться. У пролетарской революции и ее партии есть большой резерв: $1^1/_2$ миллиона индустриальных рабочих — цифра, которая, в свою очередь, будет увеличиваться вместе с ростом нашей государственной промышленности. Цифра же в 100 тысяч (рабочих, занятых в хозяйственных органах, в Красной армии и на административных должностях) есть до известной степени предельная цифра на целый период, и ее мы будем стараться не слишком увеличивать. Члены партии — рабочие от станков — составляли до сих пор около 12% всего состава партии, они составят теперь около 32% всего состава партии. Это, несомненно, крупный шаг вперед. Члены партии — рабочие вообще (как работающие у станков, так и перешедшие в хозяйственные, советские и армейские органы и т. п.) — до сих пор составляли 46% партии. Теперь обе эти группы рабочих будут составлять 58% партии.

Партия не должна успокоиться на этом. Рядом постепенных, зрело обдуманных, осторожных и разумных мер мы постараемся при помощи самой зрелой рабочей части Р.К.П. удалить из партии еще имеющиеся в ней кое-где чужеродные некоммунистические элементы. А главное, из месяца в месяц, из года в год надо работать над тем, чтобы увеличивать пролетарскую часть партии — ту основную решающую группу, по которой должна равняться вся партия.

Рабочие у станка составят теперь около одной трети нашей партии. Ближайшая программа, программа-минимум, которую мы должны поставить себе теперь, это: не меньше, чем 75% всего состава партии должны быть рабочие, в том числе не меньше, чем 50–60% — рабочие, занятые непосредственно на производстве. На фоне начавшегося хозяйственного подъема это будет нисколько не утопическая задача. Взаимоотношение партии и беспартийных рабочих, партии и класса видоизменяется на наших глазах. Будет время — оно уже не так далеко, — когда громадная масса беспартийных рабочих, вся толща рабочего класса пойдет в ряды нашей партии. Придет время, когда рабочие у станков, не являющиеся коммунистами, будут представлять исключение. И уже сейчас безусловно настало время, когда каждый десятый рабочий от станка может

Ленинградская делегация у гроба В. И. Ленина.

и должен входить (и входит) в ряды нашей партии. Происходящее массовое орабочение нашей партии есть целая революция, и притом такая, которая принесет партии только благо. Настоящий барометр для партии большевиков, это — ее основная группа: рабочие от станков. Мы должны воспитать всю массу членов нашей партии так, чтобы для нее считалось чем-то само собою разумеющимся, что все остальные части партии равняются по ее основному ядру — пролетариям от станков.

Программу-минимум, о которой мы говорили выше, я думаю, партия выполнит в один или два года.

А программа-максимум, которую мы осуществим в течение ближайших трех-четырех лет, это будет: один миллион членов Р.К.П., в том числе 900 тысяч рабочих от станков и 100 тысяч всех остальных.

«Миллион членов коммунистической партии — этот пароль нам необходимо выдвинуть сейчас». Так писали мы около пяти лет тому назад — с полного одобрения В. И. Ленина. Наша статья «о численном составе нашей партии» появилась в «Правде» от 21-го сентября 1919 г. со следующим вступительным примечанием тов. Ленина:

«Товарищ Зиновьев прислал мне эту статью с просьбой направить в московскую прессу. С большим удовольствием исполняю его просьбу. Статья, по моему мнению, заслуживает перепечатки во всех газетах. Надо, чтобы все партийные товарищи обратили на нее внимание и чтобы повсюду, по примеру Петербурга, занялись одновременно и строжайшей чисткой нашей партии от примазавшихся, и усиленным привлечением в партию всех лучших элементов массы рабочих и крестьян».

Миллион членов партии — тогда (в 1919 г.) этот лозунг был только слишком ранним. Теперь же, в ближайшие годы, он станет совершенно своевременным. Его только придется видоизменить так: один миллион членов партии, из них 900 тысяч рабочих от станка.

Близится время, когда количество начнет переходить в качество: симпатии рабочих к нашей партии увеличатся настолько, что она будет уже прямо организационно объединять в своих рядах большинство (или громадную массу) промышленных рабочих нашего С.С.С.Р.

В известной резолюции II Всемирного Конгресса Коминтерна «О роли Коммунистической Партии в пролетарской рево-

люции» (резолюция эта написана мною, но получила полное одобрение тов. Ленина, участвовавшего в комиссии по окончательному редактированию ее и не раз цитировавшего ее в речах и статьях) говорится (п. 2-й):

«До тех пор пока государственная власть не завоевана пролетариатом, до тех пор пока пролетариат раз навсегда не упрочил своего господства и не гарантировал его от буржуазной реставрации,—до тех пор коммунистическая партия по правилу будет иметь в своих организованных рядах лишь меньшинство рабочих. До захвата власти и в переходное время коммунистическая партия может при благоприятных обстоятельствах пользоваться безраздельным идейно-политическими влияниями на все пролетарские и полупролетарские слои населения, но не может организационно объединять их в своих рядах. Лишь после того как пролетарская диктатура лишит буржуазию таких могучих орудий воздействия, как пресса, школа, парламент, церковь, аппарат управления и т. п., лишь после того как окончательное поражение буржуазного строя станет очевидным для всех, в ряды коммунистической партии начнут входить все или почти все рабочие».

Теперь мы очевиднейшим образом—в С.С.С.Р.—начинаем приближаться именно к этому последнему моменту. Весь вопрос только в том, насколько быстро мы будем изживать «переходное время», насколько быстро мы будем приближаться к той эпохе в жизни Р.К.П., когда в нее станут входить «все или почти все рабочие».

Если мы будем итти вперед хотя бы тем же темпом, каким шли последние два года, то—при прочих равных условиях—этот момент наступит довольно скоро. Признание нашего Союза Англией, Италией, Норвегией, успешное начало денежной реформы, могучий приток рабочих от станка в партию—чтобы взять только три факта последнего времени—ясно говорят о том, что пальцем в небо попали те, кто говорил, что страна и хозяйство стоят у нас перед катастрофой. Напротив, страна возрождается и крепнет. А вместе с тем наша партия (якобы «окостеневшая», якобы попавшая в плен к «секретарскому бюрократизму») начинает новую, в высшей степени важную и плодотворную главу своей истории. Уже не так далеко время, когда в нашу партию войдут «все или почти все рабочие» нашей страны.

Еще на XI съезде нашей партии в 1921 г. мы говорили в нашем докладе:

«Сейчас мы находимся у того момента, что если осуществится хозяйственное возрождение страны, то к нам сразу повалит весь рабочий класс в целом».

На XII съезде нашей партии в нашем политотчете Ц.К. мы говорили:

«У нас произошло как бы вторичное завоевание рабочего класса... Мы получили новый, свежий приток в партию... Это доказательство гораздо более важно, чем все данные Ц. С. У.»

За эти заявления нас обвиняли в чрезмерном «оптимизме».

«Каким темпом пойдет этот основной процесс постоянного притока в партию рабочих, остающихся у станка, через какие он пройдет приливы и отливы, сейчас предсказывать трудно. Серьезное изменение партийного состава—в таком именно размере, чтобы фабрично-заводские ячейки составляли две трети партии,—может быть достигнуто очень нескоро и лишь на основе очень серьезных хозяйственных успехов. Во всяком случае мы обязаны считаться с еще очень продолжительным периодом» и т. д., — так писал тов. Троцкий во время последней партийной дискуссии.

То, что развивается на наших глазах в последние недели, показывает, что наш «оптимизм» (оптимизм в отношении нашего рабочего класса, вера в творческие силы нашего пролетариата) был не так уже необоснован.

Распыление, деклассирование пролетариата заканчивается. Партия будет расти и «орабочиваться» в своем составе. Наступает новый период в жизни нашей партии. Вот уж где, действительно, уместно говорить о новой эпохе...

Теперь, когда мы потеряли тов. Ленина, мы еще пристальнее должны вглядываться в состав нашей партии, еще серьезнее должны думать о том, как обеспечить правильный большевистский, ленинский курс политики нашей партии.

Одна из важнейших гарантий этой правильности — пролетарский состав самой партии. Партия наша должна вновь стать преимущественно рабочей и по своему социальному составу, не забывая, разумеется, при этом, что в такой стране, как наша, Р. К. Партия, осуществляющая диктатуру в рабоче-крестьянском государстве, должна включать в свои ряды и известную часть

коммунистов-крестьян, коммунистов-служащих, коммунистической интеллигенции и т. п.

Во всяком случае, то, что происходит сейчас, имеет огромное значение для дальнейших судеб нашей партии.

Статья вторая.

Набор заканчивается. Новый «ленинский призыв» вливается в ряды Р. К. П. При окончательном утверждении новой массы членов партии нужна осторожность. Нельзя гоняться за количеством за счет качества. Малопригодную часть кандидатов надо стараться отсеять лучше сейчас, — дабы будущую флуктуацию (приход и уход), которая в известных пределах неизбежна, свести к минимуму.

Набор нового «ленинского призыва» скоро можно будет считать вчерне закончившимся.

Однако, это еще только полдела. Наша задача заключается не только в том, чтобы привлечь новых 100 или 150 тысяч членов партии от станка. Но, прежде всего и больше всего, — в том, чтобы их ассимилировать, «переварить», каждому из новых членов партии дать работу по его способностям, перестроить ряды так, чтобы в жизни партии действительно началась новая глава.

Теперь перед нами становятся ребром несколько новых задач.

Первая задача. Главная задача. Втянуть рядовых рабочих нового «ленинского призыва» в государственную работу. Ни в коем случае мы не должны рассуждать так, что пусть-де сначала эти рабочие поучатся, а потом уже они будут привлечены к партийной, профессиональной, хозяйственной и государственной работе. Нет. Именно в ходе этой работы только и могут они «научиться». Побольше смелости и в этой области. Побольше веры в массу, той веры, которая была неиссякаема у Владимира Ильича.

Об этой новой задаче мы лучше всего скажем словами самого Владимира Ильича. В статье от 21 октября 1919 года, посвященной итогам партийной недели в Москве, когда в ряды нашей партии тоже вошло несколько десятков тысяч новых членов партии, Владимир Ильич писал:

«Нам надо позаботиться теперь о том, чтобы правильно использовать новых членов партии. Этой задаче надо уделить особенно много внимания, ибо задача эта не легкая, задача эта новая, и старыми шаблонами ее не решить.

«Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь—уметь найти эти таланты и приставить их к работе. Новые члены партии, вступившие во время партийной недели, несомненно, в большинстве своем неопытны и в деле государственного управления неумелы. Но так же несомненно, что это—преданнейшие, искреннейшие и способнейшие люди из тех общественных слоев, которые капитализм искусственно держал внизу, делал «низшими» слоями, не давал им подняться вверх. А силы, свежести, непосредственности, закаленности, искренности в них больше, чем в других.

«Отсюда вытекает, что все партийные организации должны особо обдумать использование этих новых членов партии. Надо смелее давать им как можно более разнообразную государственную работу, надо быстрее испытать их практически.

«Конечно, смелость нельзя понимать так, чтобы сразу вручать новичкам ответственные посты, требующие знаний, которыми новички не обладают. Смелость нужна в смысле борьбы с бюрократизмом. Смелость нужна в смысле установления, во-первых, контроля за служащими, за чиновниками, за специалистами со стороны новых членов партии, хорошо знающих положение народных масс, их нужды, их требования. Смелость нужна в смысле немедленного предоставления этим новичкам возможности развернуться и показать себя на широкой работе. Смелость нужна в смысле ломки обычных шаблонов (у нас тоже заметна—увы! нередко—чрезмерная боязнь посягнуть на установленные советские шаблоны, хотя «устанавливают» их иногда не сознательные коммунисты, а старые чиновники и служащие); смелость нужна в смысле готовности с революционной быстротой изменять вид работы для новых членов партии, чтобы скорее испытать их и скорее найти им надлежащее место».

Так писал тов. Ленин. Эти его замечательные слова должны послужить для нас директивой и теперь. Мы не можем теперь сразу испытать новых членов партии на таких задачах, как гражданская война. Рабочему, сегодня вошедшему в партию, не придется завтра быть мобилизованным на фронт, как это было в 1919 году. Но силы, свежести, непосредственности, закаленности, искренности—новые члены партии из рабочих смогут в достаточной мере показать и сейчас.

Ближе к массам и ближе к производству!

Еще ближе к массам и еще ближе к производству!

Еще и еще ближе к массам и еще и еще ближе к производству!

Вот главный пароль наших дней.

Отдельные фабрично-заводские коллективы, утроившие и учетверившие свой состав, сразу же приступили к созыву специальных производственных совещаний, общезаводского масштаба и по цехам, для обсуждения ряда конкретных хозяйственных вопросов данного предприятия. Это правильно. Это подсказано верным хозяйственным и партийным инстинктом. Это надо проводить и систематизировать, — только с тем, чтобы эти совещания не превращались в «агитацию», а были строго деловыми.

Из уст лучших наших красных директоров мы слышали заявления, что только теперь, когда в партколлектив фабрики или завода влилось 200 — 300 новых пролетариев, лучших рабочих на заводе, наиболее серьезных квалифицированных специалистов, здоровых производственников-коренников, — в сущности говоря, впервые создается благоприятная обстановка для производственной работы. Впервые мы будем иметь такую серьезную базу на предприятии.

Тысячу раз прав тов. Гастев, который в беседе излагал нам обширный план привлечения из этих слоев рабочих (новых членов партии) «низовых» руководителей производства: установщиков, организаторов работ, организаторов цехов, мастеров, людей, которые личным примером будут подымать производство, совершенствовать его, вводить деловым образом научные принципы организации труда и т. п.

Разумеется, из этого нового слоя рабочих от станка постепенно выделятся и такие рабочие, которые пойдут дальше своего предприятия—станут руководителями целых трестов и т. п. Часть из них пойдет и в руководители той или другой отрасли нашего государственного аппарата.

Но с этим торопиться не следует. Пусть главная масса этих новых членов партии не отрывается от производства, где они сейчас больше всего нужны, ибо в государственной промышленности — все будущее социализма.

Пусть эти новые члены партии примут самое активное участие в работе профсоюзов — этих практических школ социализма.

Параллельно с этим, новым членам партии должна быть предоставлена такая работа, как в Р.К.К., в профуполномоченных, жилтовариществах, правлениях домов-коммун, народных заседателях в судах, школьных советах, органах соцстраха, правлениях кооперативов, комиссиях взаимопомощи, ячейках Рабкрина и т. п. (не упуская при этом и задачи привлечения на эти же места беспартийных рабочих и работниц).

Поменьше отрываться от фабрики и завода! Теперь условия жизни рабочих и работниц начинают уже становиться настолько нормальными, что можно соединять работу у станка с той или другой общественной работой в нерабочие часы, как мы это делали до революции. Эту идею надо начать пропагандировать самым настойчивым образом.

В некоторых крупных промышленных центрах, как, например, в Нижнем-Новгороде, на отдельных больших заводах (например, «Красная Этна»), мы имеем уже абсолютное коммунистическое большинство. Там рабочие-коммунисты отвечают за завод и за всю жизнь предприятия в самом непосредственном смысле слова. Теперь, когда из маленькой группы мы выросли в большой коммунистической отряд на каждой фабрике и заводе,— перед нами возникает новая задача, на которую мы указывали уже в нашей статье от 7 ноября 1923 года: мы, коммунисты, должны почувствовать себя, как коммунистическая фракция всего рабочего населения данного завода. Пора научиться бороться за влияние среди всех рабочих масс систематической творческой работой во всех областях фабрично-заводской жизни. Пора понять, что беспартийные рабочие выросли, и что, лишь будучи выше их целой головой, наш коллектив сумеет ими руководить.

Еще и еще раз теперь перед нами в новом свете станет вопрос о взаимоотношениях между фабзавкомами и партъячейками, с одной стороны, между фабзавкомами и профсоюзами—с другой. Профсоюзы принимают слишком мало участия в повседневной работе наших хозяйственных органов. Новый «ленинский призыв» должен быть двинут на работу оживления не только наших низовых партъячеек, но и на работу оживления профсоюзов и приближения их к хозяйству.

И еще одно. В своей последней статье тов. Ленин завещал нам задачу работы над улучшением государственного аппарата, над вытравлением из него бюрократизма, над превращением его

в действительно живой, эластичный орган пролетарской диктатуры. Это—работа колоссальная, требующая, как отмечал уже и сам Владимир Ильич, *ряда лет*. Беда наша в том, что дела в этой области,—хоть отбавляй, а *делателей мало*. Теперь в ряды нашей партии влились целых 100 тысяч рабочих. Из рядов этой армии мы должны найти этих делателей. *Здесь* мы должны искать новые таланты. Среди этой 100-тысячной массы нового «ленинского призыва» мы должны суметь разыскать рабочих с огоньком, с дарованием, с энергией и помочь им со временем занять должное место в органах управления страной. Новая 100-тысячная пролетарская армия должна стать одним из наиболее важных передаточных механизмов между партией и рабочим классом, между рабочим классом и всем народом. В частности, наша Рабоче-Крестьянская Инспекция и Центральная Контрольная Комиссия,—учреждения, на которые В. И. возлагал такие большие задачи,—должны принять самое деятельное участие в выработке мер по привлечению этих новых 100 тысяч членов партии к работе во всех отраслях нашей партийной, профсоюзной и советской жизни.

Вторая задача. Воспитательная работа. Мы уже писали в нашей статье от 7 ноября 1923 года, что теперь не редки случаи, когда на данном заводе найдется не малое количество беспартийных рабочих, которые по своему культурному уровню стоят не ниже, нежели рядовые члены нашей ячейки, и только не так активны политически. Теперь уже совершенно ясно, что это было именно так. Именно этот слой культурно выросших беспартийных рабочих, в первую очередь, теперь и вливается в ряды нашей партии. Но, рядом с ними, входит и много товарищей, совсем мало подготовленных. Наши заводские коллективы теперь в среднем, на круг, утроились. На 50.000 членов партии — рабочих от станков — мы включили новых 100 тысяч. Большая часть этих новых 100 тысяч рабочих состоит из коренных пролетариев, которые помогали партии и раньше, не будучи связаны с ней организационно. Однако, громадная партийно-воспитательная работа над этой новой сотней тысяч членов партии безусловно необходима. Все, что есть у нас вполне зрелого и действительно ленинского из более старых членов партии, в частности из лучших членов партии, работающих в советских и других не-заводских ячейках, должно быть брошено на ряд месяцев на ударную работу обслуживания и партийного воспи-

тания новых 100 тысяч «ленинского призыва». При этом в кружках занятия начинать надо не с «пастушеского периода», вести дело не по шаблону, а влить в кружки настоящую жизнь.

Третья задача. Нам многое придется перестроить в области организационной работы. Сплошь и рядом мы видим теперь, что там, где коллектив был в 100 человек, ныне образуется коллектив в 300 человек и даже в 500.

Следующая маленькая табличка из жизни ленинградской организации послужит хорошей иллюстрацией:

Число членов партии в коллективах:

	На 1 янв. 1924 г.	На 12 февр. 1924 г.
1) Красный Треугольник	266	1.022
2) Красный Путиловец	206	665
3) Ф-ка «Скороход»	203	547
4) Главн. Маст. Сев.-Зап. ж. д.	192	638
5) Пролетарский зав. (б. Александр.)	272	808
6) Металлический	63	790
7) Балтийский завод	148	558
8) Трубочный	82	267
9) Ф-ка им. Халтурина (б. Невская Ниточная)	98	398
10) Табачная фабрика им. Урицкого (б. Лаферм)	79	261

Такой же (или приблизительно такой же) рост будет отмечаться и в Москве, и в целом ряде других наших крупных пролетарских центров.

Наименование коллективов.	Общее число до губконференции.		На 12 февраля подано заявлений.
	Членов.	Кандидат.	
Динамо	120	30	80
Гужон	96	20	130
Богатырь	62	28	120
Дукс	94	33	145
Каучук	69	26	87
Станц. 86 года	105	65	100
Михельсон	19	9	75
1 Образцовая типография (б. Сытина)	109	39	150
Прохоровская мануфактура	266	46	400
Коломенский завод	95	27	885
Перовские мастерские	59	19	50

Для постоянного руководства такими возросшими рабочими коллективами нужны квалифицированнейшие силы. Ц. К. партии и губкомы должны будут теперь в ударном порядке поставить в число организаторов таких коллективов сотни самых лучших, самых испытанных наших работников - «массовиков». Помнится, в годы гражданской войны, когда возникали какие-нибудь особенные трудности на данном, особенно важном участке фронта, мы иногда прибегали к следующему приему: наиболее ответственных работников мы «понижали» на одну ступень для того, чтобы приблизить их к первичным военным единицам, от которых зависел исход дела. Командующий армией становился командующим дивизией; командующий дивизией — командующим бригадой; начальник бригады — командиром полка и т. д. Нечто подобное нам необходимо проделать и теперь в области партийной работы: секретарь губкома иногда должен быть переведен на должность организатора района; организатор района — на работу организатора большого коллектива; организатор большого коллектива — на работу организатора цеха, и т. д. И в то же время должно происходить систематическое выдвижение снизу вверх, чтобы дать возможность расти новым силам. Во всяком случае, в число организаторов тех фабрично-заводских коллективов, которые превышают, скажем, 300 человек, нам нужно выделять и систематически подбирать самые квалифицированные, самые испытанные организаторские силы нашей партии, ибо это самая важная ныне партработа.

Далее, придется теперь на больших заводах вернуться к тому времени, когда первичной ячейкой был не обще-заводский коллектив, а цеховая ячейка. Сумма цеховых ячеек явится обще-заводским коллективом. Только тогда мы сможем быстро и планомерно разрешить задачу действительного включения в наши ряды и в нашу работу нового «ленинского призыва».

Рядом с этим мы должны суметь еще и еще раз обновлять составы бюро наших коллективов на фабриках и заводах, включая в них известное число наиболее выдающихся товарищей из тех, которые входят в нашу партию только сейчас.

Четвертая задача. Мы ни в коем случае не должны почить на лаврах, а систематически, из месяца в месяц, работать над тем, чтобы нынешнюю группу членов партии от станков, обнимающих 150 тысяч, увеличивать и увеличивать, обращая, однако, при этом самое пристальное внимание на качество.

Группу в 100 тысяч рабочих, находящихся сейчас не у станков, стараться не слишком увеличивать, возвращая ее хотя бы в малой части к непосредственной производственной работе и, во всяком случае, всячески сближая ее с основной группой работающих у станков. Смелее и смелее включать в партию новые группы рабочих от станков. Глубже поднимать целину. Глубже зачерпывать основную массу коренных пролетариев—но только их. Раз и навсегда покончить с теми остатками «массобоязни», которые кое-где замечались. Наступает период, когда наша партия должна и по составу своему стать на $^3/_4$, если не на $^4/_5$, чисто рабочей.

Пятая задача. Проведение внутрипартийной рабочей демократии. Совершенно ясно, что решения, принятые в декабре в Политбюро нашей партии и одобренные недавно Всесоюзной партконференцией, приобретают теперь еще большее значение. Когда мы говорим о задачах партийного воспитания новых 100 или 150 тысяч членов «ленинского призыва», мы имеем в виду не только и даже не столько партийно-педагогическую сторону, не только организацию курсов, кружков, лекций, прохождение партшкол и т. п. Нет, мы должны помнить, что рабочие учатся, прежде всего, на действительно активном участии в жизни своей партии, в жизни и повседневной деятельности советов и профсоюзов. Только последовательное, серьезное большевистское проведение принципов внутрипартийной рабочей демократии, не на словах, а на деле, начиная с низового коллектива и кончая руководящими учреждениями партии, обеспечит нам быстрое воспитание нового «ленинского призыва» в действительно большевистском ленинском духе.

Смешно и думать, что мы сможем легко переварить этих новых 100 (или 150) тысяч членов партии иными средствами, чем средствами действительного применения внутрипартийной рабочей демократии. Если решения, принятые нашей партией на этот счет, были абсолютно необходимы, верны и жизненны до нового набора, то теперь включение новых 100 (или 150) тысяч членов партии рабочих от станков делает их втрое более жизненными и необходимыми.

В-шестых. Задача смычки между рабочим классом и крестьянством. Наши рабочие почти всегда имеют связь с крестьянством. Наш новый 100-тысячный (или 150-тысячный) призыв имеет очень богатые связи с деревней. Эти связи надо

систематически использовать. Почему не собирать иногда рабочих из коллектива по землячествам? Почему не создать, скажем, «десятки» — специально для связи с деревней? Почему не поставить себе такую задачу: через три месяца каждый рабочий коллектив, имеющий более 200 членов, выделяет одного испытанного и проверенного организатора коммунистической работы для волости? В этой области открывается самое широкое поле для инициативы.

В-седьмых. По-новому ставить вопросы быта. Мы глубже зачерпнули рабочую массу в ряды наших коллективов. Это неизбежно оживит обсуждение и разрешение бытовых вопросов.

В-восьмых. Работа Р. К. С. М. Наш союз молодежи должен проделать теперь работу, аналогичную той, за которую взялась партия: тоже привлечь новый слой рабочей молодежи—ленинский призыв пролетарской молодежи.

В-девятых. Старые члены коллективов сами почувствуют себя теперь иначе: увереннней, бодрей. Партия должна помочь им еще и еще усилить всестороннюю подготовку свою к более ответственной работе.

Статья третья.

Таковы в основном задачи нашей партии, в связи с включением в нее нового «ленинского призыва». Но и перед самым этим «призывом» стоят важнейшие задачи.

В другой статье («Государство рабочих и партийная неделя») от 11 октября 1919 г. товарищ Ленин, в более или менее аналогичной обстановке, обращаясь к новым членам партии, говорил:

«Показных членов партии нам не надо и даром. Единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества. об очистке партии от «примазавшихся», есть наша партия — партия революционного рабочего класса..."

«Идите в партию, товарищи беспартийные рабочие... Мы не сулим вам выгод от этого, мы зовем вас на трудную работу, на работу государственного строительства.

«Самые развитые, самые сознательные рабочие, рабочие Питера, больше всего сил отдали для управления Россией. Но мы

знаем, что преданных интересам трудящейся массы и способных на руководящую работу людей очень и очень много среди рядовых рабочих и крестьян. Среди них очень много организаторских и административных талантов, которым капитализм не давал ходу. Найти... эти новые, скромные, невидные таланты не легко. Не легко привлечь к государственной работе рядовых рабочих и крестьян, которых веками подавляли и запугивали помещики и капиталисты...

«Больше новых работников из массы в ряды партии, для самостоятельного участия в строительстве новой жизни — таков наш прием борьбы со всеми трудностями, таков наш путь к победе...»

Лучше этого не скажешь. Обращаясь к новому 100-тысячному «ленинскому призыву», наша партия говорит им словами Владимира Ильича:

«Мы не сулим вам выгод, мы зовем вас на трудную работу, на работу государственного строительства».

Пусть знают эти новые товарищи, что в нашу партию идут не для привилегий, а для трудной, тяжелой, но и великой работы. Пусть знают они, что, вступая в партию, каждый из нас отдает ей себя целиком, без остатка. Пусть помнят они, что как партия наша невозможна была бы без тов. Ленина, так и тов. Ленина и его великую всемирно-историческую деятельность нельзя себе представить без партии. Пусть образы В. И. Ленина, Карла Либкнехта, Розы Люксембург всегда стоят перед их глазами. Пусть помнят они, что единство нашей партии есть величайший из заветов, завещанных нам Владимиром Ильичем. Входя в Р. К. П., пусть дадут они себе клятву беспощадно бороться с каждым, кто покусится на это единство.

А партия в целом знает, что нет лучшей гарантии сохранения единства ее, как улучшение состава партии, увеличение ее однородности, ее орабочение.

В важные для жизни нашей партии моменты мы еще и еще раз, как учил нас В. И., апеллируем туда, «где лежат наиболее глубокие корни нашей диктатуры» — к пролетарским массам. Так мы будем делать всегда.

Резервы пролетарской революции в нашей стране достаточно велики. Это доказано теперь вновь и вновь с необычайной наглядностью. Новый «ленинский призыв» приходит в нашу партию в момент, когда на нее обрушился тягчайший удар:

смерть учителя и вождя. Этот «ленинский призыв» приходит в такой обстановке и так, что даже тем, кто, в связи со смертью тов. Ленина, упал духом больше, чем это допустимо для большевика, — внушает новую бодрость и неиссякаемую веру в пролетарскую массу и победу пролетарской революции.

Какими жалкими кажутся теперь недавние оценки незнающих нашу партию интеллигентов из «оппозиции», которые не находили достаточно громких слов для «критики» нашей партии, в особенности ее основного старого ленинского кадра. Новые сто тысяч «ленинского призыва», как и основная масса более старых членов нашей партии, спокойно проходят мимо этой «оппозиции», которую наша партия справедливо охарактеризовала, как «мелко-буржуазный уклон». Всем потугам превратить стальную большевистскую партию с ее железной пролетарской дисциплиной в конгломерат договаривающихся течений и фракций дан уже достаточно решительный отпор. Новый «ленинский призыв» рабочих от станка только усилит этот отпор.

Рабочие нового «ленинского» призыва»! Вы, входящие в нашу партию назавтра после того, как наш учитель закрыл глаза навеки, помните, какую ответственность перед всей пролетарской революцией вы берете на себя! Не забывайте, что ваш призыв связан с именем величайшего из учителей рабочего класса. Помните, что, входя в партию, созданную гением рабочего класса и гением Владимира Ильича, каждый из нас берет на себя обязательство быть верным партии до гроба, не знать ничего более святого, чем партия, добровольно и сознательно признать ее законы, ее решения, ее дисциплину! В лице нашей партии рабочий класс выковал себе несравненное оружие для своего собственного освобождения и освобождения всех трудящихся. На нашу партию выпала честь стать основным отрядом международного товарищества рабочих — Коммунистического Интернационала. Нет и не может быть звания более высокого, чем звание члена Российской Коммунистической Партии.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Новый «ленинский призыв» и новая глава в жизни нашей партии» — статья из №№ 39 и 40 газеты «Ленинградская Правда» от 17 и 18 февраля 1924 г.

ЛЕНИН и КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ (1).

...«Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями.

«В других странах... развитие революции пошло путем более медленным. Оно пошло по нашему пути, но пошло гораздо медленнее».

Н. Ленин.

В день, когда мы отмечаем первое пятилетие существования нашего Международного Товарищества Рабочих, красное знамя Коминтерна обвито черной траурной каймой. Когда подготовлялся первый учредительный конгресс Коминтерна, были еще живы Карл и Роза. Первое же пятилетие Коминтерна мы отмечаем в момент, когда мы потеряли уже не только Карла Либкнехта и Розу Люксембург, когда выбыли из строя Меринг, Тибор Самуэли, Реймонд Лефевр, Иогихес-Тышко, Макс Левинэ, Джон Рид и многие, многие другие передовые бойцы Коминтерна, но когда от нас ушел и вдохновитель, основатель и творец Коминтерна, Владимир Ильич Ленин... флер скорби по этой невознаградимой утрате запечатлеется на всем пятилетнем юбилее Коминтерна. Только что у свежей могилы учителя и вождя Коминтерна сжимались общей скорбью миллионы сердец. Только что сотни тысяч и миллионы передовых пролетариев всего мира клялись продолжать дело Ленина.

Однако, что бы там ни было, выше наше знамя, выше знамя Ленина—знамя Коминтерна...

* * *

Ленин был для III Интернационала тем, чем Маркс для I Интернационала. Не без основания сказал автор одной статьи в английском журнале «Нью Стейтсмен»:

«К моменту появления Ленина марксизм успел превратиться в мертвую и бесплодную формулу, в конгломерат доктринерских идей о теории ценности и неизбежном развитии социалистического государства.

«Капитал» Маркса являлся библией для многих, но практически служил лишь сборником текстов, при помощи которых социал-демократы пытались оправдывать свою оппортунистическую политику. Коротко говоря, могло показаться, что труды Маркса навсегда погребены в могиле их автора.

«Ленин изменил все это. Он воскресил Маркса и дал марксизму новое теоретическое содержание, вновь превратив его в источник живых идей и стимулов к действию. Благодаря Ленину, Маркс вновь живет в наши дни, но он живет в том новом истолковании, которое Ленин вложил в его учение. На первый план ныне выступает уже не марксова теория ценности, но ленинское истолкование марксовой теории исторического процесса и основанная на ней теория государства и революционной политики». («Нью Стейтсмен», 2 февраля 1923 г.)

Да, здесь есть большая доля правды. Поскольку марксизм отождествлялся со II Интернационалом, поскольку жрецами и истолкователями этого «марксизма» выступали Каутский, Бернштейн, Вандервельде, Адлер, постольку, действительно, этот казенный «марксизм» превращался в «конгломерат доктринерских идей», а порой и хуже — в прямую апологию капиталистического строя.

В эту затхлую атмосферу разложения живительной бурей ворвался Коммунистический Интернационал, теоретиком и знаменосцем которого был Ленин.

Превосходно сказала о Ленине одна буржуазная пражская газета («Прагер Прессе»):

«Он был сорвавшейся с горных вершин скалой, вся мощь которой должна была пойти на то, чтобы проложить дорогу к новому, — тому новому, которое старый мир считает невыполнимым, но которое он сам считает не только возможным, а даже осуществимым в ближайшем будущем».

Вот именно! Эта сорвавшаяся с горных вершин скала всей мощью своею устремилась на то, чтобы разбросать подальше по сторонам нагроможденный вождями II Интернационала старый хлам и прочистить дорогу для нового, подлинно революционного, в настоящем марксовском смысле слова, международного движения пролетариата.

* * *

Сам Ленин так определял значение III Интернационала и его место в истории:

Прибытие гроба с телом В. И. Ленина в Москву.

«Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской международной борьбы за социализм.

«II Интернационал был эпохой подготовки почвы для широкого, массового распространения движения в ряде стран.

«III Интернационал воспринял плоды работ II Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистическую, буржуазную и мелко-буржуазную скверну и начал осуществлять диктатуру пролетариата.

«Международный Союз Партий, руководящих самым революционным движением в мире, движением пролетариата к свержению ига капитала, имеет теперь под собою невиданную по прочности базу...

«Всемирно-историческое значение III Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата.

«Это гениальное предвидение, эта гениальная теория становится действительностью.

«Эти латинские слова переведены теперь на все народные языки современной Европы,—мало того: на все языки мира.

«Началась новая эпоха всемирной истории.

«Человечество сбрасывает с себя последнюю форму рабства: капиталистическое или наемное рабство». *)

Никогда тов. Ленин не забывал тех заслуг, которые II Интернационал имел в прошлом. В разгар полемики со сторонниками II Интернационала, в статье, посвященной специально нынешнему премьеру английского, с позволения сказать, «рабочего» правительства, Рамсею Макдональду, Владимир Ильич писал:

«Когда говорят: II Интернационал умер, потерпев позорное банкротство, это надо уметь понимать. Это значит: обанкротился и умер оппортунизм, реформизм, мелко-буржуазный социализм. Ибо у II Интернационала есть историческая заслуга, есть завоевание εἰς ἀεί (навсегда), от которого сознательный рабочий никогда не отречется, а именно: создание массовых рабочих организаций, кооперативных, профессиональных и политических,

*) «III Интернационал и его место в истории», в журнале «Коммунистический Интернационал» от 15 апреля 1919 г.

использование буржуазного парламентаризма, как и всех вообще учреждений буржуазной демократии, и т. п.»*).

II Интернационал был, по известному выражению Карла Каутского, «инструментом мирного времени». III Интернационал, наоборот, родился в грозе военной бури, во время первой мировой империалистической войны. И тактику свою он строил так, чтобы суметь руководить борьбой мирового пролетариата не столько в мирной пропагандистской обстановке, сколько именно в период гроз и бурь гражданских войн, сменяющих империалистические.

Коминтерн отмечает первое пятилетие своего существования, как более или менее оформленной организации. Но складываться он начал не в 1919 г., а, в сущности говоря, еще в 1914 г. Известно, что уже в 1914 году, при первых выстрелах на полях империалистической бойни, Ц. К. нашей партии и, прежде всего, тов. Ленин выдвинул лозунг создания III Интернационала. С известным правом пятилетие 1914—1919 г.г. можно назвать утробным периодом Коминтерна. В течение этих пяти лет собирались первые группы единомышленников - коммунистов. Во время Циммервальдской конференции образовалась Циммервальдская Левая — первая организационная ячейка будущего Коммунистического Интернационала. Наконец, грянула великая пролетарская революция в нашей стране. Когда в мае 1918 г. партия большевиков в России, державшая уже государственную власть в своих руках, решила переименоваться в Российскую Коммунистическую Партию и когда через несколько месяцев после этого германские Спартаковцы, имевшие за собой уже достаточно славное прошлое, также переименовались в Германскую Коммунистическую Партию, тогда всякому революционеру стало ясно, что родился III Интернационал.

Нельзя скрывать от себя того, что при основании Коммунистического Интернационала все мы рассчитывали на гораздо более быстрый темп международной революции, чем это оказалось в действительности. Ведь было же время, например, незадолго до Брестского мира, когда в Вене и в Берлине начинались первые крупные рабочие стачки и когда все мы считали буквально часами казавшееся нам неизбежным начало решающих революционных битв в европейском масштабе. Бурное революционное

*) «О задачах III Интернационала», в журнале «Коммунистический Интернационал» от 14 июля 1919 г.

недовольство широчайших масс пролетариата в целом ряде стран к моменту окончания империалистической войны позволяло надеяться на крайне быструю развязку событий. Не забудем, что не только в тех странах, которые непосредственно участвовали в войне, но и в таких нейтральных и богатых буржуазных странах, как Швейцария и даже Голландия, уже было приступлено к образованию советов, и что такой человек как Трульстра— один из крупнейших вождей II Интернационала и главный лидер оппортунистической голландской с.-д. партии—и тот должен был признать, что рабочие могли взять в Голландии власть в свои руки...

Назавтра после первого учредительного конгресса Коминтерна мы писали:

«Теперь, когда мы пишем эти строки, III Интернационал имеет своей главной базой уже три советских республики — в России, в Венгрии и в Баварии. Но никто не удивится, если к тому моменту, когда эти строки появятся в печати, мы будем иметь уже не три, а шесть и большее количество советских республик. Бешеным темпом старая Европа мчится навстречу пролетарской революции».

«Несколько советских республик, которые в международном масштабе воплощают в жизнь диктатуру пролетариата, — вот база Коминтерна». Так писал в апреле 1919 г. тов. Ленин.

«Когда посмотришь на III Интернационал, то удивляешься быстроте, с которой он распространялся, идя от победы к победе»,— говорил Владимир Ильич в его речи, посвященной первой годовщине III Интернационала*).

Да, не только мы, но и злейшие наши противники были в то время убеждены, что социалистическая революция в международном масштабе будет развиваться бешеным галопом. В начале января 1919 г. Каутский напечатал «программу социалистического преобразования». Эта программа начиналась словами: «Девятого ноября 1918 г. пролетариат Германии завоевал политическую власть».

В центральном органе германской социал-демократии, в газете «Vorwärts» от 24 апреля 1919 г., была помещена замечательная статья под заглавием «Videant consules». В этой статье говорилось:

«Если мы хотим спасти Германию от русской советской системы по принципу «вся власть Советам», то нам остается

*) «III Коммунистический Интернационал», 6 марта 1920 г.

только одно: мы должны сами дать германским рабочим разумную советскую систему, такую систему, при которой Советы были бы второй палатой рядом с Национальным Собранием и во всех вопросах представляли бы интересы пролетариата... Таким образом, нам удалось бы не только установить известное равновесие сил, но, может быть, даже (даже!) добиться перевеса буржуазных партий».

И замечательнее всего, что статья эта принадлежала даже не какому-нибудь германскому социал-демократу: автором ее был фрейгер Карл Шенк фон Швейнсберг. Даже некоторые представители германской буржуазии искали спасения от пролетарской революции в том, что пытались объединить Советы с учредилкой. А фракция независимых социал-демократов на II съезде германских Советов, примерно в то же время, предложила резолюцию, в которой торжественно говорилось:

«II Съезд Советов становится на почву советской системы. Согласно этому, политическое и хозяйственое устройство Германии должно базироваться на организации Советов. Советы Рабочих Депутатов суть признанное представительство трудящегося населения во всех областях политической и хозяйственной жизни». («Freiheit» от 13 апреля 1919 г.)

Да, объективные предпосылки для самого быстрого развития пролетарской революции в 1918 — 1920 г.г., т.-е. в первые годы существования Коминтерна, несомненно были налицо. Буржуазия решающих стран Европы находилась в полной дезорганизации. Значительная часть рабочих была вооружена. Экономическое положение было таково, что толкало самые широкие круги рабочих к решительной борьбе. Если бы не контр-революционная роль социал-демократии, победа в ряде стран была бы несомненно возможна. Подводя итог первому году работы Коминтерна, тов. Ленин говорил:

«Если бы Интернационал (имеется в виду II Интернационал) не был в руках предателей, которые спасали буржуазию в критический момент, то много шансов было бы на то, что во многих воюющих странах непосредственно с окончанием войны, а также в некоторых нейтральных странах, где был вооружен народ, революция могла бы произойти быстро, и тогда исход был бы иным» *).

*) «III Коммунистический Интернационал», 6 марта 1920 г.

Под свежим впечатлением тогдашних чудовищных измен социал-демократии, мы писали в статье «Социал-демократия, как орудие реакции»:

«Чем сильнее официальная социал-демократия в данной стране, тем хуже обстоят дела пролетариата. Это можно считать теперь вполне установленной аксиомой. При прочих равных условиях, это несомненно так».

II Интернационал оказался еще настолько сильным, чтобы иметь возможность на время спасти международную буржуазию. «Покойный Харри Квелч в 1907 г. был выслан германским правительством из Штуттгарта за то, что он назвал собранием воров заседание европейских дипломатов. Вожди Бернского Интернационала не только собрание воров, они — собрание подлых убийц. От суда революционных рабочих им не спастись». Так справедливо писал о вождях II Интернационала тов. Ленин в июле 1919 г., когда стало уже выясняться с полной определенностью, что только международная социал-демократия может еще на время спасти буржуазию.

Обыкновенно самым распространенным доводом господ социал-демократов против Коминтерна является их указание на то, что ожидавшееся нами быстрое развитие пролетарской революции в международном масштабе не наступило. «Где же ваша международная революция?» — потирая руки от удовольствия, говорят с ехидством эти люди. Сначала они сами помогли буржуазии разбить передовые отряды рабочих и тем на время отсрочить революцию, а затем восклицают: «Где же ваша международная революция?» Они поступают так же, как те штрейкбрехеры, которые, продавшись капиталистам, сначала срывают стачку, а потом издеваются над теми рабочими, которые остались верны стачке: «Но почему же вы не бастуете? Много ли помогла вам ваша стачка?» Они поступают так же, как тот разбойник, который, засунув своей жертве в рот кляп, издевательски спрашивал ее: «Почему же ты не кричишь?..»

С точки зрения наших надежд и нашего субъективного нетерпения — законного нетерпения революционеров — международная пролетарская революция в течение первых пяти лет существования Коминтерна развивалась недостаточно быстро. Но объективные предпосылки для развития революции продолжают действовать. Если сравнивать международную пролетарскую борьбу за годы 1919—1924 с предыдущими годами «нормального»

развития международного рабочего движения в период II Интернационала, то, в сущности говоря, нынешний темп, несмотря ни на что, является бешеным темпом. Какая-нибудь небольшая всеобщая стачка в Бельгии, в связи с вопросом о всеобщем избирательном праве, в предыдущий мирный период развития международного рабочего движения рассматривалась, как громадное событие. Между тем, истекающее первое пятилетие Коминтерна на деле полно грандиозных битв несравненно большего масштаба.

А все-таки она вертится!..

Первая всемирная империалистическая война вызвала к жизни Коммунистический Интернационал. Коминтерн не смог еще в открытой борьбе на-голову разбить международную буржуазию, но он стал уже силой, достаточно внушительной для того, чтобы заставить международную буржуазию хорошенько подумать, раньше чем начать вторую империалистическую бойню. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что если бы буржуазия решилась начать новую войну, мы увидели бы теперь в каждой стране десятки Либкнехтов. Работа Коминтерна за первые пять лет сделала то, что в случае начала новой империалистической войны мы имели бы уже солидные кадры беззаветно преданных делу международной революции борцов, которые несомненно увлекли бы за собой не только коммунистических рабочих, но и значительные слои беспартийных и социал-демократических рабочих.

Новая империалистическая война несомненно послужила бы сигналом к международной революции в непосредственном смысле слова,—если не в самом начале такой войны, то, во всяком случае, в ходе ее или непосредственно после ее окончания.

Коммунистический Интернационал не «сделал» международной революции—говорят нам. Ну, а Союз Советских Социалистических Республик, обнимающий $^{1}/_{6}$ часть земного шара, разве не является он куском, и притом весьма внушительным, международной революции? Разве героическая борьба отдельных отрядов международного пролетариата под руководством Коминтерна не явилась одной из важнейших предпосылок того, что советская власть в России уцелела и ныне стоит незыблемо, как скала? Газета французского правительства «Le Temps» (№ 21047) в редакционной статье, озаглавленной «Защита мира», писала в 1919 г. следующее:

«Лига Наций и правительство большевиков, это — два учреждения, которые не могут вместе жить на свете. Вы хотите длительного мира? Так займите же Петроград!»

Согласитесь, что ныне, к первому пятилетию Коминтерна, так с Советской Россией уже не разговаривает никто. И если это так, то в этом есть значительная заслуга и Коминтерна.

* * *

Медленнее, чем мы ожидали, шло и идет пока развитие международной пролетарской революции. Медленнее идет также ликвидация II Интернационала. Медленнее происходит и рождение коммунистических партий, окончательная закалка их, как боевых отрядов пролетарского авангарда международного коммунизма.

В речи, посвященной первой годовщине Коммунистического Интернационала, тов. Ленин говорил:

«Учитывая положение дел, можно сказать, что II Интернационал убит, и массы рабочих в Германии, Англии и Франции переходят на сторону коммунистов.

«Массы пролетариев и полупролетариев — за нас и переходят к нам не по дням, а по часам. Бернский Интернационал — штаб без армии, который развалится, как карточный домик, если разоблачить его перед массами до конца».

Так писал тов. Ленин в своей статье от 14-го июля 1919 г., направленной против Макдональда.

В общем эта оценка правильна и сейчас, к пятой годовщине Коминтерна, но только — в общем. В смысле сроков и темпа необходимы серьезные оговорки. II Интернационал убит. Это верно, если подходить к нему с прежним критерием. Если посмотреть на этот Интернационал, как на международную рабочую организацию, то, как фактор международной революции, II Интернационал не существует, но, как фактор международной контр-революции, он, увы, имеет еще серьезное значение. В исторической перспективе Коминтерн убил II Интернационал, но — еще не добил его.

Существует ли II (ныне лондонский «рабочий» «социалистический») Интернационал, как подлинное международное объединение революционных рабочих? Конечно, нет. Но в том-то и дело, что вождям II Интернационала такое международное объединение революционных рабочих и не требуется. Роль вождей нынешнего II Интернационала сводится к роли простой агентуры международного капитала в среде рабочего класса — для тормо-

жения международной революции, для внесения деморализации, хаоса и разброда в ряды международного пролетариата. Для выполнения этой задачи вождям II Интернационала вовсе и не нужна особенно централизованная и сплоченная международная организация. Для выполнения этой задачи вполне достаточно того, что представляют собою ныне II Интернационал и его союзник — Амстердамский Интернационал Профсоюзов.

II Интернационал светит теперь почти исключительно отраженным светом буржуазии. Если дела буржуазии недурны, сравнительно солидную почву под ногами имеет и II Интернационал. И наоборот, там, где колеблется владычество буржуазии, — дрожит почва под ногами и II Интернационала. Лучшая иллюстрация в этом отношении — Германия. Когда осенью 1923 г. поколебалась почва под буржуазной властью, всякий наглядно видел, что в тесной связи с этим быстро полетела вниз и германская социал-демократия. А как только теперь, в начале 1924 г., несколько улучшилось положение германской буржуазии, «стабилизировалась» марка и т. п., так начала оправляться и «стабилизироваться» и германская социал-демократия. Все это, разумеется, только на время, на короткое время. Германская буржуазия, как и германская социал-демократия, дышит теперь при помощи подушки, наполненной кислородом. Это не всерьез и не надолго. Но тесная связь между судьбами доживающей свое господство буржуазии и доживающей последние годы своего влияния социал-демократии иллюстрирована как нельзя более ясно.

Головешки II Интернационала будут чадить и отравлять атмосферу вплоть до того момента, когда международный пролетариат одержит решающую победу, по крайней мере, в двух-трех решающих странах. В рабочем классе, в особенности если взять его в мировом масштабе, всегда найдутся достаточно значительные по численности части, которые дадут известную социальную опору для агентов капитала, действующих среди рабочих. Это, прежде всего, — рабочая аристократия, затем — наиболее забитые, отсталые слои. Неоднородность рабочего класса, его культурная отсталость, до тех пор пока все важнейшие орудия просвещения находятся в руках буржуазии, гарантируют этот «успех» желтым вождям II Интернационала.

Рождение коммунистических партий на практике оказалось делом более сложным, порою более мучительным и, во всяком

В. И. Ленин на заседании Конгресса III Коммунистического Интернационала.

случае, более продолжительным, чем все мы это представляли себе в момент, когда основывался Коммунистический Интернационал.

«Европа идет к революции не так, как мы пришли к ней, но Европа, по существу, проделывает то же самое. Каждая страна должна по-своему проделать и уже начала проделывать внутреннюю борьбу и против своих меньшевиков, и против своего оппортунизма и эс-эрства, которое существует, под другим названием и в большей или меньшей степени, во всех странах».

Так говорил тов. Ленин в уже цитированной нами речи, посвященной первой годовщине Коминтерна.

Если бы международная революция развивалась быстрее или если бы, по крайней мере, в предшествовавшее империалистической войне 1914 г. 25-летие рабочий класс Европы и Америки накопил серьезный практический революционный опыт, образование коммунистических партий шло бы, несомненно, быстрее. Рабочему классу России, в силу особенностей исторического развития, пришлось еще до революции 1905 г. проделать многие из тех этапов, которые европейским рабочим приходится проделывать теперь. В 1905 г. у нас, в России, была, так сказать, репетиция революции, и, отчасти благодаря этому, России удалось использовать момент краха империалистической войны для завоевания власти пролетариатом. Поэтому глубоко прав был В. И., когда указывал на то, что в силу исторических событий, в силу полной гнилости самодержавия нам (рабочему классу России) удалось легко начать революцию; но чем легче удалось ее начать, тем тяжелее этой одинокой стране пришлось ее продолжать. Оглядывая путь, пройденный Коминтерном за первый год его работы, В. И. говорил, что «в других странах, где рабочие более развиты, где более значительная промышленность, где рабочие гораздо более многочисленны, развитие революции пошло путем более медленным. Оно пошло по нашему пути, но пошло гораздо медленнее».

Именно так! Именно это приходится повторить и о процессе образования коммунистических партий в важнейших странах Европы и Америки. В общем, «оно пошло по нашему пути, но пошло гораздо медленнее».

Злостные враги Коммунистического Интернационала из рядов контр-революционной социал-демократии и просто дураки и невежды, не понимающие, в каких тяжелых муках только и могут

рождаться рабочие коммунистические партии, с диким злорадством или, в лучшем случае, с тупым непониманием указывают на многочисленные «кризисы», пережитые отдельными партиями Коминтерна за истекшее пятилетие. За внешними трудностями этих «кризисов», «критики» всех родов не видят того громадного шага вперед, который, несмотря ни на что, проделало международное рабочее движение и его авангард — Коммунистический Интернационал.

Если взять историю нашей, ныне могучей, Российской Коммунистической Партии, которая управляет величайшим из государств мира, и проследить, хотя бы в самых общих чертах, историю развития Р. К. П. из Р. С.-Д. Р. П., т.-е. историю превращения социал-демократической партии (в которой мы работали долгие годы совместно с меньшевиками) в партию коммунистическую, то сколько же «кризизов» пережили мы за это время! Достаточно напомнить только самые важные из этапов, через которые прошло русское революционное рабочее движение: «легальный марксизм», «экономизм», попытки создания промежуточных организаций совместно с эс-эрами, «меньшевизм», «ликвидаторство», «отзовизм», «оборончество» и т. д. и т. д. С известным правом можно сказать, что все развитие, весь путь от Р. С.-Д. Р. П. к Р. К. П. есть не что иное как сплошной «кризис». В том-то и дело, любезные критики, что коммунистические островки в безбрежном буржуазном море складываются и укрепляются, в особенности вначале, с неимоверным трудом.

В том-то и дело, что авангардные организации угнетенного класса—с ясной коммунистической программой, с непреклонной волей к борьбе, с гибкой коммунистической тактикой, — организации, которые умеют обходить все скалы и рифы на пути к победе пролетариата, складываются лишь очень медленно, лишь в упорной борьбе, лишь на основе тяжелого опыта.

Людям, для которых действительный характер коммунистического движения есть книга за семью печатями, совершенно непонятна вся тактика Коминтерна. Им зачастую кажется (это особенно верно сейчас), что Коминтерн поворачивает то налево, то направо чуть ли не по прихоти отдельных вождей.

На деле тактика Коминтерна объясняется факторами поглубже.

При всем разнообразии условий в отдельных странах — Коминтерн, в общем, стоит перед двумя опасностями. Коммунистические партии не свалились с неба готовыми. Они большей

частью вышли из недр II Интернационала, и поэтому наследие с.-д. традиций, в той или иной мере, тяготеет над ними неизбежно.

Это — одна опасность: правая.

И чем медленнее развивается международная революция, тем большей может, при известных обстоятельствах, стать эта правая опасность.

С другой стороны, коммунистические партии, пока они остаются меньшинством в рабочем классе, склонны к отходу от масс, склонны не видеть больших арьергардных и средних слоев рабочего класса, тяжелой пехоты пролетариата. Тонкие авангардные слои пробуют поднять непосильные тяжести и могут надорваться. Революционное нетерпение — не всегда хороший советник. Отсюда «левая» опасность.

Коминтерну приходится считаться с необыкновенным многообразием. Но в общем он должен поворачивать руль то в одну, то в другую сторону, дабы провести еще не окрепшие партии через все подкарауливающие их то справа, то «слева» опасности и вывести их на широкую дорогу. Поводов для злорадства врагов и дураков тут не мало. Пусть говорят, что хотят, а мы пойдем своей дорогой и выпестуем настоящие, закаленные коммунистические партии во всем мире.

Одной из причин сравнительно медленного оформления коммунистических партий в Европе несомненно является запоздалость раскола во II Интернационале, в целом, и в важнейших социал-демократических партиях, в отдельности. Как правило, это несомненно так.

Почти каждая из коммунистических партий прошла через свои особые трудности.

Германская коммунистическая партия родилась, как партия, несомненно с известным опозданием. Затем Союз Спартака, в начале 1919 г., не успевши окрепнуть, взвалил на свои плечи непосильную тяжесть, попытавшись стать организатором вооруженного восстания против буржуазно-социал-демократической власти в момент, когда большинство германского пролетариата далеко еще не шло за коммунистами. Затем в Гейдельберге резнули по ее живому телу, слишком поспешно отрезав от партии ценнейшие «левые» революционные элементы пролетариата; эту операцию проделал «хирург» Пауль Леви, который своей дальнейшей эволюцией показал, что биения пульса пролетар-

ской борьбы он не улавливает. Затем, после партейтага в Галле, небольшая коммунистическая партия сразу обросла чрезмерно большой массой, которая в лучшем случае только сочувствовала коммунизму, но не была действительно коммунистической.

В марте 1921 г. Германская коммунистическая партия организует так называемое мартовское восстание, которое окончилось тяжелым поражением, вызвало большие внутренние кризисы в партии и стало исходным пунктом глубокой по содержанию дискуссии на III Конгрессе Коминтерна. Это сделало неизбежным новые кризисы в Германской коммунистической партии, приведшие к исключению Леви, к уходу ряда парламентариев из бывшей группы левых независимых и к кризису так называемой K. A. G. (группы, называвшей себя «Коммунистическим Рабочим Содружеством», во главе с Фрисландом и К⁰).

Усиление правых элементов партии привело на другом полюсе к возрождению и усилению «левой» группы, которая, по крайней мере в лице своих вождей, сильно подвержена «детской болезни левизны». В настоящий момент, когда мы пишем эти строки, Германская коммунистическая партия, одна из главных секций Коминтерна, вновь переживает тяжелую внутреннюю борьбу — неизбежную после того действительно глубокого кризиса, через который прошло германское рабочее движение осенью 1923 г. Но из каждого из этих кризисов Германская коммунистическая партия выходит все более сплоченной и обогащенной купленным, хотя и дорогой ценой, революционным опытом.

Нужно совершенно не понимать души рабочего движения, чтобы во всем этом видеть только «ошибки» и «кризисы», чтобы не понимать, что в этой именно обстановке складывается и закаляется Германская коммунистическая партия, руководительница грядущих победоносных боев германского пролетариата, будущая победительница, будущая руководительница Советской Германии.

Французская партия слишком долго объединяла в своих рядах и отвратительнейших социал-шовинистов, и сторонников «центра», и будущих коммунистов. Еще в 1919 г. тов. Ленин называл газету «Юманите», нынешний центральный орган французских коммунистов, социал-шовинистической газетой. Еще совсем недавно самым влиятельным человеком уже во Французской коммунистической партии, расколовшейся с социал-шовини-

стами, был не кто иной как Фроссар, тот самый Фроссар, который ныне открыто продался буржуазии. (В «демократической» Франции принято: уж если изменять, так изменять, — и из генеральных секретарей коммунистической партии, сыграв в политическую чехарду, попадают прямо в маклера буржуазного «левого блока».) Первая полоса работы над созданием коммунистической партии во Франции закончена. Когда начнутся настоящие революционные битвы во Франции, когда Французская коммунистическая партия непосредственно станет перед теми же проблемами, которые вот уже в течение нескольких лет стоят перед германской секцией Коминтерна, тогда мы почти наверняка столкнемся и во Франции с новыми трудностями. Тогда произойдет окончательное отсеивание ненадежных элементов, попутчиков, и окончательно выяснится, кто из французских коммунистов готов биться с буржуазией и социал-предателями до конца, и не только в форме резолюций и манифестаций. Кризисы в кавычках и без кавычек, которые переживала Французская коммунистическая партия в течение последних лет, несомненно принесли величайшую пользу пролетарскому движению во Франции. Особенно большое значение имеет наступившее сближение между подлинным ядром французских коммунистов и лучшей частью французских революционных синдикалистов. Не все мы еще оцениваем значение этого сближения в полной мере. А между тем, благие последствия его будут очень велики.

Или возьмите Итальянскую партию. Она одна из первых начала очищаться от наиболее махровых социал-шовинистов. Первый раскол (изгнание Муссолини и К° из социалистической партии) произошел еще за два-три года до империалистической войны 1914 г. Но раскол был недостаточно радикален. Муссолини ушел, а скрытые муссолинианцы остались. Конец империалистической войны застает уже численно большую Итальянскую социалистическую партию, в которой борются три течения: реформисты, центристы и будущие коммунисты. Бесхарактерность центристов и вероломство реформистов привели к гибели замечательное по своему размаху могучее революционное движение итальянского пролетариата в 1920 г. Затем наступает раскол в Ливорно. Центристы остаются с реформистами, увлекая за собой крыло шатких коммунистов и ядро революционных пролетарских масс. Коммунистическая партия, как она сложилась в Ливорно, оказывается на первых порах недостаточно зрелой.

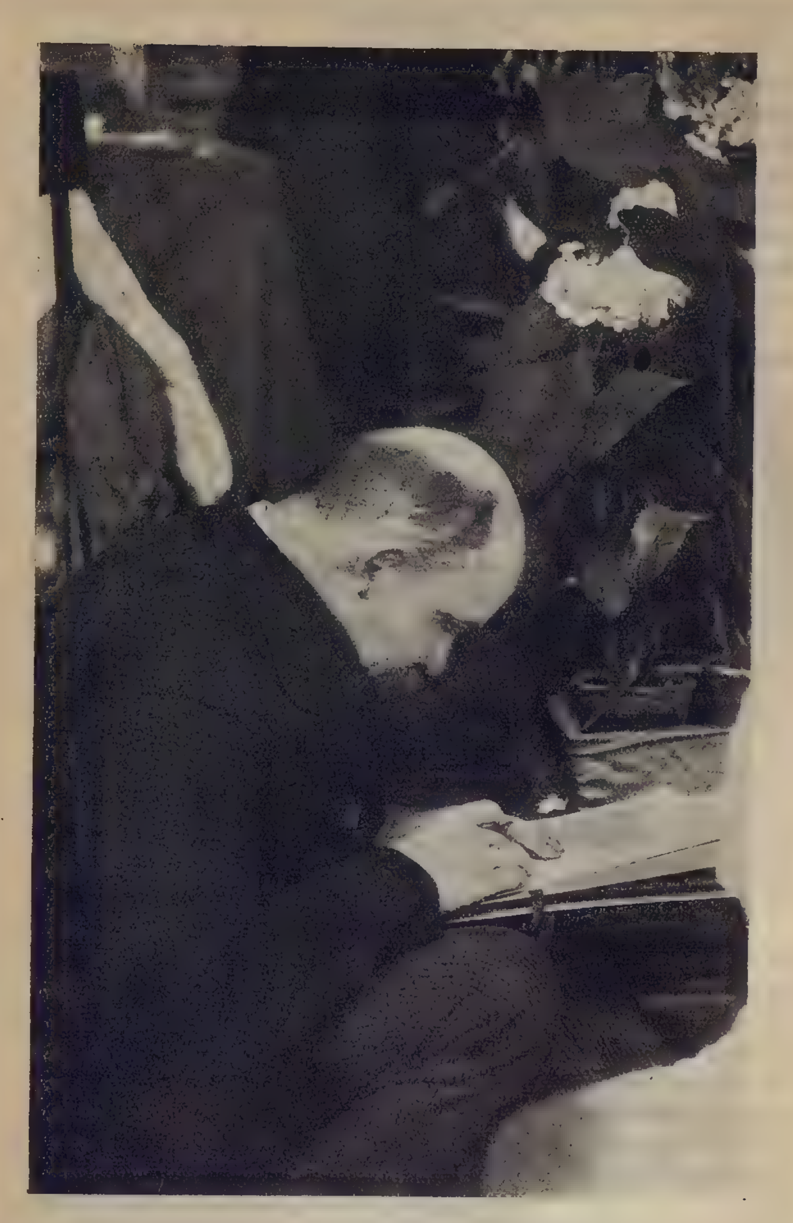
Затем наступает второй раскол внутри социалистической партии. Лучшая часть бывших центристов становится твердо на сторону Коминтерна. Другая часть «маневрирует» настолько умело, что в конце концов сама изгоняется из своей же партии компанией дельцов с каким-то Ненни во главе. Затем начинается процесс сближения коммунистов с «фузионистами» (сторонники объединения коммунистической партии с социалистической),—процесс, не закончившийся еще и по сейчас.

Когда победа просилась в руки итальянского пролетариата, реформисты и центристы спасли буржуазию. И только в течение нескольких лет, пройдя через ряд тяжелых кризисов, лучшая часть деятелей итальянского рабочего движения наверстывает пройденное. Иначе как через эти кризисы в кавычках и без кавычек авангард итальянского пролетариата не может закалиться и создать такую партию, которая больше уже не дрогнет, когда наступит решающий момент.

Чехо-Словакия. И здесь не обошлось без кризисов. И кто знает, какие новые трудности будут стоять перед нашей секцией в Чехо-Словакии, когда пробьет решительный час! Но только слепой не видит, как окрепла наша партия в Чехо-Словакии за эти годы, как из небольшой вначале оппозиционной группы создалась могучая коммунистическая партия, ведущая за собой большинство чехо-словацкого пролетариата. Чего стоит одно то, что национальные трения, игравшие ранее такую большую роль и отравлявшие рабочее движение в Чехо-Словакии, теперь исчезают или даже уже исчезли!

Громадный интерес представляет собою развитие коммунистических партий на Балканах. Даже сильная и компактная Болгарская коммунистическая партия, имеющая за плечами 25 лет развития и расколовшаяся со своими меньшевиками давным-давно, даже и она не могла без кризиса превратиться из мирной пропагандистской коммунистической партии в боевую коммунистическую партию, способную драться с буржуазией не только палками во время избирательной кампании, но и с оружием в руках восставать против буржуазной власти *).

*) Критика, которой подверг Коминтерн ошибки Болгарской партии летом 1923 года, была поневоле очень суровой. Мы рады теперь отметить, что все самые выдающиеся вожди Болгарской компартии теперь признали правильность нашей позиции. Опубликовать все документы по этому поводу, к сожалению, еще не наступило время.

В. И. Ленин на заседании Конгресса Коминтерна.

Через тот же путь, медленнее или быстрее, проходят и другие коммунистические партии на Балканах. Юго-славская партия, которая была численно очень большой в эпоху своей легальности, превратилась затем в очень небольшую величину, когда путем белого террора ее загнали в подполье. И только в процессе целого ряда мучительных кризисов, отчасти не закончившихся еще и сейчас, эта партия также начинает из мирной пропагандистской коммунистической партии превращаться в боевую коммунистическую партию.

То же, в известных вариациях, мы наблюдаем в Румынии, в Греции.

Развитие коммунистических партий в Скандинавии идет особым путем. В этих странах пролетарская революция не стучится еще в дверь. Там не закончился еще даже процесс образования мирных пропагандистских коммунистических партий. Там мы видели (в Норвегии) несколько затянувшееся сожительство коммунистов с центристами и синдикалистами реформистского толка. Там (в Дании) коммунистическая партия, в сущности говоря, еще только создается. Там (в Швеции) мы видим еще некоторые рецидивы центризма. В скандинавской обстановке коммунистические партии складываются особенно медленно. Им не хватает того революционного озона, без которого легкие не могут развиваться.

В Америке, и отчасти в Японии, мы сделали за это пятилетие серьезные шаги вперед. От американского рабочего движения мы имеем полное право ждать приятных сюрпризов. Приближающаяся революция в Японии (японский 1905 год) сразу превратит ныне небольшую нелегальную Японскую коммунистическую партию в крупный фактор международного революционного движения.

В Англии только сейчас создаются предпосылки для создания серьезной массовой коммунистической партии. Об этих предпосылках мы будем говорить дальше.

В колониях и полуколониях за первое пятилетие существования Коммунистического Интернационала положено только начало серьезной революционной работе. Ближайшее пятилетие в значительной мере будет посвящено работе именно здесь. Ибо Коминтерн написал в своей программе не европейскую только революцию, а революцию мировую.

И, наконец, Российская Коммунистическая Партия. Наша партия за истекшее пятилетие, в свою очередь,

пережила не мало «кризисов». Кризисы великой русской революции были и кризисами партии. Из партии по составу чисто рабочей Р. К. П. превратилась на время в партию, объединившую три больших группы: рабочих, крестьян и служащих. И только теперь прекращение деклассирования пролетариата, начавшийся рост социалистического хозяйства, после окончания гражданской войны, дает возможность Р. К. П. поставить вновь вопрос об «орабочении» ее состава и превращении ее в партию, имеющую миллион членов, из которых 900 тысяч должны быть рабочие от станка.

Было время в течение истекшего пятилетия, когда в силу отчаянных трудностей, выпавших на долю первой пролетарской революции, Советская Россия становилась для более отсталых слоев международного пролетариата даже как бы отпугивающим примером. Это было в годы особенно тяжелого голода. Вспомним людоедство на Волге и т. д. Желтая социал-демократия, работающая по вольному найму у международной буржуазии, сделала все возможное для того, чтобы тяжелые беды первой пролетарской революции, вызванные именно натиском буржуазии и вероломством социал-демократии, использовать для того, чтобы отпугнуть от революции западно-европейский пролетариат. Теперь самые большие трудности русской революции остались позади. Теперь вновь наступает время, когда идея советской власти и пример Р. К. П. станут магнитом, притягивающим сердца самых широких слоев рабочих Европы и Америки, в том числе и социал-демократических рабочих.

Подводя итоги первому пятилетию, мы повторяем: а все-таки она вертится!..

Какова наша задача: иметь ли нам партии-«секты» или массовые партии? Так иногда ставят вопрос некоторые товарищи из европейских коммунистов, желающие прослыть «реалистами», товарищи, которые слишком привыкли судить об успехах коммунизма только по результатам парламентских выборов и т. п.

Конечно, последнее! Конечно, мы хотим, будем иметь и частью уже имеем массовые коммунистические партии. Надо только понять, что для создания массовой действительно коммунистической партии неминуемо приходится проходить через полосу так называемой нетерпимости и «сектантства», через полосу борьбы против всего того, что является не настоя-

щим коммунизмом. Без большевистского «сектантства», без той «нетерпимости» и «твердокаменности», которые в течение 30-ти лет своей деятельности обнаружил покойный В. И. Ленин, не было бы и не могло быть массовой Р. К. П.

В целом ряде стран мы неизбежно пройдем через период, когда наши партии будут нелегальными, т.-е. не «массовыми» в обычном «европейском» смысле слова. С какой стати международная буржуазия, которой во всех этих случаях дает советы желтая социал-демократия, позволит нам свободно образовывать легальные массовые коммунистические партии? Разумеется, международная буржуазия и желтая социал-демократия не дадут нам это сделать.

Но бывают и небольшие по численности нелегальные партии, которые на деле являются массовыми партиями пролетариата. За примером недалеко ходить. Российская Коммунистическая Партия, скажем, в 1904 г. была нелегальной партией. Но несомненно она была в то же время массовой партией, руководившей тысячами стачек и демонстраций, имевшей сторонников на каждой фабрике и на каждом заводе. Или — Германская коммунистическая партия. Она в настоящее время нелегальна и переживала нелегальный период уже не раз. Но она несомненно становится и отчасти стала массовой коммунистической партией.

В ряде стран мы стоим еще перед элементарными задачами — создать хотя бы только пропагандистские коммунистические партии, не стремящиеся пока к непосредственной борьбе за власть, а имеющие пока целью лишь просветительную работу и работу разоблачения социал-демократов и центристов. В других странах мы стоим уже перед более высокими и более трудными задачами — выпестовать и закалить боевые коммунистические партии, имеющие задачей уже прямую борьбу за власть. Здесь мы должны учиться создавать массовые коммунистические партии даже тогда, когда они находятся на нелегальном положении.

Рождение коммунистических партий в большинстве стран произошло. Это — величайшее из событий новейшей политической истории. Мы создавали Коминтерн в надежде, что решающие бои и развязка наступят быстрее. С утроенной энергией и с удесятеренной систематичностью мы должны работать над упрочением коммунистических партий во всем мире теперь, пока

история оставляет нам хотя бы маленькое подобие мирного подготовительного периода.

* * *

14 апреля 1919 г. нынешний премьер-министр Великобритании Рамсей Макдональд, в виде отклика на только что совершившееся образование Коминтерна, поместил статью под заглавием «Третий Интернационал».

В этой статье среди прочих сентенций мы читаем:

«В настоящий момент наше движение встречает на своем пути, к несчастью, новое препятствие.

«В Москве основан новый Интернационал.

«Меня лично этот факт глубоко огорчает, — ведь социалистический Интернационал в настоящее время достаточно открыт для всех видов социалистической мысли, и несмотря на все теоретические и практические несогласия, порожденные в нем большевизмом, я не вижу причины, почему левое крыло его должно отделиться от центра и образовать самостоятельную группу.

«Прежде всего, нужно помнить, что мы переживаем еще период родов революции...

«Если же окажется, что мы существенно расходимся в принципах, если мы не придем к соглашению по вопросу о свободе и демократии, если наши взгляды насчет условий, при которых пролетариат может взять власть в свои руки, окончательно разойдутся, если, наконец, выяснится, что война отравила ядом империализма некоторые секции Интернационала, — тогда раскол возможен.

«Но я не думаю, чтобы случилось такое несчастье.

«И потому меня огорчил московский манифест...»

На эту статью Рамсею Макдональду отвечал тов. Ленин, «популярно» разжевывая Макдональду, что мы построили III Интернационал и порвали со II Интернационалом потому, что «убедились в его безнадежности, в его неисправимости, в его роли слуги империализма, проводника буржуазного влияния, буржуазной лжи и буржуазного разврата в рабочем движении».

Как, однако, далеко ушли мы от тех времен, когда Рамсей Макдональд хотел обнять нас «по этапу» и когда Макдональды еще чувствовали себя огорошенными тем, что левая рвет с центром!..

Ныне Рамсей Макдональд, с божьей помощью и с помощью части английских империалистов, — премьер-министр буржуазной

Англии. Ныне уже никому не приходится доказывать, что пути II и III Интернационалов разошлись навсегда.

Главными полюсами международного рабочего движения в настоящий момент, больше чем когда бы то ни было, являются Москва и Лондон. Приход к власти английского «рабочего» правительства можно рассматривать под двумя аспектами: 1) с точки зрения международной государственной политики и 2) с точки зрения судеб международной революции и борьбы Коминтерна со II Интернационалом. Мы рассматриваем здесь этот вопрос только со второй точки зрения.

Рамсей Макдональд и Гендерсон и К° являлись и являются вождями II Интернационала, ибо английская «рабочая» партия является самой большой реальной силой этого «Интернационала». На своем недавнем знаменитом конгрессе в Гамбурге II Интернационал постановил, что те из его членов, которые попадут в какое-либо правительство, должны выйти из Исполкома. Макдональд, Гендерсон и К° теперь формально вышли из Исполкома II Интернационала. Но это, разумеется, только пустая формальность. Решение Гамбургского конгресса продиктовано не какой-либо заботой о принципиальной чистоте и революционной непримиримости. Нет. Оно выражает только особую психологию вождей II Интернационала, которые на участие в буржуазном правительстве смотрят как на своего рода отхожий промысел. Так и теперь Макдональд и Гендерсон, уйдя на отхожий промысел, на время выходят из Исполкома II Интернационала, чтобы без особых затруднений вернуться назад, когда их рассчитает с постов министров буржуазия. Никаких иллюзий: это не психология революционеров, а психология лакеев буржуазии.

И, тем не менее, то, что происходит сейчас в Англии, имеет глубокий исторический смысл. Англия — твердыня мирового капитализма. Англия — богатейшая буржуазная страна. И Англия, в то же время, — край обетованный «рабочего» реформизма в самом тяжеловесном его проявлении.

В октябре 1916 г. бывший секретарь Международного Бюро II Интернационала Гюисманс послал следующую приветственную телеграмму датскому министру без портфеля Стаунингу, вождю датской социал-демократии:

«Вижу из газет, что вы назначены министром. Мое сердечное поздравление. Итак, мы имеем уже десять социали-

стических министров во всем свете. Дела идут вперед. Искренний привет».

Уже тогда в статье «Целый десяток социалистических министров» (см. сборник «Против течения») тов. Ленин писал: «Дела идут вперед. Гюисманс прав. Вперед к отчетливо-ясному, политически-честному, социалистически-необходимому разделению между революционными марксистами, представителями масс революционного пролетариата, и ... агентами империалистской буржуазии ... представляющими интересы не массы угнетенных, а меньшинства привилегированных рабочих, уходящих на сторону буржуазии».

За последнее время «социалистические» министры стали продуктом массовой фабрикации. Теперь, пожалуй, их можно исчислять уже не одним, а несколькими десятками. Международная буржуазия играет с ними в кошку-мышку, — то приласкает, то покажет когти. Выжатый лимон выкидывается на помойку.

В «социалистических» министрах побывали уже и Брантинги, и Шейдеманы, и Пилсудские, и Альберы Тома, и Гендерсоны.

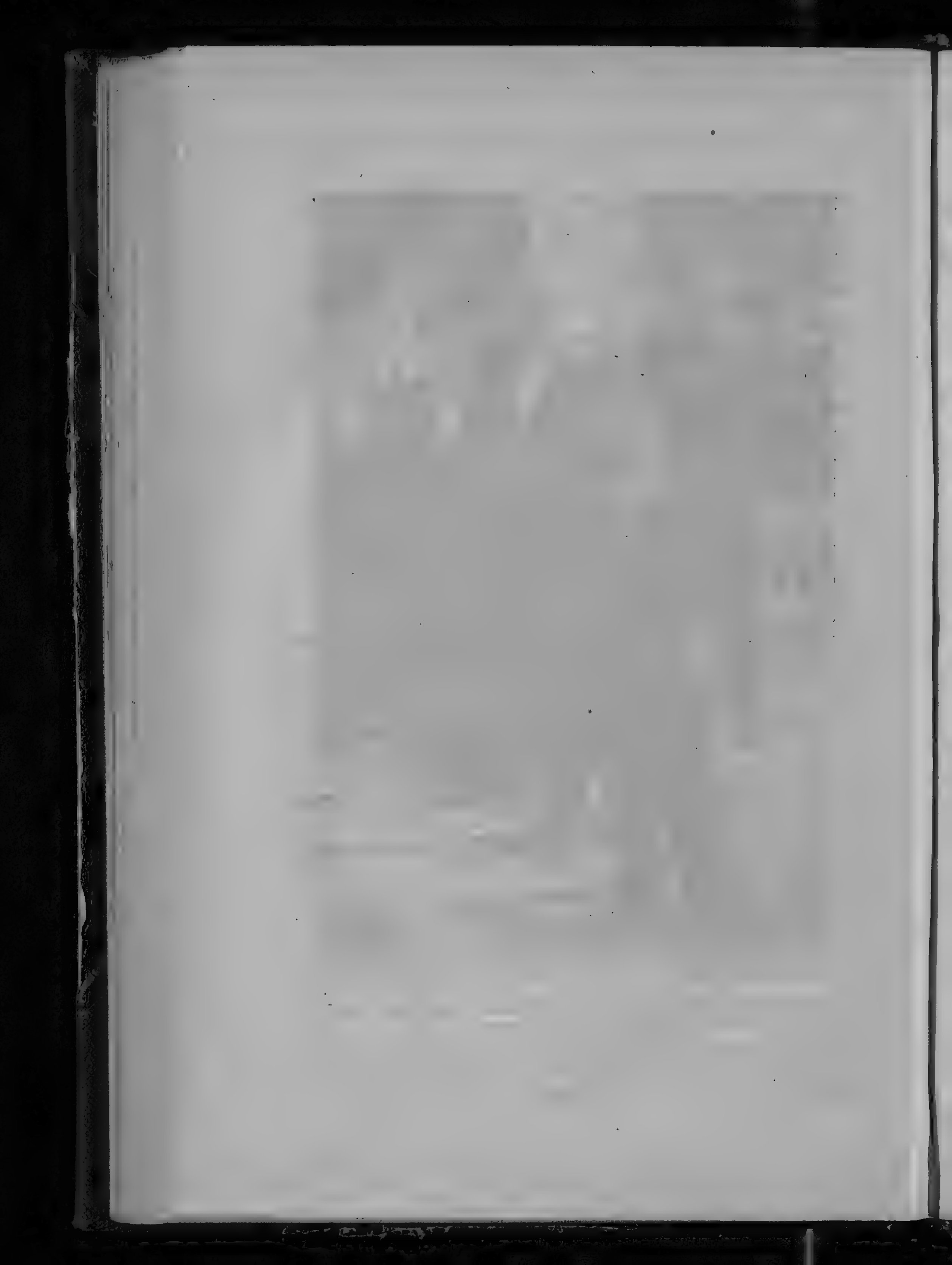
Носке и Шейдеман были призваны к власти в момент, когда революция в Германии была уже в полном ходу. Носке и Шейдеман были призваны — всеми мерами и всеми силами затормозить уже начавшуюся революцию, деморализуя и разлагая рабочих. Колесница революции была на всем ходу. Германская с.-д. партия руками Шейдемана и Носке схватилась за колеса и на время остановила эту колесницу.

Не то происходит в Англии. Там буржуазное владычество еще сравнительно очень прочно. Там объективная роль «рабочего» правительства, если оно только не станет кратковременным эпизодом, будет сводиться к тому, чтобы помочь хотя бы первой попытке расшатать еще достаточно солидный буржуазно-рабовладельческий государственный аппарат. Здесь объективная роль «рабочего» правительства может стать, до известной степени, революционной.

Конечно, и в Англии — пожалуй, в Англии больше, чем где бы то ни было — буржуазия играет с «рабочими» министрами как кошка с мышкой: захочет — помилует, захочет — съест, захочет — попросту выгонит. Но если на вершине парламентского Олимпа эта игра большого значения не имеет и является только рябью на волнах парламентского политиканства, то «в низах», в широких

В. И. Ленин среди делегатов II конгресса Коминтерна в саду дворца им. Урицкого (1920 г.).

кругах английских рабочих, образование первого рабочего правительства не пройдет бесследно. Широкие круги английских рабочих поймут дело так, что к власти приходит труд, что теперь наступает момент прижать богатых, ущемить аристократию, помочь безработным и т. д., и т. д. В субъективном представлении широких слоев английских рабочих и бедноты вообще — приход к власти «рабочего правительства» есть какое-то начало новой жизни. Уже при первых шагах правительства Макдональда мы слышим требования широких групп рабочих о введении рабочего контроля. Уже начинают откликаться английские колонии, по отношению к которым Макдональд и другие лакеи английского империализма, разумеется, думают вести ту же угнетательскую политику, какую вели их господа. Уже Индия требует расширения своей автономии. Завтра заговорят другие колонии, и в самой Индии начнет поднимать голову более радикальное крыло. Все противоречия, на которых основано владычество английского империализма, будут обостряться, все прорехи «великой» английской империи будут зияюще обнажаться. Отношения постепенно будут революционизироваться.

Является ли «рабочее» правительство Макдональда тем самым рабочим правительством, которое пропагандируется в лозунгах Коминтерна, — такой вопрос иногда задается не в меру наивными людьми во Франции.

Конечно, нет! «Рабочее» правительство Макдональда является как раз тем правительством, о котором в известной резолюции IV Конгресса Коминтерна говорится: всякое буржуазное правительство есть правительство капиталистическое, но не всякое «рабочее» правительство есть правительство социалистическое, пролетарское.

«Вы их обучите, а мы их купим»,—говорила одна умная английская капиталистка старому английскому с.-д. (потом социал-империалисту) Гайндману, который рассказал в своих мемуарах, как эта госпожа оценивала «труды» английских социалистов-интеллигентов по обучению социалистических вождей из рабочих. (См. об этом у т. Ленина.)

«Рабочие»-министры, сидящие в правительстве Макдональда, принадлежат как раз к этой породе. Они делают дело купившей их буржуазии.

Неужели это так трудно понять?..

Относительно судеб самого правительства Макдональда можно предвидеть четыре возможности:

1) Правительство Макдональда станет кратковременным эпизодом, будет свергнуто каким-нибудь простым голосованием в кратчайший срок и уйдет в небытие, не оставив заметного следа.

2) Макдональд и К⁰ приспособятся настолько, что станут удобными для решающей группы английских империалистов, и их оставят на более продолжительный срок с тем, чтобы их руками делать империалистическую политику и заодно радикально скомпрометировать нынешнюю Рабочую партию перед рабочим классом Англии, вызвав в нем разочарование и дезориентацию.

3) В самой рабочей партии может начаться диференциация; постепенно будет крепнуть левое крыло, и рабочие массы будут нажимать на «рабочее» правительство, добиваясь проведения действительных мер к облегчению жизни трудящихся. Рабочая партия, в ее нынешнем виде, станет расслаиваться. Макдональд, Клайнс и Гендерсон, разумеется, будут сопротивляться требованиям рабочих. Всем этим будут создаваться предпосылки для образования массовой коммунистической партии в Англии.

4) «Рабочее» правительство Макдональда, несмотря на дрянность и контр-революционность самих членов его, под давлением масс станет, хотя бы до известной степени, выразителем настроений рабочих низов. Между «рабочим» правительством Макдональда и буржуазией завяжется борьба, которая может стать исходным пунктом сравнительно быстрого обострения кризиса в Англии до степени революционного.

Насколько можно предвидеть ход событий, первая и четвертая перспективы являются мало вероятными. Скорее всего линия пройдет где-то посредине — между второй и третьей перспективами.

«Улыбка лорда насыщает дурака», — гласит рабочая поговорка в Англии. Однако, если правительство Макдональда будет кормить английских рабочих только улыбками лордов, то такую пищу английские рабочие скоро признают недостаточно сытной. За это можно ручаться.

Элементов трагикомедии в правительстве Макдональда будет не мало. И, тем не менее, именно потому, что все это происходит в Англии, в стране еще полнокровного капитализма и сильного «рабочего» реформизма, правительство Макдональда является крупнейшим историческим событием. II Интернационал у власти мы видели уже не раз, но мы ни разу не видели его у власти

в такой решающей стране, как Англия. II Интернационал, это теперь больше чем когда бы то ни было—Лондон, а III Интернационал в настоящую минуту прежде всего—Москва. Создается положение во многих отношениях еще небывало ясное и — чреватое крупными политическими возможностями.

«Великий» государственный деятель Чехо-Словакии, господин Массарик, не так давно выступил с много нашумевшей «исторической» статьей:

«Я записал в свой дневник 21 с. м. сообщение о голосовании в английском парламенте, которым был решон приход правительства Макдональда. На день 22 с. м. я записал сообщение о смерти Ленина... Ленин ушел именно в тот день, когда в Лондоне происходило голосование о новом правительстве... В Англии социальная демократия победила без кровавой революции, а в России она победила революцией кровавой. В Англии, значит, победила тоже тактика Маркса. Но только победил Маркс более зрелый. Ушел революционер «старой тактики» крови. Пришел революционер «новой тактики» (бескровной).

«Английский пример утвердит политически-мыслящих в убеждении, что кровавая революция — тактика старая. Революция не кровавая (не только парламентская), это—тактика новая».

Массарик и иже с ним видят в этом великий символ: — Ленин ушел, Макдональд пришел.

Массарик, как и герои II Интернационала, не заметил только малого. А именно: в то время как Макдональд и Гендерсон являются только приказчиками английской буржуазии, которая завтра может их прогнать и почти наверняка прогонит, рабочее правительство, созданное рабочим классом великой страны, под руководством Ленина, является подлинным коллективным вождем Союза Советских Социалистических Республик, является революционным правительством, вот уже седьмой год отбивающим атаки мирового капитала и ныне упрочившим господство труда на незыблемых основах.

Если уж говорить о символе, то приход к власти Макдональда и признание им де-юре Союза Советских Республик назавтра после того как тов. Ленин закрыл глаза навеки, символизирует только то, что дело Ленина, дело революционного марксизма, дело пролетарской диктатуры, — ныне юридически «признано» и теми вождями II Интернационала, которые временно правят в министрах у могущественнейшей буржуазии Европы.

В пророческой статье «Третий Интернационал и его место в истории» тов. Ленин назавтра после образования Коммунистического Интернационала писал:

«Англия дала образец страны, в которой, по выражению Энгельса, буржуазия рядом с аристократией создала наиболее обуржуазившиеся верхушки пролетариата. Передовая капиталистическая страна на несколько десятилетий оказалась отсталой в смысле революционной борьбы пролетариата. Франция как бы исчерпала силы пролетариата на два геройских, давших необычайно много во всемирно-историческом смысле, восстания рабочего класса против буржуазии, в 1848 и в 1871 г.г. Гегемония в Интернационале рабочего движения перешла затем к Германии с семидесятых годов XIX века, когда эта страна была экономически позади и Англии, и Франции; а когда Германия обогнала экономически обе эти страны, т.-е. ко второму десятилетию XX века, тогда во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной, продавшейся капиталистам, сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контр-революционной буржуазии.

«Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями...

«На время, — само собой разумеется, лишь на короткое время, — гегемония в революционно-пролетарском Интернационале перешла к русским, как она была в различные периоды XIX века у англичан, потом у французов, потом у немцев».

Гегемония в контр-революционном II Интернационале находится сейчас в руках Англии. Гегемония в революционном пролетарском III Интернационале — «на время, само собой разумеется, лишь на короткое время» — находится в руках русских рабочих. Дело создания массовой коммунистической партии в Англии должно явиться сейчас предметом первых забот всего Коммунистического Интернационала. Когда коммунисты вытеснят желтый II Интернационал из Англии или когда они хотя бы серьезно поколеблют его гегемонию в этой стране, можно будет считать, что бьет час всего европейского капитализма.

«Маршрут» пролетарской революции, как он наметился в течение первого пятилетия существования Коминтерна, идет из России через Германию. Другой возможный исторический вариант таков. Революция может победить сначала на юго-востоке

Европы в аграрных странах и затем шагнуть дальше на запад. Ведь не случайно же мы имели уже две советских республики в аграрных странах: Венгрии и Баварии.

Во всяком случае, революция из европейской становится мировой лишь в меру того, как подымаются стомиллионные массы людей на востоке. Это — основной резерв мировой революции.

Поскольку, одновременно с дорогой в сердце Европы, революция начинает пробивать себе путь и на Восток в колониальные и полуколониальные страны, постолько пролетарская революция целится прежде всего в английский империализм, владычество которого покоится целиком на угнетении колоний и полуколоний. Когда революционизируется значительная часть английского рабочего класса, когда она станет под знамя коммунистов, когда это движение сольется с национально-освободительным движением угнетенных народов Востока, тогда победит пролетарская революция в Англии и во всей Европе.

Работать над этим, работать, не покладая рук, обязан Коммунистический Интернационал. Пусть не прогневается господин Болдуин, который, в полемике с пишущим эти строки, недавно говорил в английском парламенте, что никто не может предвидеть, сколько крови прольется, если поднимутся народы Востока. Прольется много крови?! Кто же прольет ее? Очевидно, вы, господа «благородные» лорды! В этом смысл вашей речи-угрозы, г. Болдуин. Но никакими угрозами вы не остановите справедливой, законной, единственно необходимой освободительной войны угнетенных народов против их поработителей...

На английских коммунистов ложится теперь трудная, но и великая задача.

«Английским коммунистам, — писал тов. Ленин в своей «Детской болезни левизны», — очень часто трудно бывает теперь (писано в 1920 г.) даже подойти к массе, даже заставить себя выслушать. Если я выступаю как коммунист и заявляю, что приглашаю голосовать за Гендерсона против Ллойд-Джорджа, меня наверное будут слушать. И я смогу популярно объяснить, не только почему Советы лучше парламента, а диктатура пролетариата лучше диктатуры Черчилля (прикрываемой вывеской буржуазной «демократии»), но также и то, что я хотел бы поддержать Гендерсона своим голосованием точно так же, как веревка поддерживает повешенного». («Детская болезнь левизны в коммунизме», русск. издание, стр. 80.)

Приход к власти Макдональда хотят превратить в целый новый век пацифистского расцвета. Вожди немецкой социал-демократии собираются поправить дела за счет того, что у власти в Англии теперь стоят «ихние». На этом же играют господа Дан и К°, вожди русских меньшевиков. Пусть тешатся! Из опыта русской революции, из опыта всей международной борьбы рабочего класса мы давно уже знаем, что чем скорее приходят меньшевики к власти, тем скорее они и уходят.

Не только Черчили, Керзоны, Асквиты и Ллойд-Джорджи, но и Гендерсоны, Макдональды, Клайнсы, Уэбы работают теперь на нас, на Коминтерн, на международную пролетарскую революцию.

* * *

I Интернационал погиб со славой после гибели Парижской Коммуны. II Интернационал погиб бесславно, сраженный оппортунизмом и предательством вождей. Между 1871—1889 г.г. лежит почти двадцатилетняя полоса, когда международное рабочее движение не имело центра. С 1889 г. по 1914 г.—эпоха II Интернационала, когда международный центр рабочего движения был только фиктивным.

Коммунистический Интернационал поставил себе задачей создание единой международной коммунистической партии, строго централизованной, с единым международным штабом. Приходится прямо признать, что и это дело оказалось не таким легким, как это представляли себе руководители Коминтерна при его основании. Приходится признать, что и это дело требует больше времени, чем это многие думали. И в этой области мы подвигаемся медленнее, чем на то надеялись.

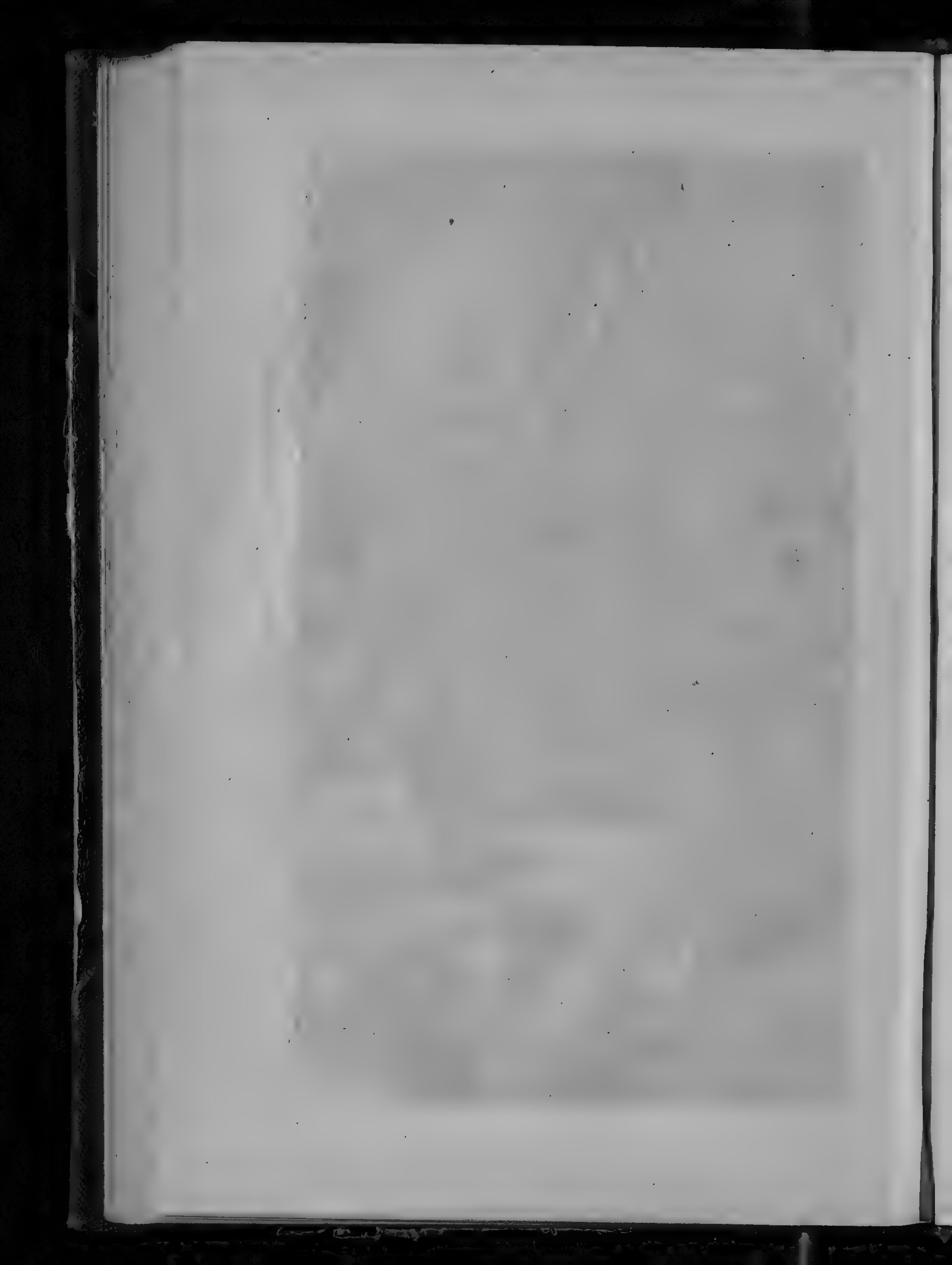
Но все-таки мы двигаемся вперед. Идея необходимости единого центрального международного руководства в течение этих пяти лет вбивалась в наши головы не только успехами, но и поражениями международного рабочего движения. Каждому рабочему середняку становится ясным, что без международного пролетарского руководства нельзя победить международную буржуазию.

Из первого пятилетия работы Коминтерна мы все выходим с сознанием произведенной большой работы и необходимости неустанно, не покладая рук, работать дальше над упрочением международной организации пролетариата.

Мы провозгласили идею необходимости единого Центрального Комитета международной коммунистической партии, како-

В. И. Ленин на площади им. Урицкого произносит речь. (День Интернационала 1920 г.)

вым должен стать Исполком Коминтерна. Мы должны сказать себе прямо, что мы достигли в этой области пока только скромных результатов. Секции Коминтерна слишком бедны еще силами у себя дома, чтобы отдавать их для дела международного руководства. Наши международные связи окрепли, но все еще в очень недостаточной степени. Наш организационный аппарат хромает, наш центр еще недостаточно эластичен. Мы не умеем еще комбинировать выступления отдельных отрядов международного пролетариата. Мы не умеем еще концентрировать удар; мы не научились еще достаточно видеть вперед. Мы не умеем еще вести ударную работу с напряжением всех сил в том пункте, который в данный момент решает дело. У нас сильны еще пережитки II Интернационала как в области организационной, так иногда и в области тактической. Мы были бы недостойными идеалов Коминтерна, если бы мы скрывали от себя наши слабые стороны.

И, тем не менее, мы с благодарностью глядим в будущее и не без удовлетворения оглядываемся на пройденный путь.

На чем сосредоточим мы внимание на ближайшие годы? Каковы наши задачи в начинающееся второе пятилетие работы Коминтерна?

Задачи необъятны. Работы—непочатый край. Работа Коминтерна в исторической перспективе только еще начинается. Первое пятилетие работы такой организации мирового масштаба, как Коминтерн, на циферблате истории — только пять минут. Коминтерн только еще расправляет члены. Он только еще вчерне проделал подготовительную работу. Задач — множество. Важнейшие из них следующие:

1) Курс на близкую пролетарскую революцию в Германии остается целиком в силе. Ориентация, которую принял Коминтерн в конце 1923 г., остается в основном правильной. Не только сама германская коммунистическая партия, но и коммунистические партии Франции, Польши, Чехо-Словакии, Австрии, России должны готовиться к наступлению великих событий в Германии.

2) Работа над созданием массовой коммунистической партии в Англии есть центральная ударная задача не только для английских коммунистов, но и для всего Коминтерна.

3) Всесторонняя помощь американским коммунистам и коммунистам Японии является одной из важнейших работ Коминтерна

4) Рабочий класс в Польше просыпается. Это показали события конца 1923 г. Кризис назревает в Польше с большей быстротой, чем это можно было ожидать. Внимание и помощь Польской коммунистической партии!

5) Революционные события в Болгарии в 1923 г. являются только завязкой крупных революционных потрясений и в самой Болгарии, и на всем Балканском полуострове. Смотреть в оба! Видеть ясно, что через Болгарию революция открывает себе дорогу во все остальные балканские страны.

6) Больше, гораздо больше внимания Востоку, колониальным и полуколониальным странам. Коминтерн — не международная организация только европейских рабочих. Нет. Коминтерн — организация людей не только белой кожи. Коммунистические партии тех стран, буржуазия которых угнетает колонии, должны по крайней мере 50% своего внимания уделять колониальным вопросам. Те коммунистические партии, которые этого не делают, не являются коммунистическими. Забывать эту задачу могут только предатели или трусы.

7) Главнейшей задачей коммунистических партий Европы и Америки попрежнему остается завоевание большинства пролетариата. Лишь в отдельных странах мы близки уже к тому, чтобы считать эту задачу выполненной. И в этих странах (Германия—в первую очередь) мы должны готовиться к непосредственным боям за власть.

8) Со всем упорством и со всем терпением, со всем учетом международного опыта и со всем вниманием, надо работать над тем, чтобы помочь дозреть и сложиться действительным коммунистическим партиям в тех странах, где процесс их оформления еще не закончился.

9) Вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства должен быть разрешен в духе учения тов. Ленина не только теоретически, но и практически. Мы не знаем ни одной партии в Коминтерне, перед которой не стоял бы в упор вопрос о работе среди крестьянства. И, говоря по правде, мы не знаем ни одной партии в Коминтерне, которая не только достаточно удовлетворительно решила бы этот вопрос, но и достаточно серьезно поставила бы его перед собой. Даже наши балканские коммунистические партии, работающие в странах, где крестьянство целиком решает судьбы страны, отдавали до сих пор только самое минимальное внимание вопросу о крестьянстве.

10) То же относится к национальному вопросу. Не надо забывать, что вопросы национальные и колониальные в значительной мере сводятся к тому же вопросу о крестьянстве. Правильно разрешить национальные и колониальные вопросы в нашей программе и тактике, правильно поставить массовую коммунистическую агитацию в национальном и колониальном вопросах, это и означает, в значительной степени, правильно решить вопрос о завоевании на нашу сторону крестьянства.

11) Больше, гораздо больше внимания и помощи надо уделять Коминтерну Молодежи,—той превосходной международной организации, которая является колыбелью будущего. Раз и навсегда надо перестать смотреть на дело организации молодежи как на дело второстепенное и чуть ли не как на забаву. Со всей тщательностью, со всей любовью надо относиться к этой нашей организации, которая уже в течение первых лет своего существования сыграла громадную роль. Великую историческую роль, которую ей еще предстоит сыграть, поистине трудно преувеличить.

12) Всесторонняя поддержка Профинтерна. Еще и еще раз дать отпор нетерпеливым элементам, которые склонны пойти по линии наименьшего сопротивления и покинуть ряды социал-демократических профсоюзов. Новых союзов мы построить не в состоянии. Мы будем разбиты. Мы дадим отрезать себя от массы, если коммунисты выйдут из рядов профсоюзов. Борьба за единство профсоюзов и работа по революционизированию их—таковой остается общая линия. Об исключениях и о модификации этой линии, в зависимости от обстоятельств, придется решать каждый раз особо.

13) Продолжать и развивать тактику единого фронта, имея в виду, что эта тактика для нас является не чем иным как методом революционной агитации, организации и мобилизации масс—в течение целой большой эпохи, когда мы еще в меньшинстве и когда вопрос о непосредственной борьбе за власть стал еще только в отдельных странах. Дать отпор оппортунистическим течениям, которые хотят «расширительно» истолковать тактику единого фронта в смысле какого то прочного политического блока коммунистов с социал-демократией в рамках «демократии». Научиться модифицировать тактику единого фронта в зависимости от условий места и времени. Понять, что тактику единого фронта можно с успехом проводить лишь в том случае, если не делать ее шаблонной, а применять в зависимости от конкретной обста-

новки в каждой данной стране, в каждый данный период. Понять, что мы—не левое крыло социал-демократии, а самостоятельная коммунистическая партия, которая должна победить социал-демократию.

14) Еще более сознательно и организованно работать над упрочением международной дисциплины в наших рядах и превращением Коминтерна в действительно единую международную коммунистическую партию, руководимую из одного центра—пока что «на время, на самое короткое время»—из Москвы, с тем, чтобы перенести этот центр в страну с более многочисленным пролетариатом при первой же решающей победе над европейской буржуазией.

15) Дружно и организованно помогать первой победоносной пролетарской революции удержать диктатуру пролетариата и утвердить ту тактику Р. К. П., которую она приняла на последней всесоюзной партконференции—против уступок международной буржуазии, против мелко-буржуазного уклона. Помочь Р. К. П. преодолеть те трудности, которые встали на ее пути в связи с переходным временем—переходным от завоевания политической власти к полному и действительному упрочению социалистического хозяйства.

Мы живем в эпоху международной пролетарской революции. Эта эпоха началась. Революция развивается, то усиливаясь в темпе, то замедляясь и даже на время как бы замирая. Между одной волной пролетарской революции и другой ее волной иногда будут лежать годы. Легко будет быть коммунистом через несколько лет, когда движение перевалит через главные трудности, и когда решающие победы будут уже налицо. Потруднее быть коммунистом теперь. Но дешево стоят те «революционеры», которые любят итти только по гладким дорожкам. Коминтерн должен научиться организованно и энергично, используя каждую пядь возможностей, работать планомерно и в «мирные» годы и месяцы революционной «передышки», и в годы и месяцы революционных бурь и вихрей. От осторожной, медленной, планомерной пропагандистской работы, при изменении обстановки — быстро переходить к бурным, бешеным атакам и натиску, и — наоборот. Оказывать твердую поддержку каждому крупному рабочему - коммунисту, каждому подающему надежды работнику международной организации молодежи, аждому выдвигающемуся на работе деятелю Коминтерна, из-

которых могут и будут вырабатываться, по выражению т. Ленина, новые Варлены и Либкнехты.

Коминтерн вынужден будет теперь работать без своего учителя, без тов. Ленина.

«Движение пролетариата пойдет своим путем, но не будет уже центра, к которому в критические минуты спешили за помощью французы, русские, американцы и немцы, получавшие от него всегда ясные и верные советы, такие советы, которые мог дать только гений и человек, в совершенстве владеющий предметом». Так писал Энгельс в день смерти Маркса.

Весь Коминтерн может и должен теперь повторять эти печальные слова в связи со смертью тов. Ленина. Чем больше наша потеря, тем более великая ответственность возлагается ныне на каждую из секций Коминтерна, на каждого из нас в отдельности и на всех нас, вместе взятых. На основе коллективного опыта, на основе изучения великих мастеров коммунизма Маркса и Ленина, — обогащенные опытом великой борьбы международного пролетариата, картина которой с каждым годом становится все более грандиозной, — мы будем прокладывать себе самостоятельную дорогу к победе и к осуществлению конечных целей Коминтерна. Осиротел Коммунистический Интернационал, потерявший лучшего своего вождя. Так теснее же ряды! Знамя Ленина попрежнему реет над всеми секциями Коммунистического Интернационала и над всем Коминтерном в целом. Ни один из коммунистов во всем мире не откажется пожертвовать всем, чтобы внести свою лепту в дело осуществления того, что завещал нам тов. Ленин.

Предъистория Коминтерна кончается. Начинается подлинная история борьбы коммунистического пролетариата за низвержение капитализма и создание Международного Союза Советских Социалистических Республик. Великая работа ждет своих делателей. ждет всех нас.

За работу же — в духе того, чему учил нас В. И. Ленин. Пройдет еще пять лет, и первое десятилетие существования Коминтерна международный пролетариат наверняка будет отмечать в обстановке победы коммунизма, по крайней мере, в ряде крупных стран.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Ленин и Коммунистический Интернационал» — статья, написанная 23 февраля 1924 г. Впервые помещена в №№ 48 и 49 газеты «Правда».

*

ЛЕНИН И КОМИНТЕРН [1].

Товарищи! Я буду, главным образом, говорить на тему: Интернационал и тов. Ленин. Я думаю, что с этой высоты лучше всего будет осветить не только принципиальное значение Коммунистического Интернационала, но и историческую роль его предшественников.

Ленин и I Интернационал.

I, II и III Интернационалы, это — три эпохи международного рабочего движения. Тов. Ленин вышел на широкую арену политической работы на рубеже между первым и вторым из этих периодов, т.-е. в момент, когда I Интернационал, созданный Марксом, уже завершил свою деятельность, а II Интернационал еще только начинал складываться.

Тов. Ленин непосредственно не участвовал, как известно, в работе I Интернационала, деятельность которого закончилась в начале 70-х годов. Но из его оценки этой деятельности, из его отношений к важнейшим страницам ее — вполне ясно, как именно он относился к этому первому периоду истории международного рабочего движения.

I Интернационал, как известно, был создан в 1864 г. Кульминационным, высшим пунктом его деятельности было восстание Парижской Коммуны, им вдохновленной, а затем объясненной и воспетой Карлом Марксом, творцом I Интернационала.

Владимир Ильич неустанно изучал историю Парижской Коммуны во всех ее деталях. Не было такого труда или такой книги, посвященной Парижской Коммуне, на которую тов. Ленин не набрасывался бы, как на важнейший исторический документ. Во время нашей совместной жизни в эмиграции, в тяжелые годы поражения, в годы контр-революции, Владимир Ильич обыкновенно крайне неохотно выступал на собраниях перед тогдашними эмигрантскими заграничными колониями, большею частью настроенными враждебно к ленинизму. Но один день в году — день Парижской Коммуны — он никогда не пропускал без того, чтобы не выступить на том или другом собрании с докладом, посвященным этому событию и, в связи с этим, — деятельности I Интернационала. И каждый год эта речь тов. Ленина стано-

вилась все вдохновеннее и глубже. Он учил всех, кто прислушивался к его слову,—а в то время это были не миллионы, как сейчас, а лишь небольшие кружки людей,—он учил всех, кто к нему прислушивался, величайшему уважению к работе I Интернационала и, в особенности, к тому, что совершили парижские коммунары.

Парижская Коммуна, как известно, потерпела поражение в результате целого ряда причин, останавливаться на которых я сейчас не буду. Одной из важнейших было то обстоятельство, что парижские рабочие составляли в то время не единую, вылитую из одного куска партию, а целый клубок течений и групп, расходившихся между собой, иногда очень резко, в самых коренных вопросах. У них не было ни единой программы, ни единой тактики, ни, тем более, единой партии. Это и послужило одной из важнейших причин того, что это замечательное по своему энтузиазму движение было разбито и потоплено в крови.

В докладах, которые тов. Ленин посвящал ежегодно Парижской Коммуне, в сущности говоря, уже тогда намечалась программа III Интернационала, намечалось то, что мы, как его деятели, должны были позаимствовать и позаимствовали в свое время у I Интернационала, созданного Марксом.

Отношение Ленина ко II Интернационалу.

В деятельности II Интернационала тов. Ленин непосредственно принимал не очень активное участие. В первые годы своей широкой политической деятельности он относился к его работе с большим уважением. Он идеализировал роль германской социал-демократии, главной партии II Интернационала. В «Что делать?» и в других работах Владимира Ильича вы найдете страницы, целиком посвященные ее великому значению. Такое отношение исторически понятно, ибо в то время германская социал-демократия была коренной партией II Интернационала и играла для него, приблизительно, такую же роль, какую наша Российская Коммунистическая Партия играет для III Интернационала. Она привлекла в свои ряды миллионы членов, сорганизовала массовые профсоюзы, создала громадную социалистическую печать, превратила рабочую массу из человеческой пыли в организованный класс, в рабочую партию. Это была сильная сторона германской социал-демократии. И в этом же заклю-

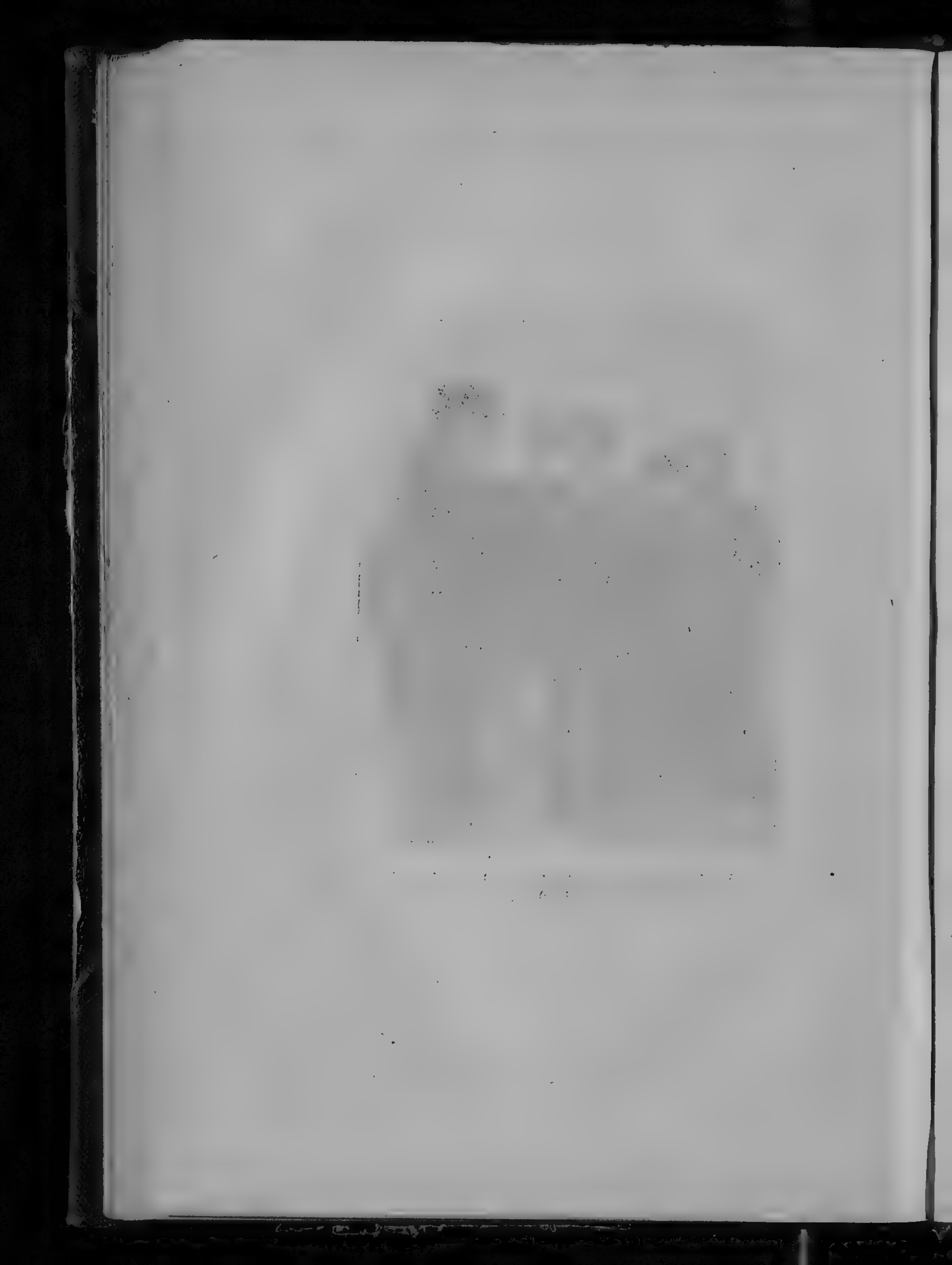
чалась сильная сторона всего II Интернационала в первую эпоху его деятельности. При всей своей страстности революционера, при всей своей непримиримости по отношению к оппортунистам, тов. Ленин и в последующие годы, уже при существовании III Интернационала, находил в себе достаточно объективности, чтобы подчеркивать ту большую историческую подготовительную роль, какую в свое время сыграл II Интернационал. В своих наиболее боевых статьях, направленных против II Интернационала за его грубое предательство рабочего дела, начиная с 1914 года, тов. Ленин постоянно указывал, что в течение двух десятилетий II Интернационал играл положительную роль, что он создал массовые рабочие организации, массовую рабочую партию, профсоюзы, кооперативы и просветительные общества, что он поставил на ноги социалистическую печать, просвещая рабочих и обучая их азам социализма. В течение этой эпохи рабочий класс исторически не мог сделать ничего другого, кроме того, что он действительно сделал. Совершенно ясно, что мировая история дала это время угнетенным классам для того, чтобы они постепенно собирали свои силы, складывались в массовые организации, приобретали первый организационный и политический опыт. И в этом смысле годы эти не пропали даром: годы II Интернационала были для международного рабочего класса эпохой длительного, мирного органического развития, в течение которой только и можно было заниматься пропагандой, агитацией, организацией, сколачиванием верных отрядов рабочего класса, который на наших глазах рос и численно и политически. Вот почему в первые годы деятельности Владимира Ильича он присматривался к деятельности II Интернационала и относился к ней с нескрываемым и большим уважением. И только в ходе борьбы у него постепенно созрела мысль о том, что необходимо создать во II Интернационале левое крыло, а потом явилось и убеждение в том, что нельзя вести освободительную борьбу пролетариата, не создав III Интернационала.

Первое практическое соприкосновение большевистского крыла нашей партии, тогда еще объединенной, с деятелями II Интернационала относится к 1903 — 4 г.г., к моменту нашего первого резкого расхождения, почти раскола с меньшевиками на втором съезде нашей партии.

В то время II Интернационал возглавляла германская социал-демократия. Говоря персонально, вождем II Интернационала был

В. И. Ленин на площади Жертв Революции (май 1920 г.).

Август Бебель. Впоследствии создалось нечто вроде триумвирата, который целиком и безраздельно господствовал во II Интернационале, руководя всей его работой. Это были: австриец Бебель, Виктор Адлер, а позднее и Жорес, как представитель французской партии и, в сущности говоря, всей романской части II Интернационала.

Из этих трех лиц самым выдающимся был Бебель; его голос был решающим. Первое соприкосновение с ним тов. Ленина относится к 1903—4 г.г., когда покойный Бебель сделал попытку вмешаться в наши внутрипартийные споры, с целью устроить примирение между большевиками и меньшевиками, причем он явно был настроен в пользу последних. Павел Аксельрод, Плеханов и другие уже жили тогда заграницей, имея прочные связи со II Интернационалом, а тов. Ленин был для него человеком новым, только что показавшимся на международной арене. Вожди II Интернационала склонны были вообще прислушиваться к оппортунистическим голосам в рядах нашей партии. И когда, при переломе в 1903—1904 г., стало выясняться, что тов. Ленин в России не одинок, что большевизм растет, что несмотря на громадный авторитет Плеханова и Аксельрода, тов. Ленин, тем не менее, объединяет вокруг себя добрую половину партии и не сегодня-завтра объединит доброе большинство ее, — тогда II Интернационал решил притти на помощ меньшевизму. Бебель обратился с письмом к большевикам, в лице тов. Ленина, и предложил нам третейский суд. Нашему тогдашнему большевистскому центру отклонить это предложение было довольно трудно: мы были маленькой величиной, между тем как II Интернационал был тогда в зените своей славы, а Бебель пользовался безраздельной и горячей симпатией всех его сторонников. Его предложение поставило поэтому нас, и в частности тов. Ленина, в очень тяжелое положение. Тов. Ленин нес тогда главную ответственность за всю большевистскую партию, и на него направлялись тогда все удары. Тем не менее, при всем своем уважении ко II Интернационалу, к германской социал-демократии, и в частности к Бебелю, Владимир Ильич, а вслед за ним и тогдашний большевистский центр, решили вежливо, но настойчиво, твердо и категорически отклонить это посредничество.

II Интернационал не был такой организацией, какой является теперь III Интернационал: в нем совершенно не было нашей

дисциплины, он не был единой международной партией, какой мы мыслим Коминтерн сейчас. Это была свободная, плохо оформленная федерация различных партий, которая от времени до времени собиралась, выносила резолюции и выполняла их «постольку — поскольку». Мы и воспользовались этим обстоятельством и сказали, что вообще постановления II Интернационала обязательны лишь «постольку—поскольку», и что мы вмешательство Бебеля отклоняем.

Тов. Ленин пошел своей дорогой, по которой и повел нашу партию. Это был первый случай, когда тогдашние вожди международного социализма выступили почти единым фронтом против только что начинавшей складываться молодой, не окрепшей большевистской партии. Но и после этого, почти целых десять лет, и тов. Ленин, и вся большевистская партия продолжали еще относиться с большим уважением ко II Интернационалу.

Амстердамский конгресс. — Последняя победа левого крыла.

В 1904 году, как известно, состоялся международный съезд II Интернационала в Амстердаме. В то время в нашей партии был уже раскол. Меньшевики послали в Амстердам свою делегацию, а большевики — свою. Тов. Ленин участвовать в этой делегации отказался. Это объяснялось теми настроениями, о которых я уже говорил: все вожди II Интернационала были тогда настроены против нас — большевиков.

На Амстердамском съезде скрестили шпаги тогдашнее правое и левое крыло II Интернационала. В порядке дня стоял архибоевой вопрос о министериализме, о допустимости для социалистов, членов II Интернационала, участия в буржуазных правительствах. Амстердамский съезд решил этот вопрос отрицательно: за участие в буржуазном правительстве, за так называемую новую тактику мильерандизма (Мильеран был социалистом), высказывался Жорес; но против него выступал Бебель, и большинство оказалось на стороне последнего. Оглядываясь назад, можно сказать, что, в сущности, в Амстердаме II Интернационал сделал последний взмах крыльями, в последний раз мы видели там сколько-нибудь прочную победу более или менее революционного крыла.

Начиная с 1904 года, во II Интернационале все сильнее крепнет оппортунизм, и к нашему времени он становится настолько прочным, что вопроса о мильерандизме — о допустимости участия социалистов в буржуазном правительстве — теперь уже не существует; об этом во II Интернационале нынче никто не задумывается и не спорит. Теперь каждый, с позволения сказать, вождь II Интернационала готов с величайшей радостью войти в буржуазное министерство, если только его пускают. Вы видите это на примере Макдональда и на поведении английских социал-патриотов. В Гамбурге в прошлом году было постановлено: в случае, если тот или другой вождь II Интернационала попадет на министерский пост, он должен выйти из Исполкома Интернационала, но только на время. Еще сегодня мы прочитали в газетах, что на совещании Международного Бюро II Интернационала было решено рассматривать пребывание товарища Гендерсона в министрах у английской буржуазии, как временное пребывание в отпуску. Так прямо и написано, что они смотрят на участие господ социал-демократов в буржуазных правительствах, как на какой-то отхожий промысел. Гендерсон отправился на работу к английской буржуазии; он, видите ли, находится в отпуску. А когда этот отпуск кончится (мы имеем основание думать, что это случится довольно скоро), тогда Гендерсон возвратится к своему креслу члена Исполнительного Комитета II Интернационала.

В 1904 году это дело обстояло иначе: тогда это был еще вопрос, о котором только спорили. В 1904 году в Амстердаме победило левое крыло. Говоря «левое крыло», надо, однако, оговориться, что, руководимое Бебелем, оно впоследствии оказалось, в сущности говоря, наиболее близким к тому, что мы называем теперь центром. Но тогда дифференциация во II Интернационале еще не зашла так далеко, и мы имели в то время лишь две основных группировки.

Иенский партейтаг и Штуттгартский конгресс.

Между Амстердамским и Штуттгартским конгрессами 1907 года лежит русская революция 1905 года, когда наша партия вышла на широкую арену, когда вожди II Интернационала убедились, что русское революционное движение имеет громадное будущее. Под влиянием 1905 года начался большой перелом в партиях II Интер-

национала. Произошел знаменитый Иенский партейтаг, где Роза Люксембург подняла забрало, выступив против правого крыла и отчасти против центра.

На Штуттгартском съезде 1907 года тов. Ленин участвовал и лично. Это было после Лондонского съезда нашей партии, когда мы, большевики, имели — правда, слабое, — но всетаки большинство в Ц.К. нашей партии. Мы должны были сформировать делегацию на Конгресс и мы ее составили так, что во главе её стоял тов. Ленин.

В 1907 году на Штуттгартском конгрессе начинается первое формирование той фракции, из которой вырос III Интернационал. Во главе этой фракции стояли Владимир Ильич и покойная Роза Люксембург.

Тов. Ленин в своих докладах и беседах рассказывал нам о том, как во время Штуттгартского съезда он и Роза Люксембург сделали первую попытку собрать нелегальное (не в смысле полицейском, а по отношению к вождям II Интернационала) совещание марксистов, склонных разделять точку зрения Владимира Ильича и Розы Люксембург. Таких людей во II Интернационале оказалось немного, но, тем не менее, первая основа такой группировки была тогда заложена. В Штуттгарте обсуждался также и колониальный вопрос; тут мы близко подошли к вопросу о войне и перед всеми честными революционерами-социалистами тогдашнего времени снова вырисовалась картина, показавшая, что не сегодня-завтра большинство II Интернационала попадет в руки открытых реформистов. Лишь ничтожным большинством голосов удалось провалить в Штуттгарте резолюцию, которая говорила, в сущности, в пользу открытой социал-предательской тактики, и вожди II Интернационала жаловались тогда, что в Штуттгарте их победили благодаря таким отсталым национальностям, как Россия и некоторые другие аграрные страны, которые имели непропорционально большое число голосов и оставили поэтому в меньшинстве основные партии II Интернационала.

В Штуттгарте стало также ясно, что германская социал-демократия становится контр-революционной. Это выяснилось впервые потому, что конгресс происходил в Германии, и на нем германские профсоюзы имели громадное представительство, в несколько сот человек, причем все вожди германских профсоюзов выступали как открытые социал-патриоты.

После Штуттгарта II Интернационал покатился в пропасть еще быстрее, и тов. Ленин относился к нему уже с величайшим скептицизмом. Штуттгартский съезд поколебал его веру в социал-демократию и во II Интернационал в целом. Он еще смотрел на него как на могучую организацию, но видел, что в недрах ее зарождается и растет правое крыло, которое в решающую минуту изменит делу международного пролетариата.

Конгресс в Копенгагене.

Перенесемся на момент в Копенгаген. На Копенгагенском съезде в 1910 г. тов. Ленин участвовал лично. Мы все там были. На этом конгрессе тов. Ленин сделал новое усилие создать левое крыло; он пытался устроить международное совещание революционных марксистов, но дело шло через-пень-колоду: собралось всего 10 человек, из которых половина боялась ходить на эти совещания. На тов. Ленина смотрели с изрядной дозой недоверия; его не знали, а против него выступали самые выдающиеся представители II Интернационала, объединявшие российскую социал-демократию. Копенгагенская попытка создания левого крыла во II Интернационале потерпела фиаско. Конгресс занимался второстепенными вопросами, но и в них на каждом шагу намечался все более ясный оппортунистический уклон.

Базельский конгресс. — Новое поколение вождей-эпигонов.

На Базельском съезде в 1912 г. тов. Ленин не участвовал, вопреки тому, что писали в наших газетах. Тов. Ленин там не был, и нашу партию представлял тогда лишь один тов. Каменев. Время было такое, что основное ядро большевистского центра находилось в пути, стремясь быть как можно ближе к нашей границе, так как мы начали издавать тогда свои легальные органы: «Правду» и «Звезду». Базельский манифест, который был Аннибаловой клятвой II Интернационала против войны, представлял собой документ величайшей важности. Получив его, тов. Ленин положил его на самое видное место, сказав: «Нам выдали крупный вексель; посмотрим — как-то его выполнят!» Вы знаете, товарищи, что по этому векселю нам потом не заплатили. К тому времени к власти во II Интернационале подошли

уже эпигоны. На смену Бебелю и В. Адлеру выходило новое поколение германских социал-демократов, появлялись Шейдеманы. В те дни Каутский, который был одно время в левом крыле II Интернационала, уже начал линять, переходя на сторону правого крыла. Руководство II Интернационалом ухудшалось катастрофически не по дням, а по часам. Если у Бебеля была субъективная преданность рабочему классу, если это был человек, вышедший из рабочих масс и чувствовавший их пульс, то эпигоны, появившиеся вслед за ним на сцену, были людьми совсем другого закала; то были типичные вожди из рабочей аристократии, то было поколение, призванное совершить самую черную измену по отношению к международному рабочему классу.

Ленин в Международном Бюро II Интернационала.

В 1914 году снова происходит наше близкое соприкосновение с деятелями II Интернационала. Тов. Ленин состоял в то время членом его Международного Бюро. Он ездил на заседания этого Бюро в Брюссель с тяжелым чувством и приезжал оттуда почти всегда больным. В его рассказах чувствовалось, что ему приходилось там бывать свидетелем позорных сцен, свидетелем того, как крупнейшая международная организация, объединяющая 20 миллионов рабочих, на его глазах начала гнить. Я не забуду рассказа Владимира Ильича об одном из этих заседаний, на котором произошло резкое столкновение между Розой Люксембург, с одной стороны, и Бебелем — с другой. Когда Роза Люксембург попыталась поднять среди германской социал-демократии борьбу против оппортунизма, она встретила сопротивление правого крыла и центра, во главе с Бебелем. На втором Иенском съезде германской с.-д. партии, который состоялся в 1910—11 г., мне довелось лично присутствовать, как представителю нашего Ц.К., и мы видели там картину неслыханной, позорнейшей травли покойной Розы Люксембург со стороны всего съезда. И руководил этой травлей покойный Бебель. Когда Роза Люксембург попыталась пойти против Бебеля и не встретила отклика среди революционно-настроенных германских рабочих, — ее потащили в Международное Бюро, на международное судилище, и там устраивали ей сцены отеческих выговоров и грозили исключением, прибегая к самым утонченным формам издевательства над нею. Тов. Ленин не мог этого стерпеть и выступил в ее защиту,

но тогда и на него обрушились те же громы и молнии. Владимир Ильич попытался апеллировать к Плеханову, который тогда переживал свой ренессанс, боролся с ликвидаторами и шел рука-об-руку с нами; но когда тов. Ленин указал ему на недопустимость того, что проделывали с Розой Люксембург, тов. Плеханов ответил ему, что выше лба, мол, уши не растут, что нам надо помалкивать; что когда и у нас будут миллионы членов, как у германской социал-демократии, тогда и с нами будут считаться, а пока что—мы только «бедные родственники». Выслушав его, Владимир Ильич хлопнул дверью и ушел с этого заседания.

После этого тов. Ленин начинает все больше сближаться с теми элементами, которые группировались вокруг Розы Люксембург. А Международное Социалистическое Бюро, где руководящую роль играли такие господа, как Гюисманс, падало все ниже и ниже. Либеральный адвокат Гюисманс развязно похлопывал Владимира Ильича по плечу и, смотря на него сверху вниз, был готов поучать его тому, как надо организовывать рабочую партию и вести за собой рабочий класс. Владимир Ильич ездил на собрания этих адвокатов и будущих социалистических министров без всякого удовольствия, смотря на эти поездки как на тяжелую повинность, которую необходимо отбывать.

Вожди II Интернационала защищают меньшевиков.

В 1913—14 г.г. II Интернационал снова был вынужден заинтересоваться большевиками и притти на помощь меньшевикам, ибо звезда большевизма начала опять восходить в России; к тому времени мы начали превращаться в силу, и Аксельрод с компанией поспешили за поддержкой к этим господам. В Иене, я помню, нынешний президент германской республики, Фриц Эберт, бывший тогда председателем партии, с неслыханной надменностью говорил о группах и кучках людей в России, которые мешают ему, Эберту, заниматься государственной работой; говорил о том, что там появился какой-то Ленин, с которым надо возиться, и т. д. Они отпускали нам (преимущественно меньшевикам), как бедным родственникам, кое-какие средства и думали поэтому, что мы обязаны с ними считаться. Тов. Клара Цеткин рассказывала, что когда ей приходилось с нами встречаться, ее предостерегали заранее: смотрите, это—агенты Ленина, берегитесь их, знаться с ними опасно. В то время всякому, кто

захотел бы подать большевику не два пальца, а всю руку, необходимо было иметь большое гражданское мужество.

В 1913 году или, если я не ошибаюсь, в начале 1914 года, Вандервельде появился в Петрограде. Он имел тогда две миссии: во-первых, подготовлял, по поручению бельгийского и французского правительств, вместе с царскими министрами войну, а во-вторых, мимоходом пытался помочь меньшевикам против большевиков. Он бывал в редакциях «Луча» и нашей «Правды» и собирал материалы, намереваясь, от имени II Интернационала, приказать нам закрыть «Правду» и слиться с меньшевиками. Вернувшись в Бельгию, Вандервельде обратился ко всем группам и фракциям тогдашней нашей партии, вызывая всех в Брюссель. Вандервельде и Гюисманс решили всех нас помирить. Всех групп было вызвано четырнадцать, причем из них только одна была большевистская. Таким образом, мы представляли собою только четырнадцатую часть и, конечно, по мнению этих людей, должны были подчиниться всем остальным. Тов. Ленин отклонил честь лично явиться в этот трибунал. Жребий пал на покойную Инессу Арманд, которая и поехала представлять нашу партию перед этими господами. Это было почти перед самой войной. II Интернационал готовил против большевиков громовый манифест, который должен был заставить нас подчиниться ликвидаторам; но как раз в этот момент грянула империалистическая война, и кризис II Интернационала разразился со всей силой.

К тому времени мы были, в сущности говоря, уже инородным телом во II Интернационале. Еще в Копенгагене мы чувствовали себя отдельной группой и только выжидали момента, когда придет и наше время, и когда мы что-нибудь сделаем в международном масштабе. Владимир Ильич, благожелательное сначала отношение которого ко II Интернационалу сменилось выжидательным, а потом скептическим, Владимир Ильич к четвертой фазе своих отношений — к решительной борьбе со II Интернационалом — становится одним из организаторов будущего III Интернационала.

Циммервальд и Кинталь.

В 1914 г. кончается эпоха II Интернационала и открывается новая эпоха. Что это за эпоха? Ныне мы уже видим, — и через 5—10 лет всякому будет видно, — что это есть эпоха Коммунистического Интернационала.

Этому нисколько не противоречит тот факт, что рядом с нами до сих пор живет, прозябает и имеет иногда частичные успехи II Интернационал. Временное совместное существование двух организаций свидетельствует лишь о том, что общественная жизнь и общественная борьба весьма сложны. Нельзя одну эпоху отрезать от другой ножом. В общественной жизни новая эпоха обыкновенно начинается тогда, когда живы еще остатки прежней, которые клином врезываются в живое тело нарождающейся новой организации. Сейчас именно мы наблюдаем такое положение в международной борьбе рабочего класса.

Переходом к новой эпохе служат первые три года войны, от ее возникновения до октябрьской революции в России.

В этот период товарищ Ленин ведет борьбу против империалистической войны под лозунгом ее превращения в войну гражданскую и вместе с тем ведет уже решительную агитацию за создание III Интернационала. С этой целью им предпринимаются подготовительные организационные мероприятия в интернациональном масштабе. Начало этому было положено им на конференциях в Циммервальде и в Кинтале в 1915 и 1916 гг.

На конференциях в Циммервальде и Кинтале тов. Ленин был лично. Обе эти конференции были еще II Интернационалом: там были, в сущности говоря, те же группировки, которые были и во II Интернационале, только в несколько другой пропорции. Там было правое крыло, левое и центр. Правое крыло II Интернационала было исполнено шовинизма, оно и слышать не хотело о международных съездах, и поэтому количественно оно было представлено слабо, что создавало некоторый оптический обман. Казалось, что правое крыло — самое слабое, что центр силен, и что левое крыло является восходящим меньшинством; однако, в действительности это было не так. Вот почему мы и в Циммервальде, и в Кинтале чувствовали себя отдельной группой и видели свою задачу в использовании этого временного объединения для того, чтобы заложить основы будущего III Интернационала. В Циммервальде присутствовали нынешние итальянские социал-фашисты, все эти господа Модильяни и компания, которые служат теперь оруженосцами у Муссолини. Значительная часть товарищей, находящихся теперь в наших рядах, были в тот момент нашими яростными врагами, готовыми с пеною у рта обрушиться на всякого, кто выступал за создание III Интернационала. Не только во II Интернационале,

но и в Циммервальде и Кинтале — никто почти и слышать не хотел о III Интернационале. Ничего, кроме растерянных, скептических или недоуменных улыбок, мы не встречали ни от кого. Когда тов. Ленин заявлял о необходимости создания III Интернационала, когда он говорил, что II Интернационал обанкротился, — ему отвечали насмешками не только представители правого крыла и центра, но даже те товарищи, которые теперь находятся в наших рядах, как в Р. К. П., так и в других секциях Коминтерна. В Циммервальде и Кинтале тов. Ленина изображали букой, им пугали маленьких детей: вот Ленин, который предлагает III Интернационал, когда всем известно, что пройдет война, и II Интернационал возродится, и т. д. Дальше лозунга борьбы за мир никто не шел. Борьба велась не столько направо, сколько против ленинизма, против личности Ленина: на него ополчились Ледебур и все итальянские социалисты, против него выступили французы, и только одиночки из рядов польской, латышской и шведской социал-демократии поддерживали Владимира Ильича в деле подготовки III Интернационала. Более того, уже после Февральской революции, когда наша партия впервые собралась открыто после приезда Владимира Ильича из-за границы, на апрельской конференции 1917 года, в рядах нашей партии были значительные споры относительно того, можно ли создавать III Интернационал, или надо остаться в рамках Циммервальда... Тов. Ленин требовал полного разрыва с Циммервальдом. Мы были за то, чтобы подождать. Апрельская конференция приняла компромиссное предложение: остаться в Циммервальде с целью информации.

Создание III Коммунистического Интернационала.

Когда, в 1917 году, грянула Октябрьская революция, а германские спартаковцы переименовали свои союзы в Коммунистическую партию, было, наконец, решено создать III Интернационал. Однако, даже на первом его съезде представители спартаковцев возражали против образования III Интернационала. Вопрос был решен против голосов будущих германских коммунистов, которые считали образование нового III Интернационала преждевременным.

Итак, товарищи, вы видите, что III Интернационал имеет длинную предисторию, которая, если хотите, началась еще с бле-

стящих докладов Владимира Ильича о Парижской Коммуне. Эти доклады, к сожалению, сохранились лишь в отдельных отрывках и статьях в памяти тогдашней его аудитории: стенограмм этих докладов тогда не вели. В этих докладах тов. Ленина можно видеть черновую платформу III Интернационала, а началом подготовительной работы по созданию его можно считать 1907 год, когда тов. Ленин и Р. Люксембург сделали первую попытку образования левого крыла II Интернационала.

Если же считать строго формально, то III Интернационал насчитывает только пять лет.

Пять лет Коминтерна и исторический масштаб.

Товарищи! Я знаю, что наиболее горячие головы нашей партии, составляющие в ней отнюдь не меньшинство, как это и полагается в революционную эпоху, считают, что пять лет — это громадный срок, и что Коминтерн слишком мало сделал за это время: в конце концов, у нас была лишь советская власть в двух аграрных странах — Венгрии и Баварии, — нас там разбили, и к пятой годовщине мы имеем советскую власть только в Союзе Советских Республик, обнимающем, правда, всю шестую часть мира. Не ясно ли отсюда, что Коммунистический Интернационал шагает слишком тихо, что слишком медленно развивается коммунистическое движение во всем мире? С точки зрения революционного нетерпения и субъективного настроения революционного поколения, это верно и понятно. Но тут, мне кажется, не грех прикинуть и масштаб исторический, вспомнив о том, что Коммунистический Манифест появился в 1847 году, а образование I Интернационала состоялось лишь в 1864 году: т.-е. целых семнадцать лет такие люди, как Маркс и Энгельс, работали над тем, чтобы подготовить создание первого Международного Товарищества Рабочих, семнадцать лет ушло на подготовку I Интернационала, который, между тем, не просуществовал и десяти лет. Но это — времена очень далекие. Возьмем Владимира Ильича, основателя, вдохновителя и творца III Интернационала. Он выходит на широкую арену политической борьбы в начале 90-х годов; он десять лет присматривается ко II Интернационалу, воздавая ему дань уважения, и только в 1914 году, когда грянула империалистическая война и когда тов. Ленин заявил, что II Интернационал погиб, только тогда он начал работу над созданием

III Интернационала. Двадцать лет — с 1894 до 1914 года — можно рассматривать, как подготовительный период, в течение которого в рамках II Интернационала созревали условия для создания III Интернационала. Маркс работал семнадцать лет над подготовкой I Интернационала, а Владимир Ильич два десятилетия посвятил накоплению сил и формированию первых отрядов для создания настоящего пролетарского Интернационала. Вот два масштаба, которые здесь вполне уместны. Если принять их во внимание и вспомнить, сколько лет прошло между I и II Интернационалами, а затем между II и III, то нельзя не признать, что пять лет, прошедших с 1917 года по 1924, это — совсем уж не такой длинный срок. По отношению же к задачам международным, этот срок даже сравнительно короткий, потому что мировой пролетариат не однороден, даже в рамках одной и той же страны, и в этом — несчастье рабочего класса. В нем есть арьергарды, т.-е. отсталые слои, есть рабочие - середняки, и есть авангард, который, в свою очередь, тоже распадается на разные слои и подслои. В рабочем классе каждой страны существует целый ряд предрассудков — национальных, профессиональных и религиозных, — там еще есть темнота и невежество; там существует также вспоенная и вскормленная международной буржуазией рабочая аристократия, которая видит свое историческое назначение в том, чтобы затягивать процесс революции. Все это, повторяю, можно видеть в рамках каждой большой страны, а тем более — в широких пределах международного рабочего класса.

Вот почему для создания международной организации с ясной программой и тактикой требуется, даже в наше бурное время, больше пяти лет, и если вы подойдете к Коминтерну с таким историческим масштабом, то должны будете признать, что за эти пять лет нами сделаны громадные успехи.

Основной итог пятилетней работы.

Товарищи! Многие из нас читали и перечитывали речь Владимира Ильича, произнесенную им в первую годовщину Коминтерна. Мы были тогда слабее и в рамках Советской республики, и в рамках международных. Мы имели тогда лишь первые, наспех сколоченные группы, и, тем не менее, насколько был уверен в победе Владимир Ильич! Он не был одним из тех ораторов, которые любят преувеличивать и брать мажорные тона.

Ильич на заседаниях Конгресса III Коммунистического Интернационала.

Но его тогдашнюю речь нельзя назвать иначе, как гимном победы, проникнутым глубокою в нее верою. Владимир Ильич считал, что Коммунистический Интернационал одержал огромную победу уже одним тем, что он существует, что он сформировался как международная организация, что он имеет за собой целые партии в длинном ряде стран.

Сегодня вышла в свет книжка тов. Тивеля: «Пять лет Коминтерна в решениях и цифрах». Я рекомендую вам заглянуть в этот превосходный труд, который рассказывает языком цифр о том, как Коммунистический Интернационал из небольшой международной организации пропагандистов, из небольшого коммунистического общества, превратился в течение пяти лет, под влиянием тов. Ленина, в могучую, широко разветвленную пролетарскую организацию. Конечно, сегодня еще нельзя сказать, что мы имеем законченную и единую международную коммунистическую партию. Это было бы самохвальством, но без всякого хвастовства мы можем заявить, что находимся на пути к этому. Когда Владимир Ильич праздновал в Москве свой пятидесятилетний юбилей, он произнес коротенькую речь, в которой сказал: «Товарищи! Мы с вами находимся в зените, мы сделали необычайные успехи, мы одержали великие победы; но я предостерегаю вас—не превращаться в зазнавшуюся партию. Нет зрелища более позорного и постыдного, чем зазнавшийся человек, и нет зрелища более постыдного, чем партия, которая зазналась». Коминтерн поставил себе задачей—стать единой международной коммунистической партией. Мы еще не сделали этого. Есть страны, в которых мы твердо опираемся на рабочие классы и близки к тому, чтобы иметь там большинство; в других странах мы имеем партии, которые являются пока лишь чисто пропагандистскими; есть, наконец, партии, которые сбиваются на идеи централизма, где мы переживаем целый ряд кризисов и рецидивов. В ряде стран мы имеем партии, закаленные в боях. А на Востоке мы имеем начало могучего освободительного движения.

Наша эпоха — эпоха III Интернационала.

Перед нами открывается новая эпоха — эпоха III Интернационала; но рядом с последним живет и действует — правда, умирающий — II Интернационал. Люди, которые плохо разбираются в международном рабочем движении, в праве задать нам вопрос:

в какую же эпоху мы живем — в эпоху II или III Интернационала? В эпоху социал-демократического Интернационала или коммунистического? Мне кажется, что на этот раз, без опасности зазнаться и преувеличить, мы имеем полное право сказать, что мы живем в эпоху III Интернационала. Этому нисколько не противоречит тот факт, что рядом с нами живет, прозябает и одерживает иногда частичные успехи II Интернационал. Временное существование двух организаций свидетельствует лишь о том, что в общественной жизни и общественной борьбе дело обстоит не так просто. Нельзя одну эпоху отрезать ножом от другой. В общественной жизни новая эпоха начинается обыкновенно тогда, когда живы еще остатки прежней, которые клином врезываются в живое тело нарождающейся новой организации; и именно такое положение мы наблюдаем сейчас в международной борьбе рабочего класса.

Если мы возьмем период, обнимающий последние шестьдесят лет (с I Интернационала), то перед нами ясно обрисуются три эпохи. Первая — подготовительная, когда рабочий класс только начал сознавать себя силой; затем — Парижская Коммуна — высший пункт этой эпохи; потом ее разгром, начало II Интернационала в 80-х годах, четверть века его существования и постепенное созревание III Интернационала. Сейчас начинается третья эпоха — эпоха Коминтерна. Лет через пять-десять всякому будет видно, что эпоха III Интернационала началась с 1914 года, и что в то же время кончилась эпоха II Интернационала. В настоящий же момент многим кажется, что у нас одни поражения, а у противной стороны — только успехи.

Наши поражения.

Люди, стоящие на нехитрой точке зрения (к ним принадлежат социал-демократы и центристы, а также некоторые неподготовленные коммунисты), рассуждают так: на выборах в Англии член парламента, коммунист Ньюбольд, оказался неизбранным, хотя и получил на этот раз больше голосов; в Польше была попытка восстания, но не удалась; в Болгарии восстание подавлено и движение загнано внутрь; Германская Коммунистическая Партия подходила близко к восстанию, но потерпела поражение, — словом, у Коминтерна сплошь поражения. С другой стороны, у II Интернационала в такой великой стране, как Англия, рабо-

чий класс пришел к власти мирным путем, без гражданской войны, без кровопролития, — там произошла бескровная революция. Не ясно ли, говорят далее эти господа, что II Интернационал идет вверх, а III Интернационал терпит одно поражение за другим.

Эти господа не понимают, что именно потому Коминтерн и начал новую эпоху, что он прокладывает новую стезю. Он идет против целого стана врагов, он неизбежно получает раны. Он встретит на своем пути миллионы препятствий. Эти кажущиеся поражения в Германии, в Польше и в других странах подготовляют, на самом деле, победу. Это — кризисы, неизбежные при создании настоящей коммунистической партии. Возьмите историю нашей собственной партии: сколько пережила она кризисов! За двадцать пять лет в ней были расколы, почкования. группировки, перегруппировки, яростная борьба и переход от обороны к наступлению. Сколько поражений потерпели мы раньше, чем увидели первую победу 17 октября! Только так и может создаваться коммунистическая партия. Она создается не в безвоздушном пространстве, а в рамках буржуазного строя, когда буржуазия подкарауливает каждый ее шаг, когда социал-демократия подсказывает буржуазии, как надо бороться с коммунистами. Коммунистические островки в буржуазном море могут подвергаться приливам и отливам, известным катастрофам и кризисам; все эти кризисы и поражения свидетельствуют, на первый взгляд, о том, что Коминтерн не может решить свою историческую задачу, но всякий, кто умеет приложить ухо к земле и слушать, кто умеет читать в книге истории нашей собственной Российской Коммунистической Партии, кто знает, с какой болью. кровью и мучениями рождалась первая коммунистическая партия. с какими трудностями она побеждала, — тот поймет неизбежность этих камней преткновения на пути Коминтерна, отдельные секции которого, сраженные врагами, часто падают для того, чтобы снова подняться на колени, а затем и встать во весь рост. Все эти кризисы, поражения и полупоражения, это — элементы подготовляющихся побед.

Лондон и Москва.

Нам иногда указывают на число членов в партиях, входящих во II Интернационал, забывая, что дело не в цифрах, а в том, что наш Коминтерн идет вверх, между тем как II Интернационал склоняется к закату.

Есть и такие мудрецы, вроде Масарика, которые по поводу образования министерства Макдональда заявляют, что его метод мирной революции одержал верх над методом кровавой революции Ленина. Люди, говорящие это, забывают об одной мелочи: о том, что Макдональд лишь формально находится у власти. На деле, власть в Англии принадлежит английской буржуазии, а Макдональд служит у нее в министрах до тех пор, пока ей это будет угодно.

Говорят, что ныне Москва и Лондон, это — два полюса: Лондон — II Интернационал, а Москва — III Интернационал. И это верно. В Москве — рабочее правительство, но не сусальное, не картонное, а настоящее рабочее правительство, ведущее за собой крестьян, седьмой год стоящее у власти, перебившее спинной хребет не одной дюжине своих врагов, правительство, которое поднимается и, рано или поздно, победит всех своих врагов. А в Лондоне, — характерное для II Интернационала правительство милостию буржуазии, не имеющее реальной власти.

Правда, и рабочее правительство в Англии сыграет, может быть, некоторую революционизирующую роль: может быть, само того не желая, он расшатает там государственный аппарат. Приход к власти Макдональда косвенно свидетельствует о силе и росте английского рабочего класса. Но когда у нас к власти пришел Керенский, это тоже свидетельствовало об усилении рабочего класса.

Я помню беседу с одним из тогдашних оборонцев, с Н. Д. Соколовым, который подвез в своем автомобиле Владимира Ильича и меня. (У нас тогда не было, конечно, никаких автомобилей.) В тот самый день, когда Керенский был назначен военным министром, Н. Д. Соколов сказал нам: «Ну, чего нам еще нужно, раз у нас военный министр — социалист». А Владимир Ильич, посмеиваясь в бороду и не отвечая на эти слова, только попросил его: «Скажите, чтобы шоффер вез поскорее, — нам некогда».

Тот факт, что Керенский оказался у власти, означал, что буржуазия не могла править открыто, без известного задабривания рабочих и крестьян. То же самое мы видим теперь и в Англии: ее мощная и богатая буржуазия не может править без известного задабривания рабочего класса, без игры «под рабочего», и потому она берет в министры Макдональда. Это — весьма показательный симптом буржуазного перерождения II Интернационала.

Объективно, правительство Макдональда может помочь (и, наверное, поможет) Коминтерну. Мы уже и сейчас видим, как

индусы переводят на свой собственный язык рабочее правительство Макдональда, требуя себе автономии.

Бывший премьер-министр Болдуин, произнося недавно речь в парламенте, снизошел до того, что полемизировал с таким отпетым человеком, как я, многогрешный. Он говорил, что если на Востоке будет осуществляться программа Коминтерна, то человечество придет в ужас от тех потоков крови, которые будут пролиты. Мы спрашиваем лорда Болдуина, кто прольет эту кровь? Ведь индусские крестьяне, пастухи и рабочие хотят спокойно трудиться на своей собственной земле, отнюдь не думая о кровопролитиях; значит, слова Болдуина могут означать только угрозу по их адресу.

Тов. Ленин учил всех нас тому, чтобы мы, следя за Западом, не забывали о Востоке, а иногда он даже говорил нам, что о Востоке нужно больше помнить, чем о Западе: здесь взаимоотношения вполне четки, а там они не так ясны и более революционны. И Коммунистический Интернационал будет свято следовать этому завету.

У Коминтерна есть одно обязательство, о котором уместно вспомнить сегодня, когда мы празднуем его пятую годовщину. Это обязательство, включенное при ближайшем участии Владимира Ильича в его устав и программу, состоит в том, что мы ставим себе задачей освобождение не только западно-европейского и американского пролетариата, но также и всех трудящихся всего мира, независимо от цвета кожи, — будь она белой, желтой или черной. И эту задачу, товарищи, мы постараемся выполнить во что бы то ни стало.

Крестьянский Интернационал.

Мы восприняли от марксова Интернационала все, что у него было великого и здорового. Ленинский Интернационал — прямой наследник I Интернационала. Но мы превзошли I Интернационал в двух коренных вопросах: аграрном, или крестьянском, и национальном.

В крестьянском вопросе мы превзошли I Интернационал вот в каком смысле: Маркс говорил, что надо соединить крестьянскую войну с борьбой рабочего класса, но он сказал это лишь мимоходом, не развив этого положения в целую программу. А в программе Ленинского Интернационала вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства стал краеугольным камнем.

Мы живем в новую эпоху: после мировой империалистической войны. Крестьянин стал не тем, чем он был во времена Маркса и в период расцвета II Интернационала. Возьмите французского крестьянина (я намеренно беру страну победившую): разве он тот же, что был до войны 1914 года? Во Франции есть богатый слой крестьян, который накопил немало бумажных денег, но деньги эти теперь падают, и слой этот разоряется. Вместе с тем, ненависть к войне жива в каждом французском крестьянине. То же мы видим и во всей центральной Европе и еще больше на Востоке и Юго-Востоке. Вот почему теперь возможна другая тактика по отношению к крестьянству, чем раньше, когда крестьянство было тупой и отсталой массой.

Империалистическая война была страшным бедствием для всего человечества, но она имела ту хорошую сторону, что встряхнула деревню, вытащила за околицу миллионы крестьян, подняла их и взрыхлила почву, создав основу для новой ленинской тактики в крестьянском вопросе.

Вот почему создание Крестьянского Интернационала в Москве надо признать величайшим историческим событием. Владимир Ильич, тогда уже больной, следил с неослабным вниманием за международной крестьянской конференцией, он требовал фактических о ней материалов и знакомился со всеми ее деталями. В нашем Центральном Комитете были некоторые товарищи, не понимавшие великого значения Крестьянского Интернационала. Первые шаги новой организации уже показали, что эти товарищи ошибались. Пройдет еще два - три года, и все увидят, что эта организация — могучий таран. Коминтерн создал и другие крупные вспомогательные организации, как, например, Профинтерн, Интернационал молодежи, имеющий великое будущее, международную организацию кооперативов, Спортивный Интернационал. В Париже и в Чехо-Словакии сейчас идет бешеный бой за Спортивный Интернационал Коминтерна или II Интернационала. На первый взгляд может показаться, что этот бой не имеет серьезного значения, но, по существу, тот факт, что молодежь, играючи, борется по этой линии, — чрезвычайно важен.

Коминтерн и национальный вопрос.

Второе наше завоевание, обогатившее нас по сравнению с I Интернационалом,—это национальный вопрос. Создание Союза Социалистических Республик показало, что у нас национальный

вопрос разрешон. Маркс учил английских рабочих, что не может быть свободен тот народ, который угнетает другие народы, и что, поэтому, английский рабочий должен помогать ирландскому рабочему и мужику в их освободительной борьбе. Но Маркс, в условиях тогдашней исторической действительности, не мог создать ту законченную теорию национального вопроса, которую создал Владимир Ильич. Мы живем в эпоху империализма, который представляет собою последнюю стадию загнивающего капитализма: капитализм загнивает, его звезда на закате, и поэтому он вынужден итти от одной военной авантюры к другой. Вот почему вопрос о колониях и полуколониях встал теперь совсем по-другому: капиталистические державы грабят и делят между собой сотни миллионов населения колоний. Благодаря этому. в колониях просыпается мятежный дух. И вот то, что у Маркса было гениальным штрихом, то у Владимира Ильича претворилось в жизнь. Ведь такие съезды, как Бакинский съезд народов Востока, или как Московский съезд народов Дальнего Востока, имеют великое принципиальное значение. И события последних дней показывают, что на Востоке вспыхивают революционные зарницы. В Египте рабочие захватывают отдельные фабрики. в Индии наблюдается подъем движения, в Китае смерть тов. Ленина вызывает грандиозный отклик. На наших глазах растет великое пролетарское движение в Японии, которое станет крупным фактором в ближайшие годы. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что одной из наиболее вероятных возможностей является вспышка могучего революционного движения на Востоке.

Вы видите, что история развивается парадоксально. Власть в свои руки захватил впервые пролетариат не промышленной, а такой аграрной страны, как наша. Затем вы видели две коммунистические республики в Венгрии и в Баварии, т.-е., опять-таки, в аграрных странах. Не случайно, конечно, было то, что их победили, но также не случайно и то, что от нас пошел костер.

Теперь нам надо готовиться к двум возможностям. Одна заключается в том, что революция пойдет вглубь Европы, через Германию. Другая возможность состоит в том. что загорится Восток, страны колониальные и полуколониальные, откуда движение перекинется в буржуазные страны Европы.

Наш путь ведет через подполье.

Сравнивая эти перспективы будущего с положением дел в настоящий момент, мы не можем не признать, что достигнутые нами за пять лет успехи слишком недостаточны. На Западе царит белый террор, фашизм. Можно даже установить такой закон: чем сильнее становится какая-нибудь коммунистическая партия, тем ближе она к тому, чтобы перейти в подполье. Когда она становится сильной, буржуазия непременно загоняет ее в подполье.

Мы знаем, однако, по опыту, что в подполье выковываются настоящие коммунистические партии. Лишь буржуазные слепцы не понимают этого. Они не знают, что наша могучая Р.К.П. складывалась и закалялась именно в тюрьмах и ссылках. И те рабочие, которых буржуазные палачи терзают теперь в Болгарии и Румынии, в фашистских тюрьмах Италии, — выйдут оттуда закаленными революционерами со стальной волей и с пламенной ненавистью пролетарского класса к буржуазии и к позолоченной социал-демократии. Именно эти рабочие дадут нам лучших строителей Коминтерна.

Ленин—вождь Коминтерна.

За эти пять лет Коминтерном руководит наша Российская Коммунистическая Партия, и, без ложной скромности, мы можем сказать, что наша партия имеет право гордиться выполненной ею работой. Тов. Ленин говорил: настанет время, когда мы будем одной из отсталых стран в гегемонии, когда руководство перейдет к более развитому промышленному пролетариату; в Москве мы находимся лишь временно. Пожелаем, чтобы это время было как можно более коротким, и чтобы мы перенесли наш генеральный штаб мирового пролетариата, наш Исполнительный Комитет Коминтерна, в одну из тех стран, где в настоящее время развевается черно-желтый флаг; пожелаем, чтобы следующие пять лет прошли быстрее, чем первые пять.

Владимир Ильич провел нашу страну через самые трудные места, он руководил ею в самое тяжелое время. То же и в Коминтерне. Перед нами еще встанет целый ряд сложных вопросов, но все самое основное Владимир Ильич нам показал. Могучим прожектором он осветил нам дальнейший путь.

В тяжкие дни, когда Деникин был под Орлом, Владимир Ильич находил время для того, чтобы целые часы посвящать беседам с рабочими, приехавшими из самых отдаленных стран. На IV Конгрессе Коминтерна Владимир Ильич, больной, несмотря на уговоры ближайших друзей, выступил с докладом. Неудивительно, поэтому, что дух Ленина воплощается в Коминтерне. Весь Коммунистический Интернационал с гордостью считает его своим вождем, и я уверен, что каждая из секций Коминтерна и каждый его член будут, не отступая, итти по пути, освещенному тов. Лениным; я уверен, что они выполнят все, что от них потребуется, что они с готовностью отдадут свою жизнь за Коммунистический Интернационал, за борьбу в том духе, как нас учил Владимир Ильич.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Ленин и Коминтерн» — доклад на торжественном заседании Исполкома Коминтерна и пленума Московского Совета, посвященном пятилетию Коминтерна, 5 марта 1924 г. Первоначально напечатан в № 54 газеты «Правда», от 6 марта 1924 г.

ПЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА [1].

Наши потери.

Товарищи! В такие дни, как сегодняшний, каждый коммунист и каждый сознательный рабочий вспоминают с особой болью о тех неслыханно тяжелых потерях, которые международный рабочий класс понес в первые же годы существования нашего международного товарищества рабочих. Когда зарождались первые планы о Коммунистическом Интернационале, были еще живы и Роза Люксембург, и Карл Либкнехт, которых мы потеряли еще до первого учредительного съезда Коминтерна. Мы потеряли за эти годы таких выдающихся вождей международного пролетариата, как т. т. Тышко и Левинэ, Франца Меринга и многих, многих других из лучших борцов мирового пролетариата.

Наконец, незадолго до первого пятилетия Коминтерна, мы потеряли самого выдающегося вождя и учителя международного пролетариата, творца, основателя и вдохновителя Коммунистического Интернационала, — В. И. Ленина. В такой день, как сегодня, мы с особой болью ощущаем его отсутствие. Кто не помнит речи тов. Ленина в первую годовщину существования Коммунистического Интернационала? Тов. Ленин не был особенно увлекающимся человеком, но его речь, в день первой годовщины Коммунистического Интернационала, была настоящим гимном международному товариществу рабочих. Неоднократно, — и во время наших торжеств, и в тяжелые минуты, и в моменты победы — мы будем вспоминать о том, чье имя стало таким дорогим для рабочего класса всего мира, чье имя является знаменем всего нового человечества. И вполне понятно, что, отмечая сегодня первое пятилетие того Интернационала, который с полным правом можно назвать «Ленинским» подобно тому как I Интернационал был назван «Марксовым», — каждый из нас про себя и все мы вместе вспоминаем великий образ учителя, вождя и творца Коммунистического Интернационала. Мы приглашаем собравшихся товарищей встать в честь почившего учителя!

Три Интернационала — три эпохи.

Товарищи! В нынешнем году исполняется первое пятилетие существования III Коммунистического Интернационала.

В нынешнем же году исполняется 60 лет со времени создания I Интернационала, который, как известно, был основан в Лондоне 28 сентября 1864 г. На протяжении 60 лет мы видим три Интернационала. 60 лет в мировой истории не слишком большой срок, но на протяжении этого периода мы ясно видим в международном рабочем движении целых три эпохи, совпадающие с тремя Интернационалами: I, II и III.

I Интернационал.

I Интернационал, созданный Марксом, возник на основе бурного движения, вызванного не пролетарской, а буржуазной революцией в целом ряде стран. Буржуазная революция в Европе, как мы это знаем теперь, завершила к 48-му году целый цикл. Но, как всегда бывает после крупных движений, в особенности в международном масштабе, последствия этих движений развиваются еще в течение ряда лет, а иногда и ряда десятилетий. То же было и с рабочим движением после закончившегося 48-м годом цикла буржуазных революций.

Рабочий класс, впервые пробужденный в лице парижских ремесленников еще в Великую французскую революцию 1789 г., к 48-му году был уже количественно гораздо сильнее и во Франции, и в Германии, и в целом ряде других стран.

Рабочий класс в Англии имел уже к этому времени за своей спиной могучее движение чартизма, которое, между прочим, и Владимир Ильич не переставал вспоминать, как одно из величайших движений международного пролетариата.

Могучее народное движение, вылившееся в ряд буржуазных революций в 1848 г., разбудило рабочий класс. К началу 60-х годов, во всей Европе, молодой, только складывавшийся рабочий класс переживал бурный период первых лет своего развития. И вот на основе этой волны создалось первое международное товарищество рабочих — I Интернационал, руководимый Марксом и Энгельсом. Это было не начало пролетарской революции, а конец буржуазных революций. Это была не первая волна мировой социалистической революции, а последняя волна

европейской буржуазной революции, которая подняла на своем гребне первые отряды международного пролетариата.

Движение развивалось довольно бурно. Не прошло и десяти лет со времени основания I Интернационала, как в Париже, в восстании Парижской Коммуны, мы увидели высший пункт подъема этого I, Марксова, Интернационала.

Парижская Коммуна была разбита. Одной из важнейших причин ее поражения было то обстоятельство, что рабочий класс во Франции не имел в то время коммунистической партии, а был расколот на целый ряд групп, течений и фракций. Парижская Коммуна была мало оформленным союзом различных фракций, течений, групп и подгрупп, существовавших во французском рабочем классе. У парижских рабочих оказалось достаточно героизма, но одного не хватило парижским коммунарам: ясности программы и цели и единства организации; им не хватало коммунистической партии, большевистской партии, сказали бы мы ныне,—партии, вылитой из одного куска. 1871-й год был, в сущности говоря, последним годом серьезной революционной работы I Интернационала. После Парижской Коммуны этот Интернационал существовал еще несколько лет, но то был уже закат его дней, почти прозябание. Кульминационный пункт был перейден, и международная организация рабочих шла уже не вверх, а вниз.

После поражения Парижской Коммуны все правительства мира и, в первую очередь, все буржуазные правительства Европы, заключили между собой «священный», как они его называли, а на самом деле архиконтрреволюционный союз против членов и сторонников I Интернационала. В ту эпоху коммунаров травили, как волков. Между правительствами всего мира существовал особый договор о беспощадном истреблении огнем и мечом всякого, кто принадлежал к Марксову Интернационалу. Они завели специальный институт международной полиции, международного шпионажа, который поставил себе задачей, в буквальном смысле слова, искоренить в зародыше все организации, составлявшие фундамент I Интернационала.

Коммунистический манифест, как вам известно, был написан еще в 1847 году. Со времени появления этого основного документа международного коммунизма, в течение 17 лет Маркс и Энгельс работали над тем, чтобы заложить основу I Интернационала. Эти семнадцать лет, с 1847 года по 1864-й, ушли на предварительную, мелкую, будничную работу для подготовки про-

граммы I Интернационала. С 1864 года по 1871-й мы видим несколько лет бурного расцвета деятельности I Интернационала, закончившейся восстанием Парижской Коммуны, показавшей нам образец геройства.

II Интернационал.

После этого наступает почти двадцатилетняя реакция. В 1871—89 г.г. международный рабочий класс почти не имеет никаких международных связей. Он разбит на отдельные отряды. Французским рабочим пришлось почти 15 лет расплачиваться за результаты их первого восстания, окончившегося для них так трагически: не было ни одной рабочей семьи во Франции и, в частности, в Париже, которая бы не принесла той или иной жертвы. Французская буржуазия расстреляла десятки тысяч рабочих и не меньшее число их было послано на каторгу. Черная реакция, исходившая из Парижа, бывшего тогда ее центром, перекинулась и на всю остальную Европу.

Только к концу 80-х годов французский рабочий класс начинает оправляться от этих тяжелых ударов, а вместе с ним начинают подниматься рабочие Германии и целого ряда других стран. Здесь кончается первый период рабочего движения в XIX столетии.

Второй период начинается, приблизительно, с 1889 года, когда был основан II Интернационал. Последний, как вы знаете, просуществовал ровным счетом 25 лет, т.-е. до начала империалистической войны.

Мы достаточно объективны и достаточно серьезны и беспристрастны, чтобы даже о самом злейшем нашем враге все же сказать доброе слово, поскольку он его заслуживает. В сочинениях Владимира Ильича, написанных им в годы самой острой полемики с предателями из II Интернационала, вы найдете страничку о том, что у II Интернационала все же были бессмертные заслуги, которые заключаются в том, что ему удалось в течение четверти века создать крупные рабочие организации — профессиональные, культурно-просветительные, партийные и т. д. — и превратить рабочий класс из людской пыли в сильную рабочую организацию. Эту незыблемую заслугу II Интернационала мы, его душеприказчики, должны ясно видеть. Двадцать пять лет — с 1889 года до 1914-го (теперь это уже совершенно ясно) — лягут в мировой истории некоторым интервалом между эпохой

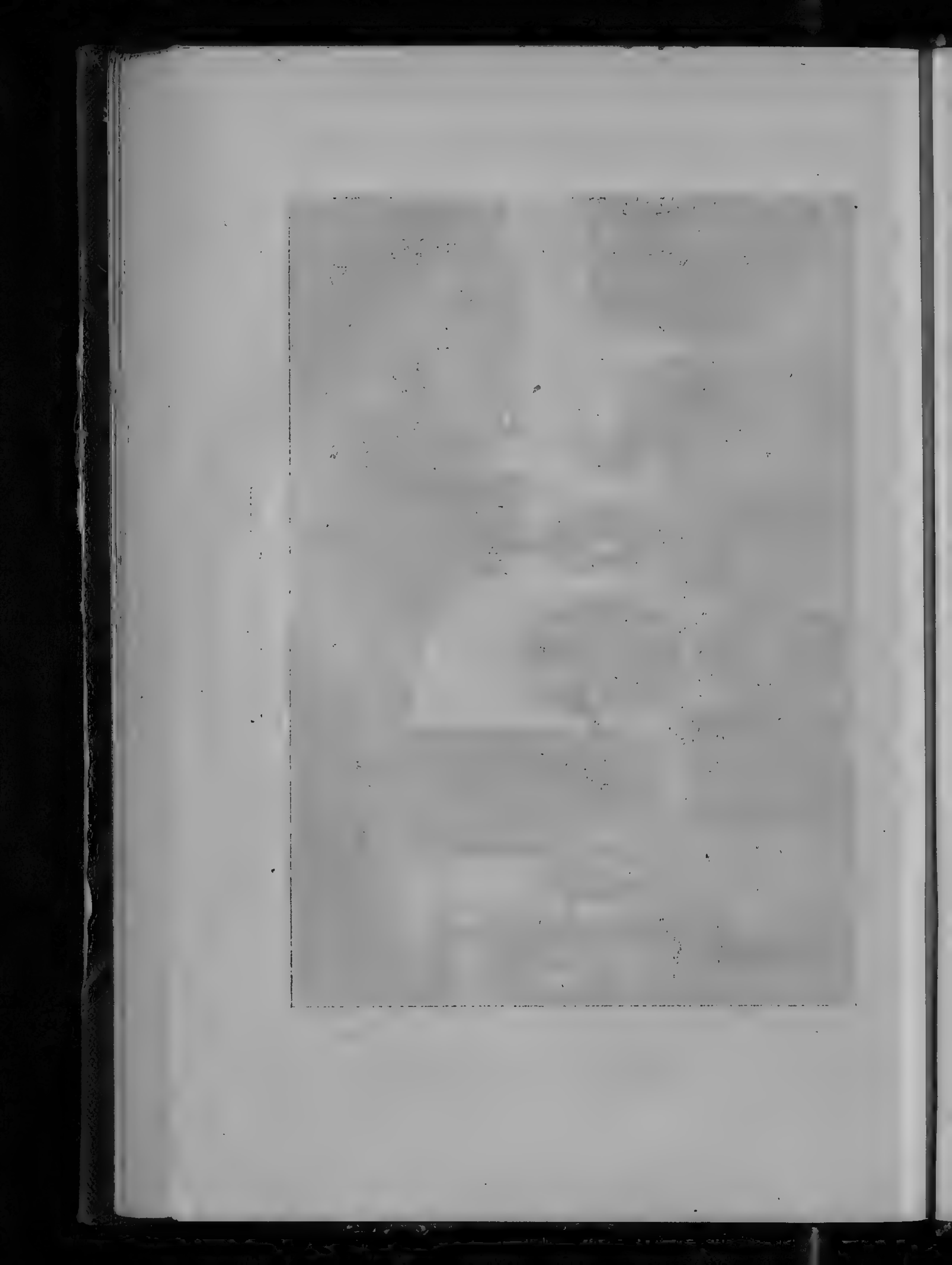
окончания буржуазных революций и началом революций социалистических. К этим 25 годам можно прибавить, с известным правом, и первые, примерно, 15 лет, составляющие промежуток между разгромом Парижской Коммуны и образованием II Интернационала.

Итак, 30 — 40 лет отделяют окончание полосы буржуазных революций, начавшейся в 1789 г. и закончившейся в 1848 г., от эпохи великих социалистических революций, которая начинается с 1917 г. За этот период времени рабочий класс исторически не мог сделать ничего другого, кроме того, что он действительно сделал. Совершенно ясно, что мировая история предоставила этот срок угнетенным классам для того, чтобы они постепенно собрали свои силы, сложились в массовые организации и приобрели первый организационный и политический опыт. И в этом смысле, эти годы не пропали даром: годы II Интернационала были для международного рабочего класса эпохой длительного мирного, органического развития, когда только и можно было заниматься пропагандой, агитацией, организацией и сколачиванием первых отрядов рабочего класса, который на наших глазах рос и численно, и политически. И вот, в 1914 г., а еще яснее в 1917 г., начинается третья эпоха: эпоха Коммунистического Интернационала.

В настоящее время, как вы знаете, II Интернационал существует, в известном смысле, параллельно с III Интернационалом. Мы имеем одновременное существование двух Интернационалов: II и III. Мне кажется, это означает, что в области общественных явлений грани не проводятся так грубо, так схематически, как мы проводим их потом, когда события уже стали достоянием истории и когда мы видим перед собой целый цикл законченных эпох. В общественном движении одна эпоха цепляется за другую, и нельзя, поэтому, как ножом, отрезать одну эпоху от другой. Сейчас мы переживаем переходный период, когда II Интернационал еще не кончил своего существования, а III Интернационал начал уже новую эпоху, но еще не одержал таких побед, которые повлекли бы за собою полную ликвидацию II Интернационала. Тем не менее, II Интернационал, исторически и политически, безусловно погиб. Последний взмах крыльев II Интернационала относится к 1904 г. В сущности, 20 лет тому назад, на международном конгрессе в Амстердаме, в последний раз во II Интернационале победила более или менее революционная так-

Ленинский уголок в Смольном.

тика, а в 1905 г., в Штуттгарте, такая же победа была уже слабее.

В 1904 г., в Амстердаме, перед II Интернационалом встал вопрос о том, имеют ли право социалисты входить в буржуазные министерства? На одном крыле был Жорес и другие ревизионисты, стоявшие за то, что социалист имеет право входить в буржуазное министерство, а на другом крыле находилась лучшая часть II Интернационала: Бебель и старый Либкнехт, высказывавшиеся в обратном смысле. Амстердамский Интернационал принял большинством голосов постановление против вхождения социалистов в буржуазные министерства. Это и был последний взмах крыльев II Интернационала. Теперь времена изменились, и никому из вождей II Интернационала не приходит в голову ставить себе этот вопрос: каждый из них с радостью готов вступить в буржуазное министерство, если его только туда пустят. Это мы видим на примере Макдональда, это же мы видели и в Бельгии, и во Франции.

С 1904 г., когда II Интернационал занял в последний раз более или менее непримиримую революционную позицию, он продолжал катиться вниз. В 1907 г. он задержался было на одной из предпоследних ступеней, но уже и тогда было ясно, что он близится к закату. Он перестал выполнять свои задачи пропагандиста и агитатора; его агитация мало-по-малу теряет свою силу и становится все более и более мелко-буржуазной и оппортунистической.

III Интернационал. — Темп его развития.

И вот, товарищи, с окончанием первой империалистической войны восходит звезда III Коммунистического Интернационала. Подводя итог его работе, удивляешься тем головокружительным победам, которые он одержал в течение первого же года. Иногда, правда, нам кажется, что мы идем слишком медленно: целых пять лет существует Коммунистический Интернационал, а мы еще не завоевали даже Европы, мы не зарегистрировали за последние три года ни одной революции!

Но революционное нетерпение, товарищи, — это один из симптомов, одно из проявлений революционной эпохи. Именно потому, что мы живем в эпоху мировой революции, нашему нынешнему поколению не терпится, и пять лет кажутся ему

неслыханно долгим сроком. Действительно, в нынешнее время пять лет — это целая эпоха. Но надо понять, что эти пять лет, на самом деле, являются лишь эпохой в другой эпохе. Перед нами, начиная с 1914 г. или с 1917 г., явно открывается эпоха международной социалистической революции, но эта эпоха займет не одно десятилетие, и в рамках этих десятилетий у нас будут отдельные, так сказать, главы, отдельные переходные периоды. Первые пять лет являются первой главой, первым переходным периодом в переходной эпохе мировой пролетарской революции. Мы должны это понимать и учить нашу революционную молодежь, поднимающийся рабочий класс и лучшую часть крестьянства — применять к совершающимся событиям исторический масштаб, вспоминая хотя бы о развитии I Интернационала. Маркс был революционером с головы до пят, и его сердце тоже горело святым революционным нетерпением, но он сумел, тем не менее, потратить семнадцать лет на работу в маленьких кружках, ибо именно такой период прошел от появления Коммунистического Манифеста до создания I Интернационала. Далее, в течение двадцати лет лучшие умы и непосредственные ученики Карла Маркса работали над созданием II Интернационала. Революция идет не так легко и не так быстро, как многим из нас хотелось бы. Если мы сравним ход нынешнего развития с развитием первых эпох рабочего движения, то должны будем признать, что в нашу третью эпоху, эпоху Коммунистического Интернационала и мировой пролетарской революции, локомотив истории несется вперед с бешеной быстротой.

Правда, пять лет тому назад стихийный подъем рабочего класса был сильнее, чем сейчас. Тогда еще только кончалась первая империалистическая война, вся Европа была превращена в пепелище, у каждого рабочего из сердца рвались крики возмущения и отчаяния, буржуазия колебалась и теряла голову. Нам казалось, что вот-вот, в один-два года, нам удастся свергнуть буржуазию в целом ряде капиталистических стран. И нам бы это удалось, не будь предательства международной социал-демократии. Она спасла буржуазию.

Оценивая в настоящее время тот момент, мы должны признать, что и сила, и слабость его заключались в стихийном подъеме рабочих масс. Стихийность в революции — самая крупная сила, это мы знаем из истории всех революций, как буржуазных, так и пролетарских. Но мы знаем также, что, опираясь на одну

стихийность, — достигнуть победы тоже нельзя. Стихийность, настроение, это — море, в котором за приливом может завтра же последовать отлив. Настоящая победа пролетарской революции может быть прочной лишь в том случае, если она зиждется на железобетонном фундаменте, на подлинной и прочной пролетарской организации.

Вот почему мы и стали строить международную коммунистическую организацию, успев за первые пять лет шагнуть вперед по этому пути с неслыханной быстротой. В то время как для создания нашей Российской Коммунистической Партии понадобилось несколько десятилетий, мы за пять лет покрыли всю Европу и значительную часть других материков коммунистическими партиями.

Правда, эти партии еще не очень сильны, они переживают ряд мучительных кризисов, им пришлось испытать несколько поражений, и десятки тысяч наших товарищей сидят в буржуазных тюрьмах. Но коммунистическое движение во всех странах живет и продолжает развиваться.

И все же, товарищи, мы должны, в первое же пятилетие, открыто признать, что дело развивалось медленнее, чем мы все надеялись. Было время, когда мы считали, что до неизбежного революционного взрыва нам осталось лишь несколько дней или даже часов. Но оказалось, что здесь, в вопросе о сроке, мы ошиблись.

Советская Россия — основа коммунистического движения.

Может быть, в связи с этой ошибкой, у некоторых товарищей, у нас да и на Западе, зародилось сомнение: не сделали ли мы также ошибки—с точки зрения интересов мировой революции,—удержав в своих руках власть? Развитие событий показало, что мы не ошиблись, и что тов. Ленин был прав, когда он говорил, что, удержав власть в нашей стране, мы принесем всемирному рабочему движению величайшую пользу: мы создадим для него прочную основу. И все мы видим теперь, что существование Советской власти в течение семи лет было и остается основным завоеванием Коммунистического Интернационала.

Во всех странах мира буржуазия и социал-демократы издеваются над коммунистами, заявляя, что Коммунистический Интер-

национал есть лишь привесок к Советской власти. Но если такие доводы могли пять лет тому назад напугать таких господ, как Пауль Леви, то в наши дни каждый рядовой рабочий-коммунист и сочувствующий коммунизму смеется в лицо международной буржуазии и социал-демократии и говорит: «Мы знаем, что Советская власть, это — мы, что настоящая наша родина, это — Москва, Ленинград и те города, где веет красное знамя».

Коминтерн и буржуазные правительства.

В настоящий момент капиталистические правительства начинают признавать Советскую власть и юридически. Но Коммунистический Интернационал не может быть признан международной буржуазией. Каждую пядь своего существования ему приходится отстаивать тяжкой борьбой. За первые пять лет существования Коминтерна мы можем констатировать такой закон: чем сильнее становится коммунистическая партия в той или другой стране, тем скорее она делается нелегальной. Международная буржуазия старается задавить коммунистическую партию, как только видит, что она становится силой. Поэтому, коммунистические партии на наших глазах, — иногда с большим трудом, — превращаются из мирных пропагандистских организаций в боевые коммунистические партии. Все первое пятилетие, в сущности говоря, ушло на это. Мы имели за это время громадное движение в Англии, колоссальное движение в Германии, приводившее несколько раз к восстаниям, могучее движение во Франции, попытки коммунистических восстаний в Болгарии и в Польше. Мы имели за это время многомиллионные стачки во всей Европе и Америке. За это время выросла такая огромная организация, как Профинтерн. В последнее время выросла международная крестьянская организация, о которой я еще скажу несколько слов. Но каждый раз, товарищи, мы видели, как еще мало всетаки сил в рабочем классе, потому что наши массовые коммунистические партии, еще вчера имевшие большое число депутатов (от 50 до 70 человек, как в Юго-Славии и маленькой Сербии), загонялись назавтра в подполье. То же самое — в Болгарии и в Германии, то же будет завтра и с другими партиями. Все они пройдут, вероятно (и не один раз), период гонений и нелегальщины, когда им придется учиться конспирации и приносить

величайшие жертвы. И только после всего этого они выйдут на широкую дорогу.

Первая половина пятилетнего существования Коминтерна ушла на организацию в целом ряде стран первых попыток восстания; это было время, когда казалось, что мы можем непосредственно атаковать врага и, опираясь на массовый подъем, довести дело до победы. Вторая половина этого пятилетия ушла на то, чтобы с громаднейшим трудом, в тяжелой обстановке, в отчаянной неравной борьбе с буржуазией и социал-демократами, создавать коммунистические партии. И несмотря на все препятствия, в главных странах Европы, Америки и других материков, они уже созданы. Им еще предстоит, конечно, не мало трудностей. Они еще только подбирают себе руководителей, еще только рождаются новые Варлены и Либкнехты. Первое пятилетие будет считаться в истории Коминтерна, в истории борьбы международного класса, самым трудным, самым мучительным именно потому, что оно было первое, что у нас не было никаких примеров и образцов.

Пример Советской России прежде и теперь.

В это тяжелое пятилетие мы имели, как я уже говорил, твердую базу в лице первой победоносной Республики Советов, но эта база превращалась иногда и в источник новых затруднений для Коминтерна.

Ведь ни для кого не секрет, товарищи, что в 1921—22 г.г. наша Советская республика, вместо того, чтобы быть магнитом для рабочих всего мира, временно стала кое-где устрашающим примером. Разумеется, и кронштадтское восстание и голод на Волге были использованы международной буржуазией и социал-демократией для бешеной агитации против коммунизма и Советской власти. И только теперь, в пятую годовщину Коминтерна и на седьмой год существования Советской республики, мы можем сказать коммунистам всего мира, что мы преодолели основные трудности и что нашим примером уже нельзя пугать рабочих других стран.

Да, мы прошли тяжелый, кровавый путь, но другого, более легкого пути и не дано историей. Весь мир вынужден будет вступить на ту же стезю, по которой твердой рукой повел нас тов. Ленин.

Коминтерн и I Интернационал.—Крестьянство и Восток.

Мы многое позаимствовали у I Интернационала, но мы не могли взять у него двух вещей: нашей тактики и программы, наших взглядов на крестьянство и на колониальные и полуколониальные народы Востока, ибо эти два вопроса, вследствие исторических причин, не могли стоять перед I Интернационалом.

Величайшим событием истекшего 1923 года я считаю образование Крестьянского Интернационала. Это событие стало возможным только теперь, когда капитализм вступил в полосу своего заката, когда мы видим перед собой, как говорил тов. Ленин, загнивающий капитализм. Когда капитализм шел в гору, когда он развивался и жирел, он мог создавать и создавал слои богатого крестьянства, на которые он опирался и которым он бросал объедки со своего богатого стола. Но с того момента, когда капитализм вступил в период своего угасания, он не мог давать крестьянству ничего, кроме новых войн и новых страданий. Примером тому служит даже такая богатая крестьянская страна, как Франция. На первой империалистической войне небольшой слой французских крестьян разбогател, накопив большое количество бумажных денег, а теперь это богатство оказывается призрачным, ибо деньги падают в цене: французский франк переживает судьбу германской марки. Вместе с тем, громадная часть французских крестьян научилась на первой империалистической войне ненавидеть буржуазию, и во французской деревне вы найдете слой молодых крестьян, которые с живым сочувствием относятся к Советской России.

I Интернационал не мог поставить перед собою вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, как боевую задачу. Правда, Маркс бросил пророческие слова о соединении борьбы рабочего класса с крестьянской войной, но, товарищи, это была лишь налету сверкнувшая искра гениального провидца.

После первой империалистической войны крестьянство во всем мире существенно изменилось: оно стало естественным союзником рабочего класса, и Крестьянский Интернационал стал фактом политической действительности.

Тов. Ленин, будучи тогда уже тяжело больным, проявлял величайший интерес к первой международной конференции крестьянства в Москве. Он заставлял читать ему все относившиеся к ней

материалы. Нам не удалось побеседовать с ним по этому поводу, но мы уверены, что он, как и почти весь Ц. К. нашей партии, придавал громадное значение этому событию, делающему III Интернационал непобедимым.

Мы заложили основу международного объединения крестьянства, и в целом ряде стран международная крестьянская конференция встретила живейший отклик. Коммунистический Интернационал приложит все старания к тому, чтобы Крестьянский Интернационал развивался успешно.

Второй момент, отличающий нас от Марксова Интернационала, — это, как я уже говорил, отношение к Востоку. Конечно, и Маркс знал угнетательскую роль европейского капитализма и с этой стороны. Он правильно учил английских рабочих, что не может быть свободным тот народ, который угнетает другие народы. Живя в эмиграции, в Лондоне, Маркс говорил рабочим Лондона, что они должны, прежде всего, помогать ирландскому мужику и рабочему, стонущим под гнетом английского капитализма. Но у Маркса, в ту эпоху и в этом вопросе, не могло быть той твердо сложившейся политической тактики, которую дал тов. Ленин и которую развил затем Коминтерн.

Коммунистический Интернационал, благодаря тому, что он занял правильную позицию в крестьянском вопросе и в вопросе угнетенных колониальных и полуколониальных народов Востока, вырос на целую голову и стал во сто раз сильнее.

Насколько острым и наболевшим сделался вопрос о колониальном Востоке, видно хотя бы из того, что не успел Макдональд сносить пару ботинок в своем министерстве, как в Индии вспыхнуло восстание. Макдональд и его ближайшие единомышленники смотрят на свой приход к власти, как на весьма удачную для них парламентскую комбинацию, но рабочие массы Англии и угнетенного населения Индии понимают дело несколько иначе: если к власти пришла рабочая партия, значит она должна помочь безработным и облегчить положение колониальных рабов.

Бывший премьер-министр Болдуин выразил недовольство вашим покорным слугой на том, мол, основании, что Коминтерн, по его словам, «весьма нелойяльно ведет на Востоке пропаганду, успех которой повлечет за собой кровопролитие».

Мы хотели бы спросить почтенного лорда Болдуина, о каком кровопролитии он говорит? Несчастные крестьяне Индии отнюдь не жаждут ничьей крови; они хотят лишь работать на своих клоч-

ках земли, не подвергаясь издевательствам, и жить так, как это подобает свободному и великому народу. Поэтому, слова Болдуина весьма похожи на угрозу кровавой расправы с непокорными.

Коминтерн никогда не отрекался от своих основных задач, изложенных в его программе и уставе. Самая основная из них заключается в том, чтобы освободить, сплотить и объединить рабочих и крестьян всего мира, независимо от цвета их кожи, и от этой задачи никто и ничто не заставит нас отказаться.

Диктатура пролетариата.

Когда создавался II Интернационал, деление между его сторонниками и противниками внутри международного движения проходило по линии: кто за парламентаризм и кто против него. Теперь мы так далеко ушли от этого, что кажется, будто прошло не шестьдесят лет, а шесть веков. Теперь, в эпоху Коммунистического Интернационала, деление происходит по линии: кто за диктатуру пролетариата и кто против нее. Тов. Ленин однажды сказал: «Диктатура пролетариата... Эти два латинских слова Коммунистический Интернационал перевел на народный язык всех живых национальностей всего мира». Пока мы имеем диктатуру пролетариата только в одной шестой части света, но мы уверены, что к будущему десятилетию Коминтерна это уже будет не одна шестая, а половина земного шара. Был короткий промежуток времени, когда диктатура пролетариата одержала победу в Венгрии и в Баварии, но эта победа была вырвана из наших рук. Международное кольцо буржуазии сомкнулось вокруг этих стран, истребило их лучших людей и похоронило на некоторое время рабочую диктатуру.

Численность и сила.

Некоторые наивные люди подсчитывают число членов в партиях II Интернационала и делают отсюда тот вывод, что III Интернационал нисколько не сильнее II. Дело, однако, не в численности партий, а в том, идут ли они в ногу с историческим развитием или против него. Вспомните, например, партию эс-эров. У нее было несколько миллионов членов в России, между тем как у нас, после Февральской революции, было едва 40 тысяч

на всю страну, а было даже время, когда нас было всего несколько сот человек. Но мы знали, что мы работаем на будущее нашей партии, и это будущее сделало нас многомиллионной всемирной партией, между тем как от эс-эров не осталось ничего. И социал-демократы имеют сейчас значительную силу в странах, где силен капитализм, но капитализм идет на убыль, а следовательно, и песенка II Интернационала спета.

Заключение.

Мы можем с удовлетворением оглянуться на пройденный нами за это пятилетие путь: мы повсюду пустили корни и дали могучие ростки. Коминтерн — сильная держава. Его боятся, перед ним трепещут, его ненавидят. Никто не проходит мимо него равнодушно. Вокруг него клокочут страсти, бьют живые силы, вокруг него идет страстная борьба. Одни его ненавидят, а другие беззаветно отдают ему свои силы, зная, что нет более высокого звания, как звание члена Коммунистического Интернационала. Это должны особенно помнить все товарищи, входящие теперь в нашу партию, а значит, и в Коммунистический Интернационал.

Этот новый призыв наших товарищей носит имя тов. Ленина, а вы знаете, с каким уважением тов. Ленин относился к международной организации рабочего класса. В годы, когда наступал Деникин, угрожая Туле, когда мы сидели без куска хлеба, и государство было в величайшей опасности, вождь нашей республики просиживал иногда целые дни с группой рабочих какой-нибудь отдаленной страны, выслушивая их и давая им товарищеские советы и указания. Во время IV Конгресса Коминтерна тов. Ленин, еще не совсем оправившись от серьезной болезни, настоял на том, чтобы ему дали возможность выступить на Конгрессе.

Будучи завален государственной работой, тов. Ленин с величайшим вниманием следил за всеми маленькими газетами, листовками и брошюрами, выпускаемыми рабочими-коммунистами самых отдаленных стран мира, знакомясь с течениями в разных партиях и т. д. Он прекрасно понимал, что из этих зернышек взойдет великий урожай.

Сеятеля больше с нами нет. Наш учитель и вождь, вдохновитель Коммунистического Интернационала, закрыл навеки глаза. Мы отмечаем первое пятилетие существования Коминтерна без

него. Но мы, его ученики, выросшие под его руководством, твердо возьмем в руки поднятое им знамя, под которым сплотились теперь пятьдесят две партии Коммунистического Интернационала!

Нам предстоит еще немало трудностей, мы будем еще не раз ошибаться, мы будем терпеть поражения, мы будем говорить: как медленно идет мировая история,—нельзя ли ее подтолкнуть. Но если будут заминки и задержки, если будут препятствия и трудности, то в самые тяжелые минуты мы будем черпать силу и бодрость из нашей уверенности в том, что тов. Ленин указал путь Коммунистическому Интернационалу, и что передовые рабочие всего мира, вступившие на этот путь, придут к полной победе.

Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

ПРИМЕЧАНИЕ.

1) «Пять лет Коминтерна» — речь, произнесенная 1 марта 1924 г. на торжественном заседании Ленинградского Совета, посвященном пятилетию Коминтерна. Впервые напечатана в № 55 газеты «Ленинградская Правда» от 7 марта 1924 года.

ПРИЕЗД В. И. ЛЕНИНА В РОССИЮ(1).

К годовщине приезда В. И. Ленина в Россию ленинградские рабочие закладывают памятник тов. Ленину на площади Финляндского вокзала.

Первая весть. Весть о февральской революции застала пишущего эти строки в Берне. В. И. жил в это время в Цюрихе. Помню, я возвращался из библиотеки, ничего не подозревая. Вдруг вижу, на улице большое смятение. На расхват берут какой-то экстренный выпуск газеты. «Революция в России». Голова кружится на весеннем солнце. С листком с еще необсохшей типографской краской спешу домой. Там застаю уже телеграмму от В. И., зовущую «немедленно» приехать в Цюрих.

Ждал-ли Владимир Ильич столь быстрой развязки? Кто перелистает наши писания тогдашнего времени (сборник «Против течения»), тот увидит, как страстно призывал В. И. русскую революцию и как ждал он ее. Но такой быстрой развязки событий все-же никто не ждал. Весть пришла неожиданно.

Итак, царизм пал! Лед тронулся. Империалистской бойне нанесен первый удар. С пути социалистической революции убрано одно из важнейших препятствий. То, о чем мечтали целые поколения русских революционеров, наконец, свершилось.

Помню несколько часов ходьбы по залитым весенним солнцем улицам Цюриха. Мы бродили с В. И. бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, строя всевозможные планы, поджидая новых телеграмм у подъезда редакции «Новой Цюрихской Газеты», строя догадки на основании отрывочных сведений.

Но, конечно, не прошло и нескольких часов, как мы взяли себя в руки.

Надо ехать! Что сделать, чтобы вырваться отсюда поскорей — вот главная мысль, которая господствует над всем остальным.

Чуя приближение грозы, В. И. особенно томился последние месяцы. Точно не хватало воздуха для легких. Тянуло к работе, тянуло к борьбе, а в швейцарской «дыре» ничего не оставалось больше, как сидеть в библиотеках. Вспоминаю, с какой «завистью» (именно, завистью, не нахожу другого слова) смотрели мы на швейцарских с.-д., которые, как-никак, жили

среди своих рабочих, с головой ушли в рабочее движение своей страны. Между тем, как мы были отрезаны от России в небывалой еще степени. Никогда раньше не тянуло в Россию с такой силой. Истосковались по русской речи, по русскому воздуху. Предчувствие революционной грозы заставляло томиться с особенной силой. В. И. в это время прямо напоминал льва, запертого в клетке.

Надо ехать. Дорога каждая минута. Но *как* проехать в Россию? Империалистская бойня достигла апогея. Шовинистские страсти бушуют во всю мочь. В Швейцарии мы отрезаны от всех воюющих государств. Все пути заказаны, все дороги отрезаны. Вначале мы как-то не отдавали себе в этом отчета. Но уже через несколько часов стало ясно, что мы сидим за семью замками, что прорваться будет нелегко. Рванулись в одну, в другую сторону, послали ряд телеграмм — ясно: не вырваться. В. И. придумывает планы, один другого неосуществимее: проехать в Россию на аэроплане (не хватает малого: аэроплана, нужны для этого средства, согласия властей и т. п.), проехать через Швецию по паспортам глухонемых (увы, мы не знаем ни слова по-шведски), добиться обмена нас на немецких военнопленных, попробовать проехать через Лондон и т. д. Ряд эмигрантских совещаний (с меньшевиками, эс-эрами и т. п.) по вопросу о том, как реализовать амнистию и двинуться всем желающим в Россию. В. И. сам на эти совещания не ходит, посылает меня, больших надежд на все это не возлагает.

Как только выяснилось, что в ближайшие дни, во всяком случае, уехать не удастся, В. И. садится за свои известные «Письма из далека». В нашей маленькой группе начинается интенсивная работа по определению нашей линии в начавшейся революции. Ряд писаний В. И., относящихся к этому времени, достаточно известен. Вспоминаю несколько горячих споров в Цюрихе, в небольшом рабочем ресторанчике и однажды на квартире В. И. по вопросу о том, можем-ли мы уже сейчас дать лозунг низвержения правительства Львова. Некоторые тогдашние «левые» настаивают на том, что большевики обязаны выступить *немедленно* с этим лозунгом. В. И. решительно *против.* «Терпеливо и настойчиво разъяснять», сказать народу всю правду, но вместе с тем уметь дождаться завоевания большинства революционного пролетариата и т. д. — вот наша задача.

... Решено. Другого выбора нет. Мы едем *через Германию.* Будь, что будет, но ясно, что *В. И. должен* как можно скорее

очутиться в Петрограде. Впервые высказанная мысль о поездке через Германию встретила, как и следовало ожидать, бурю негодования со стороны меньшевиков, эс-еров и всей вообще небольшевистской эмиграции. Были некоторые колебания даже среди большевиков. И понятно, риск был немалый.

Помню, на Цюрихском вокзале, когда мы все сели уже в вагон, чтобы двигаться к швейцарской границе, небольшая группа меньшевиков и эс-эров устроила Владимиру Ильичу нечто вроде враждебной демонстрации. В последнюю минуту, буквально за пару минут до отхода поезда тов. Рязанов в большом возбуждении отзывает пишущего эти строки в сторону и говорит: «В. И. увлекся и забыл об опасностях; вы хладнокровнее. Поймите-же, что это безумие. Уговорите В. И. отказаться от плана ехать через Германию».

Однако, через несколько недель к тому же «безумному» решению вынуждены были придти и Мартов, и другие меньшевики.

... Уехали. Помню жуткое впечатление замерзшей страны, когда мы ехали по Германии. Берлин, который мы видели только из окна вагона, напоминал кладбище.

Волнение, которое все мы переживали, как то стерло впечатление, времени и пространства. Слабый след остался в памяти от Стокгольма. Машинально ходили по улицам, машинально что-то закупали из самого необходимого для поправления неказистого туалета В. И. и других и чуть-ли не каждые полчаса справлялись о том, когда-же уходит поезд на Торнео.

Картина русских событий и в Стокгольме крайне еще неясна. Двусмысленная роль Керенского не вызывает уже сомнений. Но что делает Совет? Так-ли уж всесилен в Совете Чхеидзе и К°. За кого большинство рабочих? Какую позицию заняла большевистская организация? Все это еще неясно.

Торнео. Помнится, это было ночью. Переезд по замерзшему заливу на санях. Длинная узенькая лента саней. На каждых из этих саночек по два человека. Напряжение достигает максимальной степени. Наиболее экспансивные из молодежи (покойный Усиевич) нервничают необычайно. Сейчас мы увидим первых революционных русских солдат. В. И. внешне спокоен. Его, прежде всего, интересует то, что делается там — в далеком Петербурге. Через замерзший залив, занесенный глубокими снегами, он напряженно смотрит вдаль, и глаз его как будто видит на полторы тысячи верст вперед то, что происходит в революционной столице.

Мы — на русской стороне границы (нынешняя граница Финляндии со Швецией). Наша молодежь, прежде всего, набросилась на русских солдат-пограничников (было их, вероятно, только несколько десятков человек), с которыми начинает зондирующие беседы. В. И. прежде всего набросился на русские газеты. Отдельные номера питерской «Правды» — *нашей* «Правды». В. И. впился в газетные столбцы. Качает головой, с укором разводит руками: прочел известие о том, что Малиновский оказался-таки провокатором. Дальше, дальше. Настоящую тревогу вызывают у В. И. некоторые недостаточно выдержанные с точки зрения интернационализма статьи в первых номерах «Правды». Неужели? В «*Правде*» недостаточно ясна интернационалистская позиция! Ну, мы с ними «повоюем», линия будет исправлена скоро...

Первые встречи с «керенскими» поручиками, «революционными демократами». Затем — с первыми русскими революционными солдатами, которых В. И. уже через час беседы окрестил «добросовестными оборонцами», которым надо особенно «терпеливо разъяснять». По приказанию властей, группа солдат сопровождает нас до столицы. Сели в вагоны. В. И. «впился» в этих солдатиков. Пошли разговоры о земле, о войне, о новой России. Особая, достаточно хорошо известная манера В. И. подходить к рядовникам-рабочим и крестьянам сделала то, что через самое короткое время установилось великолепное товарищеское взаимопонимание. Беседа идет всю ночь напролет. Но солдаты-оборонцы стоят на своем. Первый вывод, который делает В. И.: оборончество — еще большая сила. В борьбе с ним нам нужна твердая настойчивость. Но столь же необходимы терпение и умелый подход.

Все мы были твердо уверены, что по приезде в Петроград, мы будем арестованы Милюковым и Львовым. Больше всех в этом уверен был В. И. И к этому он готовил всю группу товарищей, следовавших за ним. Для большей верности мы отобрали даже у всех ехавших с нами официальные подписки в том, что они готовы пойти в тюрьму и отвечать перед любым судом за принятое решение поехать через Германию.

Чем ближе к Белоострову, тем больше возрастает волнение. В Белоострове, однако, власти встречают нас достаточно дружелюбно. Один из керенских офицеров, исполняющий должность коменданта Белоострова, даже «рапортует» Владимиру Ильичу.

В Белоострове нас встречают ближайшие друзья. Среди них Каменев, Сталин и многие другие. В тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнений. В. И. забрасывает товарищей рядом вопросов.

— Будем ли мы арестованы в Петрограде?

Встречающие нас друзья определенного ответа не дают, но загадочно улыбаются. По дороге, на одной из станций, ближайших к Сестрорецку, сотни сестрорецких пролетариев приветствуют В. И. с той сердечностью, с которой рабочие относились только к нему. Его подхватывают на руки. Он произносит первую короткую приветственную речь.

Перрон Финляндского вокзала в Петрограде. Уже ночь. Только теперь мы поняли загадочные улыбки друзей. В. И. ждет не арест, а — триумф. Вокзал и прилегающая площадь залиты огнями прожекторов. На перроне длинная цепь почетного караула всех родов оружия. Вокзал, площадь и прилегающие улицы запружены десятками тысяч рабочих, восторженно встречающих своего вождя. Гремит «Интернационал». Десятки тысяч рабочих и солдат горят энтузиазмом.

В течение нескольких секунд В. И. «перестраивает ряды». В так называемой императорской комнате В. И—ча ждет «сам» Чхеидзе, во главе с целой делегацией от Совета. От имени «революционной демократии» лиса-Чхеидзе приветствует В. И., «выражает надежду» и т. д. Не моргнув бровью, В. И. отвечает коротенькой речью, которая от первого до последнего слова хлещет, как бичом, по лицу почтенной «революционной демократии». Речь кончается возгласом: «Да здравствует социалистическая революция!»

С этой минуты нахлынула могучая человеческая волна. Первое впечатление: мы — щепочки в этой волне.

Владимира Ильича подхватили, посадили на броневой автомобиль. В броневике он совершает свой первый въезд в революционную столицу, объезжает густые ряды рабочих и солдат, воодушевлению которых нет границ. Произносит коротенькие речи, бросая в массы лозунг социалистической революции.

Через час мы все во дворце Кшесинской, где собралась почти вся большевистская партия. До утра льются речи товарищей, которым в конце отвечает В. И. Рано утром, чуть брезжит свет, мы расходимся, с наслаждением вдыхая воздух

родного Петербурга. Идем через Неву, которой не видели уже столько лет. В. И. бодр и весел. Для каждого у него находится доброе слово. Всех помнит. Со всеми же завтра же встретится на начинающейся новой работе.

Кругом бодрые лица, *Приехал вождь.* С нескрываемой радостью, восторгом и любовью все смотрят на Владимира Ильича и регистрируют этот факт.

В. И. — в России, в революционной России, после долгих лет изгнания. «Первая из первого ряда революций началась». Революционная Россия обрела настоящего вождя. Начинается новая глава в истории международной пролетарской революции.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) «Приезд В. И. Ленина в Россию» статья из № 87 газеты «Ленинградская Правда» от 16 апреля 1924 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I.

(К статье: «Ленин» (Владимир Ильич Ульянов). Очерк (жизни и деятельности).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая книжка есть стенографическая запись речи, произнесенной мною 6 сентября 1918 г. в заседании Петроградского Совета. Товарищи настоятельно требовали от меня издания этой речи отдельной книжкой, дабы с биографией т. Ленина смогли ознакомиться возможно более широкие круги рабочих и крестьян.

В моей речи, разумеется, дан лишь самый беглый очерк жизни и деятельности т. Ленина. Я намеревался обработать и дополнить эту речь. Но текущая работа, к глубокому моему сожалению, не позволила мне даже внимательно перечитать стенограмму. Я чувствую, что не сказал и десятой доли того, что можно и должно сказать о жизни и деятельности т. Ленина.

Настоящая книжка положит лишь слабое начало той биографии т. Ленина, которая должна еще быть написана. На большее эта книжка не претендует.

Петроградский Совет решил одновременно издать эту книжку также на французском, немецком и английском языках.

Мне остается только еще попросить у т. Ленина извинения за то, что я решился рассказать публично кое-что из того, что т. Ленин наверняка предпочел бы оставить неизвестным широкой публике. Рабочий класс д о л ж е н знать биографию своего признанного вождя.

Г. З.

Приложение II.

К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ.

Воззвание Исполкома Коминтерна.

Ленин — наш бессмертный вождь. Широкие массы революционных рабочих всего мира охвачены скорбью по Ленине, как величайшем вожде рабочего движения. Но пусть эта скорбь не лишает нас мужества, товарищи!

Вспомним с благодарностью о бессмертных заслугах его перед всемирным рабочим движением и, воодушевленные его великим примером, будем стремиться к осуществлению его исторических заветов.

Как Маркс, так и Ленин, несмотря на его смерть, всегда останется нашим вождем. Маркс дал свое учение об освобождении пролетариата — Ленин повел пролетариат по пути победоносного осуществления этого учения.

Ленин создал победоносную революционную рабочую партию—Российскую Коммунистическую Партию. С несокрушимой верой в революционную силу и мощность рабочего класса он трудился над созданием партии. Он создал партию при невероятных трудностях и преследованиях, при непрестанной борьбе против царистской деспотии, против глубоко вкоренившихся предрассудков, против предателей-«социалистов», лжевождей рабочих масс. В этой долголетней борьбе он создал победоносную стратегию и тактику революционного марксизма и партийное оформление коммунистического движения.

В истории международного рабочего движения деятельность Ленина открыла новую главу. С первых же дней своей деятельности повел Ленин героическую борьбу против того изменнического, отравленного капитализмом духа, который господствовал в партиях II Интернационала. Когда в начале империалистической войны эти партии позорно пошли на службу к разбойничьим капиталистическим правительствам, Ленин с гениальным предвидением провозгласил исторический лозунг пролетарской мировой революции: «Империалистическая война должна превратиться в войну гражданскую».

Вооруженный безграничным революционным мужеством, вдохновленный железной волей к победе, повел он в 1917 году русский пролетариат на борьбу за разоружение капиталистических государств.

Он первый из всех вождей современного рабочего движения ясно сознал историческое значение политического пробуждения крестьянства и необходимость создания тесного боевого союза между крестьянством и индустриальным пролетариатом при гегемонии последнего.

Ранее, чем кто-либо другой, он увидел в рабочих и крестьянских Советах грядущую государственную форму диктатуры пролетариата.

Он сплотил пролетариат вокруг лозунга «вся власть Советам». Он создал Советскую власть, он создал все для укрепления, для освобождения ее от бешеного натиска окружавших ее несчетных врагов.

Никто из нас не забудет того удара, который был нанесен мерзким покушением на Ленина в 1918 г. В нашей борьбе мы ни на минуту не забудем того, что предатели рабочего класса отравленной пулей хотели сломить нашего дорогого вождя.

Коммунистический Интернационал был основан Лениным 5 лет тому назад. Ленин тогда же указал, в чем должна состоять задача нашего Интернационала: осуществление вечных идеалов социализма и рабочего движения. И прежде всего это была задача его собственной жизни.

Никогда еще история не видала более благородного примера глубокой преданности святому идеалу освободительной борьбы трудящихся масс. Никто никогда еще не создал так много для осуществления этого идеала, как Ленин.

Своим руководством в Коммунистическом Интернационале он дал нам прочную базу для революционного рабочего движения всех стран. Этим базисом является прежде всего развитое им в теории и осуществленное на практике марксистское учение о государстве и революции, о диктатуре пролетариата, а также его ясный анализ существующей буржуазной демократии, его учение о демократическом цензе. А данные им в 1903 году гениальные директивы об организации революционной работы еще и сейчас представляют собой величайшую ценность для нашей борьбы в этой области. Такой же величайшей ценностью являются для нас пророческие слова его последней речи на IV всемирном конгрессе и его последняя статья о перспективах мировой революции.

Величайшее значение придавал он объединению под знаменем Коминтерна всех истинно-революционных сил различных лагерей и направлений старого рабочего движения. В один из самых серьезных моментов он дал лозунг завоевания масс, как одной из необходимых предпосылок для завоевания власти и установления пролетарской диктатуры.

Особое внимание уделял он революционному развитию Германии вплоть до самого последнего времени, когда мы все надеялись, что в Германии гордо подымет свою голову пролетарская революция.

Ленин был и навсегда останется бессмертным вождем пролетарской мировой революции.

Своим гениальным зорким взглядом он сумел оценить национальное пробуждение и революционный подъем народов Востока, борющихся против алчного к власти и золоту капиталистического империализма. Он отдавал себе полный отчет в глубоком значении восстания народов Востока и неустанно работал над задачей привлечения их в ряды Коминтерна.

Прежде всего его заслугой является осуществление Коминтерном слов поэта: «С Интернационалом воспрянет род людской».

Подобную же чуткость проявил Ленин в своем подходе к юношескому и женскому коммунистическому движению. Он ясно видел, что юношеское и женское движение нанесет удар главному врагу пролетарской революции — невежеству и пассивности масс.

Гигантскими шагами, как это и предвидел Ленин, идет вперед мировая пролетарская революция.

Помня о Ленине, мы должны собрать все свои силы для борьбы против ига капитала.

Готовьтесь к боям, революционные пролетарии всех стран! Пусть ненависть к врагам коммунизма будет такой же пламенной и вечной в ваших сердцах, как любовь к Ленину.

На борьбу за последовательное осуществление заветов тов. Ленина. К этой борьбе призывает Исполком Коминтерна все секции.

Мы обращаемся к миллионам наших товарищей по борьбе во всем мире с призывом: следуйте заветам Ленина, которые продолжают жить в его партии и во всем том, что создано трудами в его жизни.

Боритесь, как Ленин, и, как Ленин, вы победите.

ИСПОЛКОМ КОМИНТЕРНА.

Председатель Г. Зиновьев, Клара Цеткин (Германия), В. Коларов (Болгария), У. Терачини (Италия), Стюарт (Англия), Штырнер (Южная Африка), Шиллер (Исполком Коминтерна Молодежи), Бухарин (С.С.С.Р.), Радек (С.С.С.Р.), Трухняк (Польша), Амтер (Северо-Американские Соединенные Штаты), Куусинен (Финляндия), Унгерн (Исполком Коминтерна Молодежи), Исполнительное Бюро Профинтерна: Лозовский, Джонсон, Макс Гаммер, Джерманст.

23 января 1924 года.

Приложение III.

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ ПЕТРОГРАДА В ЛЕНИНГРАД.

Постановление II Съезда Советов С.С.С.Р.

Красный Петроград—колыбель пролетарской революции. Заслуги петроградских рабочих перед нашим Союзом Социалистических Советских Республик неизмеримо велики.

Великие события Октября 1917 г., решившие судьбу нашей страны, произошли именно в Петрограде. Десятки и сотни тысяч петроградских рабочих первые пошли за тов. Лениным в огонь и составили первые железные отряды той армии, с которой Владимир Ильич Ленин победил буржуазию.

В Петрограде великая пролетарская революция одержала первую значительную победу. Здесь создавались первые отряды пролетарской Красной гвардии и здесь заложена была основа Красной армии. Ни голод, ни холод, ни блокада, ни десятки других бедствий не сломили духа пролетарского Петрограда.

Как неприступная скала, высился все эти годы Красный Петроград, оставшийся поныне первой цитаделью Советской власти. Отсюда по зову тов. Ленина вышли десятки рабочих, строителей новой России, вернейших проводников идей Владимира Ильича Ленина.

Расцвет революционной деятельности Владимира Ильича Ленина начался в Петрограде. В этом городе было создано первое рабоче-крестьянское правительство в мире.

В виду всего этого, второй Съезд Советов С.С.С.Р. считает вполне справедливым удовлетворить просьбу Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов, поддержанную резолюциями рабочих всех фабрик и заводов Петрограда, о переименовании Петрограда в Ленинград.

Пусть отныне этот крупнейший центр пролетарской революции навсегда будет связан с именем величайшего из вождей пролетариата—Владимира Ильича Ленина.

Председатель II-го Съезда Советов Союза С.С.Р. *М. Калинин.*

Секретарь II Съезда Советов Союза С.С.Р. *А. Енукидзе.*

I.

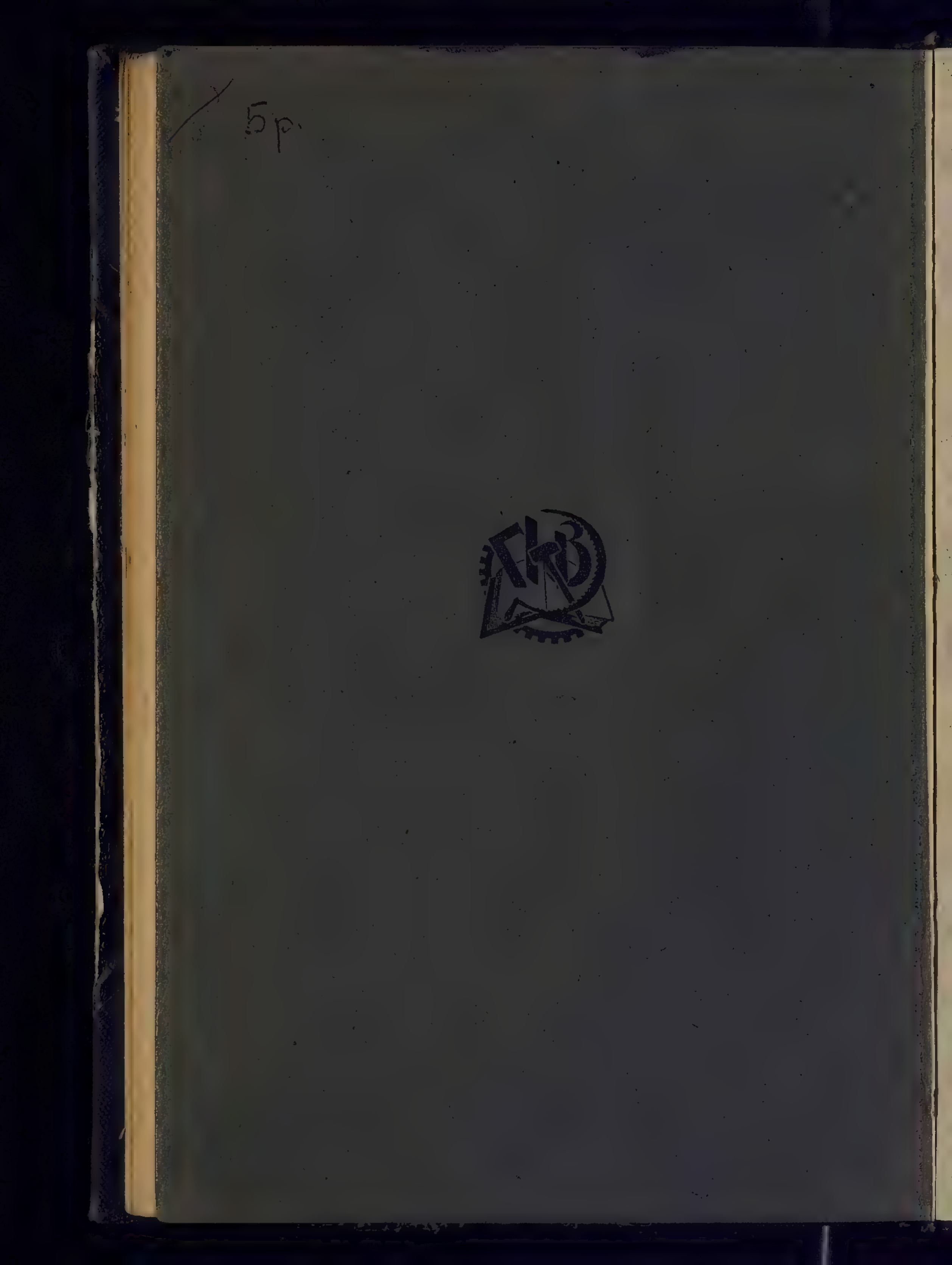
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

II.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

СОДЕРЖАНИЕ.

5р.

5р.

